

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 6(52), 2017

*Русская мечта:
храм на холме*

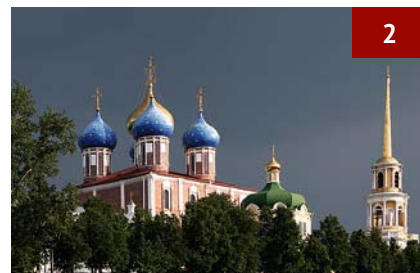

*Есенин
космический*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Есенин космический
- 6** Рязанское отражение Русской мечты
(выездное заседание Изборского клуба)
- 16** Русская мечта. Ментальная карта
(авторский доклад Изборскому клубу Виталия АВЕРЬЯНОВА)
ВВЕДЕНИЕ (стр. 17)
1. К РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЕ (стр. 18)
1.1. Любовь к сути, поиск сути (онтологизм) (стр. 20)
1.2. Всё или ничего (максимализм) (стр. 21)
1.3. Русская правда (стр. 21)
1.4. Цельное знание (интуитивизм) (стр. 22)
1.5. Русская свобода (стр. 23)
1.6. Соборный персонализм (стр. 23)
1.7. Другие ментальные узлы (умиление, артистизм, душевность, общительность) (стр. 25)
2. БЛАЖЕННЫЕ, ЮРОДИВЫЕ, «ДУРАКИ» (стр. 25)
3. ЧУДИКИ ШУКШИНА И ПРАВЕДНИКИ ЛЕСКОВА (стр. 28)
4. РУССКИЙ ГЕНИЙ И РУССКАЯ МЕЧТА (стр. 31)
- 34** Сергей БАРАНОВ.
Мечта как русский двигатель
- 44** Егор ХОЛМОГОРОВ.
Реставрация будущего
- 52** Сергей ПЕРЕСЛЕГИН.
Русская цивилизация: работа над ошибками
- 60** Будущее как возмездие
(беседа Александра ПРОХАНОВА с Максимом КАЛАШНИКОВЫМ)
- 72** Шамиль СУЛТАНОВ.
Исламская мечта, или Цивилизационный проект, которого как бы и нет, но в то же время он уже существует
(авторский доклад Изборскому клубу)
- 84** Александр ДОМРИН.
Американская мечта глазами русского
- 94** Юрий ТАВРОВСКИЙ.
Китайская мечта: итоги первой пятилетки
- 102** Владимир ЕЛИСТРАТОВ.
Россия как планетарное МЧС
- 108** Алексей ВАЙЦ.
Время собираться
- 114** Библиотекарь
- 116** Виталий АВЕРЬЯНОВ.
«Сей мир боится наших грёз...»
(стихи)

2

16

34

84

108

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** № 6(52), 2017 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 20.09.2017

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1552

/Александр ПРОХАНОВ /

Есенин КОСМИЧЕСКИЙ

Изборский клуб посетил Рязанскую область. В ходе круглых столов, в беседах с жителями области звучали размышления, что такое Русская мечта, какова мечта рязанская. Александр Проханов высказал свои представления о поисках Русской мечты.

Русский народ — великий трудник. Он работает с утра до ночи. Он роет окопы, если война, роет карьеры, если нужно добыть золото или железо, роет котлованы под высотные дома и храмы. Но нас обвиняют в том, что мы — ленивый народ. Да какой другой народ мог создать страну в двенадцать часовых поясов и освоить такие земли, на которых, казалось бы, ничего не родится?

В своих великих трудах русский человек постоянно смотрит в землю, опекает её: чтобы земля под ним не прогнулась, чтобы её не залила вода,

чтобы не погиб урожай. Он всё время пребывает в трудах, хочет делать свою жизнь лучше, прекраснее, богаче. Не получается! Не дают! То и дело на нашу землю приходят супостаты и сжигают всё до основания. И опять нам приходится всё восстанавливать: строить, обихаживать нашу землю.

Притом что русский народ всё время смотрит в землю (для него земля — это мать-сыра-земля, земля-матушка), русский народ — мечтатель. Нет, пожалуй, другого народа, который был бы таким мечтателем, фантазёром, так страстно загляды-

вал бы за горизонт, смотрел в небеса, ожидал чуда, верил в чудо. Мы мечтательны и очень доверчивы, простодушны, этим пользуются лукавцы и постоянно нас обманывают. Но это не делает нас другими: мы — народ-мечтатель.

И Русская мечта сопутствует всему нашему историческому времени. Мы и живём-то на земле потому, что мечтаем. Мы попадаем в пропасти, в ямы, в глубинные чёрные дыры, но вырываемся оттуда, потому что мечтаем. Мечта — эта таинственная сила русской истории, русского времени — влечёт нас из одной гибели в другую, и из одного цветения в другое.

А что такое мечта, что такое Русская мечта? Все великие народы и цивилизации уже сформулировали свою мечту. Американская мечта — это «град на холме». Китайцы сформулировали Китайскую мечту, и категория «Китайская мечта» даже внесена в партийные документы, принята на пленуме КПК. А Русская мечта? Люди чувствуют потребность её сформулировать, назвать, потому что она есть, она где-то рядом, она дышит, она ищет путь.

Кто-то, например, говорит, что смысл русской жизни, русской истории, русского существования — в футболе. Слышишь это и думаешь: неужели смысл русской жизни, Русской мечты — в победе на чемпионате? Другие говорят, что русская идея — в патриотизме. Но неужели Русская мечта отличается от мечты швейцарской тем, что русские любят Россию, а швейцарцы — Швейцарию?

Русская мечта изыскивается историками, философами, духовидцами, религиозными пророками, изыскивается из всего русского духовного пути, из изучения этапов всей русской исторической духовной мысли. Языческий этап русской истории — наши волшебные сказки. О чём говорят они? О молодильных яблоках, о победе над старостью, ветхостью, над тлением. Говорят о живой воде, которая воскрешает. О волшебном поцелуе, от которого лежащий во гробе может восстать и ожить. Они говорят об Иване-царевиче, который кидается в кипящие котлы, в кипяток водяной, смоляной, млечный. И не погибает в этих котлах, а вылетает оттуда ещё краше, ещё сильнее, восхитительнее. Так и русская жизнь: попадает в страшный котёл, в страшную ямину, а вылетает из неё краше, чем прежде...

Русскую мечту можно уловить и в учении великого православного философа, мистика старца Филофея, который подвизался в Свято-Елизаровском монастыре на Псковщине и писал послания возвышающимся тогда государям — Ивану III, Василию III. Он говорил: предназначение твоё, смысл твоего правления, государь, не в том, чтобы расширять пределы твоего великого государства.

Не в том, чтобы снискать славу, не в том, чтобы собрать великую казну. А в том, чтобы сберечь православие, сберечь учение о Царствии Небесном, сберечь представление, живущее в нашем народе, об этом божественном плане, который связан с нашей православной верой.

Русскую мечту можно и проследить, увидеть, если с любовью, с открытым сердцем читать Толстого и Достоевского. Потому что эти великие наши вероучители всё время говорили, куда стремится русское сознание. Как оно падает в русскую бездну, в русское подполье. Но избавляется от страшной гравитации тьмы, преисподней и опять летит к небесам, летит в Царствие Небесное.

Об этом говорит наш великий космист Николай Фёдоров, который учил, что воскрешение из мёртвых возможно, победа над смертью возможна — возможна даже здесь, в земной жизни. Для этого нужен огромный духовный подвиг и преодоление всего смертного, смердящего, гнусного, гнилого, живущего в земном человеке, чтобы он очеловечился и благодаря достижениям науки и техники достиг абсолютной прозрачности, чистоты, небесности и красоты.

Об этом говорили и большевики, которые решили перестроить мир, создать новое человечество, не подверженное ненависти, эксплуатации, злобе, зависти, по существу — создать святое человечество. Революция, конечно, затевалась и ради земли, заводов и мира. Но она затевалась в большей степени ради нового человека — абсолютно нового: любящего, верящего, милосердного, жертвующего.

И Русская мечта, если собрать её по крупичкам из всех этих великих периодов, великих чаяний, связана с тем, чтобы устроить жизнь в России божественно справедливо, божественно восхитительно. Чтобы человек человеку был ангел, а не враг, не волк. Чтобы, спасая себя, свой народ, Россия спасала и весь остальной мир, всё человечество. Смысл России именно в этом. Россия не может быть страной эгоистов, она живёт для того, чтобы была сохранена биосфера, сохранён Байкал, чтобы были сохранены цветы, сохранено звёздное небо.

У Русской мечты нет границ, нет жёстких форм. Русская мечта чем-то напоминает сновидение: мы видим, но не можем описать. Да и вся русская литература и культура — это рассказ о Русской мечте, о Царствии Небесном, которое так или иначе в разные периоды являлось русскому человеку.

Сегодня, после краха 1991 года, после страшной катастрофы, в которой мы потеряли Родину, потеряли государство и великий народ-победитель превратился в бесхозный немощный народ-лилипут, мы снова начинаем восходить, снова начинаем создавать наше новое государство,

Вообще, категория «Русская мечта», хотя и прослеживается во всей русской истории, в преданиях и работах наших мыслителей, — нова, потому что в нашей философии, идеологии, историософии она не формулировалась как таковая. О русском чуде говорили, о русской идее говорили, а о Русской мечте — нет. Изборский клуб ставит перед собой такую задачу: сформулировать представление о Русской мечте.

наше русское царство. И в этом новом русском государстве возникает новый русский народ. Не те новые русские, которые грабили павшую Россию. А мы с вами — те новые русские, которые не сдались и не умерли в период той огромной государственной смерти. Мы выстояли и возводим наше новое царство.

И понимание русской мечты очень важно сегодня. Мне кажется, для идеологии сегодняшнего государства Российского формулирование Русской мечты является первоосновой. Конечно, надо знать, как обеспечить интенсивное экономическое развитие, как обустроить банковскую сферу, как учить и лечить. Но главное — надо показать путеводную звезду, зарю на русском горизонте.

Изборский клуб ставит перед собой такую задачу: сформулировать представление о Русской мечте. Американская мечта — это «град на холме». Это крепость, которая вознесена на гору, крепость, из бойниц которой видны долины, другие поселения, другие народы. И если что-то в долинах покажется американцам не так, из этих бойниц они станут стрелять, исправлять порченное человечество с помощью крылатых ракет.

Русская мечта — это храм на холме. Мы ставим на холме наши храмы и тем самым поднимаем свой храм, свою мечту ближе к небесам. Как божественен Рязанский кремль! Это божья краса, дивное творение, в котором Русская мечта XVI, XVII, XVIII веков воплотилась в потрясающей красоты сооружениях.

Русская мечта всего государства Российского складывается из мечтаний отдельных русских земель, русских областей, губерний. И Рязанская мечта как часть общей Русской мечты — важная её составляющая. Если отделение Изборского клуба Рязани занялось бы формулированием Рязанской мечты как общерусской мечты — это было бы большим вкладом и подспорьем всем нам.

Рязань — это Есенин. А Есенин всю свою жизнь пел о Русской мечте. Он и погиб, когда на устах у него была печальная прощальная песнь о русской мечте, которой он так и не достиг.

Я нахожусь под впечатлением от Константинова уже не первый год, и в нынешний приезд подтвердил своё возвышенное переживание, связанное с этим местом. Вообще, категория «Русская мечта», хотя и прослеживается во всей русской истории, в преданиях и работах наших мыслителей, — нова, потому что в нашей философии, идеологии, историософии она не формулировалась как таковая. О русском чуде говорили, о русской идее говорили, а о Русской мечте — нет. И мы на Рязанской земле, возможно, впервые дискутировали: что это такое, что за таинственное чудо — под именем Русская мечта.

В Константинове потрясающий, неповторимый ландшафт. Это, может быть, одно из самых восхитительных мест русской равнины, когда равнинная река — спокойная синеокая Ока — как будто встаёт на дыбы. Она совершает здесь головокружительный вираж. Она вдруг начинает метаться, как кобылица, из стороны в сторону. Она то взлетает в небеса, то падает на землю. Она течёт среди божественных заливных лугов. Старицы, далёкие озёра, кручи, высокие берега... И такое ощущение, что в этом месте произошёл таинственный разлом земной коры. И из земли в небо, а из неба в землю проложен световод. И по этому световоду несутся энергии, имя которым ещё не обозначено. Ни физики, ни мистики не знают, что это за энергии. Но ясно, что это творящие энергии. Быть может, это энергии извечные, которые всегда соединяли Землю с космосом, и, может быть, по этим энергиям и пришла в эту часть Вселенной великая жизнь. Дух захватывает, когда смотришь на эти земли и ощущаешь, что этот световой поток тебя самого подхватывает, и как будто у тебя крылья вырастают.

И понимаешь, что здесь не мог не родиться великий человек. Здесь мог родиться великий воин, великий открыватель, который открыл вторую, третью таблицу Менделеева, или какой-нибудь таинственный элемент, или закон физики. Но здесь родился поэт. Родился как результат этого космического русского вихря.

Сам Есенин является космическим русским вихрем, который возник внутри русской жизни — далеко не равнинной, потому что вся русская жизнь состоит из вихрей, взлётов, провалов и вновь — вознесений. И Есенин возник как результат этой рязанской тайны. И его красота, его неповторимость и таинственность связаны с этими местами. Есенин очень таинственен, язык Есени-

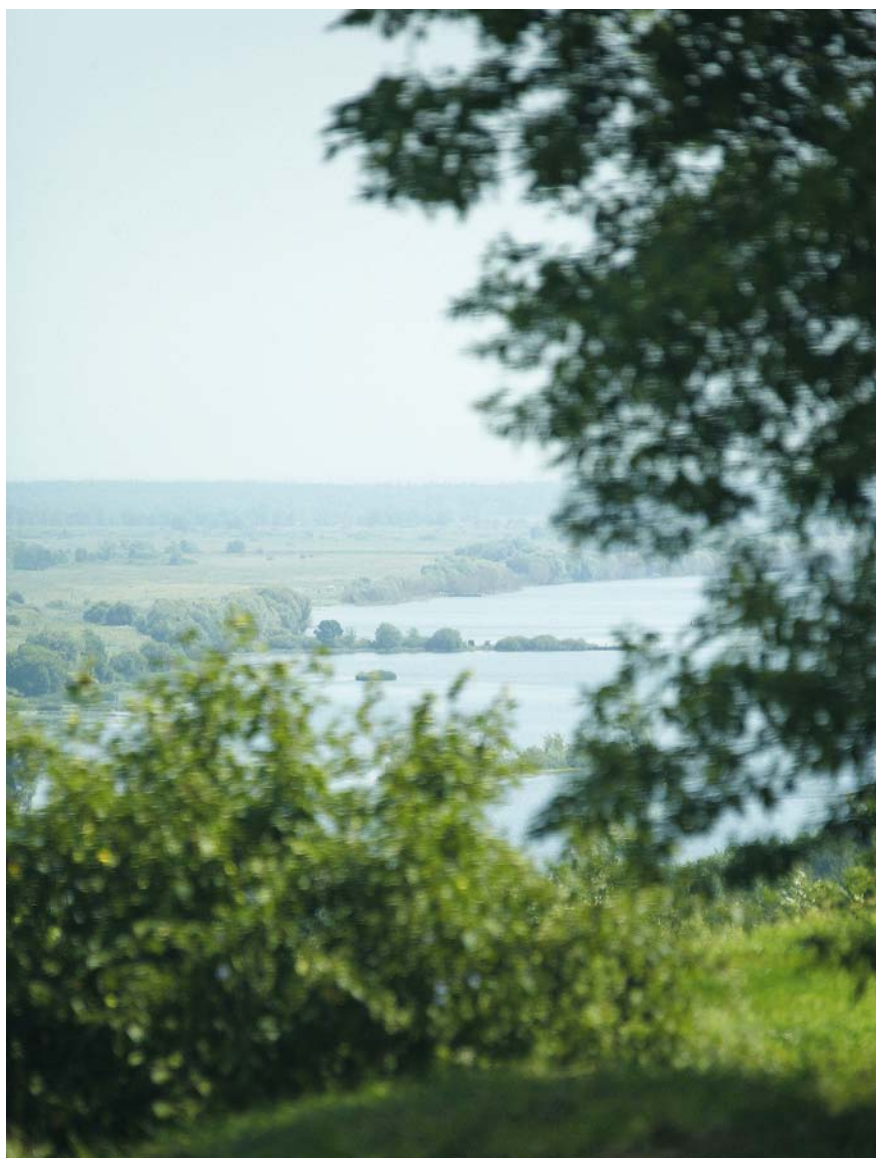

на таинственен. Филологи говорят, что в поэзии Есенина нельзя убрать или заменить ни одного слова — одно определение другим, один глагол другим. А в стихах других величайших наших поэтов такие замены возможны. Язык Есенина — как священное писание, где нельзя ни одной буквы изменить. Этим языком Есенин пел русскую мечту. И вся поэзия Есенина — это взывание к небу, взывание к космосу, это евангельские чтения, это рыдания, это молитвы, это счастье, это ликование, это надгробные песнопения, это песнопения о себе самом — несчастном и грешном. Это покаянные каноны, которые он писал. И это, конечно, хвала Русской земле, хвала тому счастью, что он — русский, тому, что на земле существует такой народ, как русский, такая земля, как Россия.

И, быть может, не космический вихрь создал этот уникальный ландшафт и породил Есенина, а Есенин своим стихом породил этот вихрь. Может, Есенин был и до того? Пока Ока не воспряла и не стала взлетать к небу, она текла здесь ровно, спокойно, величаво. А потом пришёл Есенин и написал один, второй, третий, четвёртый стих... И вдруг Ока стала летать, метаться из стороны в сторону, потому что искала себе другое — небесное — русло и отыскивала его. Но если это так, значит, Есенин был прежде этой земли, значит, Есенин был всегда. Это только кажется, что он родился здесь и есть дата его рождения, его смерти. Но в действительности у Есенина нет ни даты рождения, ни смерти. Есенин — предвечный, он был всегда. Потому что русское слово было всегда. Сначала было русское слово, потом возникла Россия, а потом и весь остальной мир.

И поэтому — «в начале было Слово, и Слово было Есенин, и Есенин был у Бога». Это метафора, конечно, но она возможна, и в ней я нахожу для себя большое утешение и откровение. И рязанское отражение русской мечты — это Есенин. А может быть, сама русская мечта есть отражение Есенина. Это вопрос таинственной русской диалектики.

У дома Есенина стоят дубы. Эти дубы выросли из желудей, которые привезли из пушкинских мест, привезли от Сороти, из Михайловского. Это пушкинские дубы, которые помнили, знали Пушкина, которые, возможно, сам Пушкин посадил, обнимал их. Эти дубы принесли в Константиново пушкинскую душу, пушкинскую стихию. Пушкин с Есениным говорят через эти деревья. И как вся мировая вода едина — деревенский пруд, океан, Ока, Миссисипи, Байкал, льды Антарктиды соединены тайной воды, — так же едины все деревья, все леса. Они друг с другом говорят, общаются, начинают стонать, когда их губят, ликут, когда цветение начинается. Эти пушкинские и есенин-

ские дубы находятся в постоянной связи. Они читают друг другу стихи: есенинский дуб читает пушкинские стихи, а пушкинский дуб читает есенинские стихи. Ведь «ты жива ещё, моя старушка» и стихи об Арине Родионовне — очень похожи. По существу, это стихи, написанные одним дубом и другим дубом своей праматери-воспитательнице.

И если мы будем создавать движение под названием «Русская мечта», если у нас найдутся на это силы, то создание региональных отделений русской мечты может сопровождаться посевом есенинско-пушкинских желудей. Чтобы по всей России, по всей Руси разрасталась огромная общерусская дубрава, и чтобы в этой дубраве, в её лесах, кронах, среди птиц и белок, которые бы там скакали, звучала поэзия есенинская, пушкинская. Поэзия русской мечты. Благослови Бог Рязанскую землю. Благослови Бог людей, которые на ней живут. Благослови Бог Россию!

Рязанское отражение Русской мечты

*Выездное заседание Изборского клуба
28 июля 2017 г.*

Николай СТАРИКОВ,
писатель, историк,
председатель партии
«Великое Отечество»:

— Говорить о русской мечте очень правильно и очень символично именно в Рязани. Рязань — особенный русский регион. Давайте немножко вспомним собственную историю. Рязань всегда защищала Россию, она была рубежом, принимавшим на себя те нашествия, которые шли с юга и востока, чтобы уничтожить Русь. Здесь имя Евпатия Коловрата — одно из первых имён, которое мы вспоминаем, говоря о древних героях нашей Родины.

Дальше начинается исторический период создания централизованного русского государства. И что мы видим? Куликовская битва, 1380 год. Победа русского войска. Казалось бы, вот, цель достигнута, русская мечта о самостоятельности сбывается. Но нет, рязанский князь Олег не пришёл на битву, занял выжидательную позицию. И неслучайно окончательное освобождение от татарского ига занимает ещё целое столетие. То есть до тех пор, пока Рязань и Москва не договорились, не заключили между собой вечный мир, мечта о достижении независимости нашего государства, централизованной Руси — не осуществлена. Как же в этой ситуации не говорить об особой роли Рязани? Ни один из других русских регионов в этой ситуации не был столь важным, ключевым, как Рязань.

И если мы вспомним великую русскую культуру, то опять, мне кажется, Рязань находится в особом положении. Потому что нет ни одного величайшего русского писателя, поэта или художника, чьё имя было бы совершенно намертво связано с одним из русских городов. Вспомните Пушкина — возникнет много городов, в том числе Санкт-Петербург, Москва и его имение. Вспомните других поэтов — будет нечто похожее. Но Есенин — это именно Рязань, и это ни у кого не вызывает сомнений.

Ну и как не вспомнить о том, что Рязань — город-воин не только в прошлом, но и в настоящем. Я уж не говорю о героях Великой Отечественной войны — я говорю о тех, кто защищал Россию и защищает её сегодня. Неслучайно именно Рязань — столица наиболее боеспособной части нашей славной армии. Всё это вместе, мне кажется, подчёркивает необходимость говорить о Русской мечте именно здесь, в Рязани.

Теперь хотелось бы высказаться по поводу того, какая она, Русская мечта, что она из себя представляет. Я всегда внимательно слушаю, что говорит Александр Андреевич Проханов. У него есть удивительная особенность развёрнуто рассказывать так увлекательно, так красиво те вещи, которые бюрократы изложили бы в двух предложениях. А мечта — это как раз та субстанция, то нечто, что невозможно изложить бюрократическим языком. Мечта куда-то ведёт, влечёт, она находится за горизонтом. Это то, к чему мы должны стремиться, и чего, наверное, мы не должны окончательно достигать. Потому что, если мы достигли мечты, получается, что мы исчерпали смысл своего существования, смысл своей жизни. Русская мечта — это что-то путеводное, к чему мы с вами движемся.

Мне кажется, что основа Русской мечты в справедливости. И в этом смысле я полностью согласен с Александром Андреевичем. Русский человек больше, чем люди других цивилизаций, восприимчив к справедливости. Иногда, и очень часто даже, он готов отдать свою жизнь за людей, проживающих не то что в его государстве, но и далеко от его государства, потому что происходящее там несправедливо. Мы это видим в истории, когда русские освобождали славянские народы от турецкого ига. Мы это видели во время Великой Отечественной войны. И сегодня неблагодарные потомки тех, кого мы спасли от нацистов, пытаются

сносить наши памятники и плевать на могилы наших солдат.

Мы видим и сегодня, как наши солдаты отправляются в Сирию, выполняют там воинский долг, иногда жертвуют своей жизнью. И делают это не только потому, что это их работа, а потому что защищать тех, кого там убивают и обижают, — справедливо.

Поэтому справедливость из Русской мечты не выкинуть никак. Но справедливость должна стать не только мечтой, но и государственной идеей и быть очень понятной и чётко сформулированной. Мне кажется, такая Русская мечта в виде государственной идеи должна содержать три части.

Первое — это справедливый союз национальностей, входящих в состав нашего государства. Тот, кто сеет национальную рознь в многонациональном государстве, является врагом государства, врагом народа. Именно так к нему и надо относиться, несмотря на кажущуюся высокопарность этих слов. Люди, которые говорят о русском национализме, часто не являются теми, кто любит русский народ. Они являются теми, кто хочет погубить русский народ, чтобы снова пограничные земли России проходили примерно в Рязани, а то, может быть, и по Московской кольцевой автомобильной дороге.

Вторая часть, которая мне представляется очень важной, — это справедливый социальный союз. Потому что чувство несправедливости, которое сегодня остро ощущается, или уменьшение справедливости, нарастание несправедливости в социальной сфере вызывает серьёзное напряжение в нашем обществе. Разница в благосостоянии между различными слоями населения не должна быть такой большой, как сейчас. И представители государства, и имущие слои населения должны внимательно прочитать нашу Конституцию, особенно тщательно перечитать 2-ю её статью,

где написано, что Россия — это социальное государство. Это не просто слова, это не просто статья, это даёт понимание того, что можно и что нужно, а что нельзя делать и что противоречит Конституции.

Например, введение сбора на курорт как сочетается с социальным государством? Никак не сочетается с социальным государством. Значит, курортного сбора быть не должно.

А нужен ли материнский капитал? Конечно, нужен. Потому что демография является важным звеном социального государства. Таким образом, мы получаем инструментарий для различения, что такое хорошо, а что такое плохо.

Ну и, наконец, третья часть русской государственной мечты, если так можно выразиться, — это справедливый союз цивилизаций. Этот идеал исконно присущ России. Мы с вами, как люди русской цивилизации, вне зависимости от национальности, всегда относимся с уважением к другим цивилизациям. Никто никогда в России не говорит о том, что арабская цивилизация ниже. Да, собственно говоря, при всём нашем сегодняшнем опасении по отношению к Западу никто не говорит, что западная цивилизация ниже нашей. Просто она идёт не в ту сторону, она семимильными

шагами идёт туда, куда человечеству идти не нужно. Но при этом мы считаем, что она имеет право на существование и даже имеет право на свою мотивацию. Просто не надо нас и всех остальных туда звать и тащить следом за собой. Уважение к другим цивилизациям должно быть оформлено в виде определённой государственной доктрины. Мы готовы поддерживать любую существующую цивилизацию в её самобытности, для того чтобы никто не мог её уничтожить, никто не мог её угнетать.

Мы выступаем за союз национальностей, союз социальных групп или слоёв и за союз цивилизаций. При этом свои цивилизационные ценности мы не навязываем. Хотя кто в здравом уме не согласится, что люди всех национальностей должны быть между собой равны? Кто в здравом уме не согласится, что справедливо, чтобы люди различных социальных слоёв были между собой равны? Кто, в конце концов, не согласится с тем, что справедливо, если Россия уважает другую цивилизацию, ровно так же, как она уважает самоё себя?

Мне кажется, что формулирование такой Русской мечты, такой государственной мечты, опирающейся на общее понимание русского человека о справедли-

вости, даст нам как раз те цели за горизонт, которые позволят, наконец, нашему кораблю ощутить, какой у нас курс и куда мы плывём. А пока этого у нас нет. В некотором смысле наше рулевое колесо крутится то в одну, то в другую сторону, и у нас начинается головокружение. А нужен чёткий курс движения государственного корабля.

Андрей КАШАЕВ,
*ректор Рязанского
института развития
образования, депутат
Рязанской городской думы:*

— Мы приветствуем вас в нашем родном городе Рязани, древнем и вечно юном. Сегодня мы отмечаем его день рождения.

Что меня не может не поражать в нашей истории и в нашем настоящем, что я мог бы отнести к тем удивительным явлениям прошлого и современности, которые характеризуют нашу Россию и Рязанский край как её неотъемлемую и ярко выраженную составную часть. Здесь я выделяю одно из проявлений духовного, социального чуда — это российское подвижничество, начиная от подвигов рязанских святых и воинов и заканчивая теми, кто не жалел себя в трудовом деле. Известно, что россияне в самые трудные пе-

Николай СТАРИКОВ, писатель, историк, председатель партии «Великое Отечество»

риоды своей истории сплачиваются, демонстрируют невиданные силы и возможности. Народная сила и мудрость — результат того, что наша страна, её люди получили такую закалку и такие жизненные прививки, которые не получил ни один народ на земле. Подвижничество и жертвенность — это не только результат генетического наследования. Это и способность передавать ярчайшие явления прошлого сквозь века — мы знаем и былины, и сказания. Что уж говорить о возможностях той современной информационной сферы, в которой мы сегодня живём. Подвижничество, знание о нём — на мой взгляд, один из главных факторов российского патриотического чуда и Русской мечты.

Другим фактором является российская соборность, опора на близкого и не совсем близкого по времени и пространству человека, сопоставление с ним своего бытия, материального и духовного. В этой связи крайне важна миссия общественных институтов и каждого из нас: патриотического воспитания наших граждан. Рязанская область, эта благодатная земля, только за время Великой Отечественной войны явила миру более 300 Героев Советского Союза. Это то чудо, о ко-

тором мечтает, наверное, каждый из нас, потому что здесь духовный источник нашей силы. И сегодня наш край — один из оплотов обороноспособности нашей страны, как в военном, так и в производственном деле. И потенциал Рязанского края как источника духовного патриотического воспитания для всей нашей страны ещё предстоит оценить.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
доктор философских наук, заместитель председателя Изборского клуба:

— Дело в том, что Русская мечта, тема, которая вброшена сегодня в наше сообщество Александром Андреевичем, может вызвать некоторые кривотолки, поскольку есть такое расхожее понятие — мечтательность. Это когда человек погружается в непродуктивное созерцание, в фантазии, которые не приносят плода. Есть такое выражение — «бесплодные мечты». Безусловно, сегодня речь идёт о творческой мечте.

Творческая мечта — это мечта, которая даёт плоды. Именно мечта способна создать пространство для творческого плодоношения. А что же такое Русская мечта? Русская мечта — это особо устроенная система символов, особо устроенная система понимания того, каков наш мир и в чём его позитивная перспектива. Сейчас в мире идёт так называемая война мемов, когда в информационное пространство вбрасываются различные лозунги, слоганы, рекламные ходы. Это касается всего: и общества потребления, и политики, и пропаганды, и образа жизни, и высших ценностей. Но даже те западные теоретики, которые разрабатывали основы этой передовой на сегодняшний день методологии, признают, что русская икона является образцом законченного, совершенного варианта символа, который заранее, задолго до создания этих теорий информационного воз-

Андрей КАШАЕВ, ректор Рязанского института развития образования, депутат Рязанской городской думы

действия предвосхитил высшие их достижения.

Мечту можно понимать как мечту-минимум, как избавление от гибели. А можно понимать её и как мечту-максимум — как достижение высшей правды. Я, естественно, соглашусь с Прохановым и со Стариковым относительно мечты о справедливости. Хотя Проханов говорит всегда о божественной справедливости, и это очень важный момент. Потому что в русском языке слово «правда» имеет девять смысловых кустов, это: истина, достоверность, честность, правильность, правота, прямота, подлинность, справедливость и, наконец, главный, центральный узел, корень всех этих понятий — «правда» как «праведность». Из праведности вырастает всё остальное.

И поэтому, конечно, в значительной степени храм на холме — это самоочевидная правда праведности. Поскольку, в отличие от града на холме, который как-то стягивает пространство волевым усилием (что, кстати, было и в католическом мире явлено), храм на холме как идеал — это определённый маяк, определённый светоч, свеча, так сказать, которая не под сосудом, а наверху горы. Это правда, очевидность которой

не нужно доказывать, она притягивает сердца сама по себе. Я считаю, это гениальный образ Русской мечты, который Александр Андреевич предложил.

В нашем пространстве сейчас конкурирует несколько вариантов мечты: американской, европейской, китайской. Очень остро это переживается на Украине, где так распространена примитивная мечта о вхождении в Европу, где говорят, что самое важное в жизни — это «безвиз». Китайская мечта предлагает другим государствам очень интересный вариант возрождения Великого шёлкового пути. Мы знаем, что когда-то Великий шёлковый путь на значительном участке Евразии контролировался Хазарией. Один из наших экспертов предложил такой парадоксальный вариант современной утопии, как «хазарская мечта». А что такое хазарская мечта? Это сидеть на путепроводе и получать с него дивиденды за счёт налогов, гостевых сборов и так далее. То есть ничего не делать, но жить хорошо за счёт контроля над грузопотоками — вот такая мечта. Конечно, это не Русская мечта. Причём строить инфраструктуру коммуникаций надо, и, наверное, зарабатывать на этом тоже надо. Но такая лука-

вая «мечта» губительна для народа, означает его убывание. На трубе по определению может сидеть паразитическое меньшинство, а не большой народ-цивилизация!

Так или иначе, если попытаться свести все материально-идеологические интенции, над которыми работает Изборский клуб, они сводятся к одному: это генерация человеческого капитала (или лучше сказать — человеческого потенциала, потому что слово «капитал» здесь тоже отдаёт лукавством) на том уровне, который традиционно был характерен для Русской цивилизации. То есть развитие должно осуществляться в целях подъёма, а не деградации нашего человеческого потенциала. А мы на сегодняшний день пока, к сожалению, имеем дело с противоположными тенденциями, которые оправдываются мнимой «эффективностью», мнимой «рентабельностью», мнимой «конкурентоспособностью». Эффективность, с точки зрения меньшинства, «малога народа», может расти, прибыль возрастать, но для нас эта «эффективность» не эффективна, потому что человек деградирует.

Мечта о правде как святости, о социальной и национальной справедливости, о храме на холме как самоочевидности соотносится,

конечно же, с русским космизмом, с победой над смертью, с победой над ограниченностью пространства, ограниченностью возможностей человека. На Рязанской земле явлены очень яркие типы исповедников Русской мечты, борцов за правду, героев, русских солдат, борцов за научную истину и реальный прогресс человека.

Обращаясь к великому гению Рязанской земли Сергею Александровичу Есенину, я бы хотел сказать, что Русская мечта — это мечта о новом небе и новой Земле. Это такой эсхатологический оптимизм, не страх перед концом мира, а вера в то, что даже конец приведёт к преображению. И в этом удивительное совпадение с большевиками, которые, не дожидаясь апокалипсиса, предложили русскому народу построить небесное мироустройство прямо сейчас и здесь. И, поскольку большевикам удалось затронуть эти струны вековой русской мечты о небесном, они в каком-то смысле оказались с Есениным попутчиками. Сергей Александрович был в этом вопросе, конечно, двойственен: в одних стихах он приветствовал революцию и наступление новой эры индустрии, стального коня, а в других он очень горько писал о «каменных руках шоссе», которые душат де-

Виталий АВЕРЬЯНОВ, доктор философских наук, заместитель председателя Изборского клуба

ревню, о скверном госте, который явился из города. Причём те и другие стихи писались практически в одни и те же годы.

В одном из его стихотворений есть такое четверостишие: *«Но мечтать о другом, о новом, // Непонятном земле и траве, // Что не выразить сердцу словом // И не знает назвать человек»*. То есть получается, что Есенин, этот гений Русской мечты, всю свою жизнь стремился к чему-то невыразимому, он пытался ухватить и передать в стихах то, что невозможно выразить словами, и ему это каким-то чудом удавалось.

Не напрасно дули ветры.

Не напрасно шла гроза.

*Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.*

*С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.*

*Не гнетёт немая млечность,
Не тревожит звёздный страх.*

*Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.*

*Всё в них благостно и свято,
Всё тревожное светло.*

*Плещет рдяный мак заката
На озёрное стекло.*

И невольно в море хлеба

Рвётся образ с языка:

Отелившееся небо

Лижет красного телка.

Вот видите как. Он полюбил весь мир, и в том числе тот мир, которого он ещё и не видит, а только предчувствует, предугадывает. Это очень русская черта. Он принимает мир, космос таким, какой он есть. И посему у него небо — это корова, а солнце — это телок, а весь космос — родное для него.

Петр АКУЛЬШИН, профессор, доктор исторических наук:

— Я бы построил свою речь на нескольких эпизодах рязанской истории как части общерусской истории. Упомянувшийся сегодня князь Олег Иванович Рязанский имеет, конечно, неоднозначную репутацию в историческом дискурсе, ведь, как известно, историю пишут победители. Однако его вклад в объединение земель недооценен. Во-первых, Куликовская битва имела своих предтеч — битва на Воже, на Рязанской земле, а ещё ранее, в 1365 году, битва у Шишевского леса, первая зафиксированная в письменных источниках победа русских над ордынцами. Второй момент, 1385 год, — когда после кровавых столкновений, захвата рязанцами Коломны преподобный Сергей Радонежский осенью пешком, босиком дошёл до Рязани. Он выполнил свою миссию как миротворец между князьями. Вот с этого момента установился «вечный мир», и Московское княжество стало доминировать и объединять русские земли уже не в борьбе с русскими княжествами, а собирая то, что было ранее разделено, в органическое целое. При этом в последние годы жизни Олег Рязанский поддержал Смоленск, отбивая его у литовцев. Это был великий деятель, но его преемники оказались слишком слабыми. Но дело-то не в династии, дело в том, что в эту эпоху Рязань совершила ряд важнейших шагов для дальнейшей судьбы всех русских земель.

В рязанской истории, на мой взгляд, отразилась и Русская мечта,

Петр АКУЛЬШИН, профессор, доктор исторических наук

и наша Рязанская мечта. Один из символов этого — Иван Петрович Павлов, первый нобелевский лауреат, наш земляк, родившийся в Рязани. Его современниками фактически были ещё два великих рязанца — Иван Владимирович Мичурин и Константин Эдуардович Циолковский. Фактически мы видим, что из Рязани произошли те, кто заложил фундаментальные основы современной науки. Это уже не просто конкретика, это то, что называется «гений места». Если посмотреть на карте места рождения этих русских гениев, то получается практически равнобедренный треугольник. Такой маленький кусочек Русской земли, принесший великие плоды.

Юрий КОСОВ, заместитель директора Северо-Западного института управления, профессор Санкт-Петербургского государственного университета:

— Мечта становится движущей силой общественного развития, если она фокусируется на каких-то конкретных социальных задачах, на конкретных общенациональных проектах. И такими проектами в истории нашей страны были и покорение Сибири, и индустриализация страны, и атомные

**Юрий КОСОВ, заместитель
директора Северо-
Западного института
управления, профессор
Санкт-Петербургского
государственного университета**

проекты, и, конечно, космический проект. Сейчас у России нет такого мобилизующего, объединяющего проекта, который смог бы действительно внести перелом в несколько стагнирующее развитие российской экономики, стать территорией прорыва.

Я представляю Петербург, где также скоро будет создано отделение Изборского клуба. Петербург называют Северной столицей, это крупнейший мегаполис, более 5 миллионов человек, который находится на 60-й параллели. Петербург самый крупный северный город. И Петербург исторически был центром, как раньше говорили, покорения Арктики, отсюда уходили арктические экспедиции, здесь они готовились. В Петербурге создавался ледокольный флот России. В Петербурге существует Институт Арктики, где на протяжении многих десятилетий разрабатываются эти темы. В петербургских вузах есть факультеты народов Севера, где готовят, в частности, преподавателей для северных территорий.

Мы видим одним из проектов русской мечты, которые могут сплотить Россию, освоение Арктики.

Потому что сейчас появились новые возможности, и технологические, и экономические. К тому же и геополитические факторы подстёгивают нас к интенсивному развитию этого проекта. В русском народе всегда была жива мечта о таком идеальном царстве, об идеальной земле. Арктика представляет собой территорию, которая открывает огромные возможности для развития страны, — и в плане своего мощного энергетического потенциала, и в плане того, что её освоение потребует разработки и внедрения новых технологий.

Сегодня мы были на Рязанском приборостроительном заводе, и руководство говорит, что сегодня складывается непростая ситуация, надо искать новые источники, новые заказы. И вот как раз арктический проект может дать серьёзную экономическую отдачу, и для этого есть серьёзные расчёты.

Максим ШЕВЧЕНКО,
*журналист, член
Президентского совета
по развитию гражданского
общества и правам человека:*

— Мне кажется очень важным то, что мы собираемся на есенинской земле, на земле Рязанского княжества, которое было в истории самостоятельным, конкурировавшим с Москвой одним из важнейших духовных и исторических центров русского народа. Феодалные войны в Средневековье были везде — и в Европе, и в Азии.

Я совершенно не сторонник концепции «Москва — третий Рим», поскольку Рим я воспринимаю как абсолютно враждебное русскому человеку явление. Для меня Рим — это воплощение земной антихристовой мечты, города-государства, где город-социум, государство объявляется высшей божественной ценностью, а понтифик — этот верховный жрец, он же правитель государства, — объявляется чуть ли не главным служителем бога, пожирающего человеческие

**Максим ШЕВЧЕНКО, журналист,
член Президентского совета
по развитию гражданского
общества и правам человека**

жизни. Зачем нам идти в эту очевидную историческую ловушку, в которую нас заводили правящие элиты, постоянно стремившиеся сами стать частью Запада, а Россию, русский народ, другие народы, проживавшие здесь, сделать ресурсом для приобретения активов в этом мировом клубе глобального Рима? Рим всегда будет воспринимать земли к востоку от Дуная, до которой дошли легионы Траяна, как землю варваров, как землю угрозы, как землю, которая предназначена быть источником рабов и сырьевых ресурсов.

Наши военные вожди, славянские, готские, тюркские, — это были люди, которые становились таковыми, как правило, за их качества — за их храбрость, за их способность руководить войсками, за их справедливость и милосердие. Потому что в нашей традиции рабы — это заложники, которые просто лишались оружия, жили какое-то время вместе с теми, кто их брал в плен, потом через какое-то время их или отпускали под выкуп, или отправляли домой. Часто они становились членами семей своих «господ».

Всякий раз, когда Россия отбрасывала иллюзии западного римского соблазна, когда она делала опору

на самоё себя и искала свою подлинную сущность, она становилась по-настоящему великой мировой державой. В этом смысле огромной трагедией России я считаю раскол XVII века, главный надлом русской истории и русского духа. Романовская знать при поддержке духовенства просто-напросто сделала выбор в пользу того, чтобы стать частью западной элиты и частью глобального униатского проекта. Русский народ этому сопротивлялся, он дал десятки тысяч мучеников, сожжённых и замученных исповедников православной веры; разинское восстание, булавинское восстание, пугачёвское восстание.

В XX веке русский народ создал советскую мечту. Она была не марксистской, она была именно антизападной, с опорой на включение десятков миллионов людей в социально-исторические процессы развития. Дети крестьян в этом проекте могли становиться поэтами, инженерами, профессорами. Моя мать — дочь крестьянина, но она в 40-е годы, в сталинское время, получила образование, была инженером. Дед мой родился в белорусской крестьянской семье

и закончил, зная восемь языков, свою жизнь профессором двух университетов. Да если бы не было революции, кем бы он был?

Я недавно сказал Александру Андреевичу, что я, благодаря нашим с ним дискуссиям, глубоко пересмотрел свой взгляд на Сталина и на сталинскую эпоху. Я не понимал и не чувствовал это, но теперь, перешагнув через рубеж 50 лет, я понимаю, что он был тем вождём, который искал внутренние ресурсы развития, не копировал западные схемы. Я остаток своей жизни, безусловно, посвящу борьбе за освобождение от всех форм западной идеологической и прочей оккупации моей страны и моего народа.

Игумен ЛУКА,
*заведующий кафедрой
теологии Рязанского
государственного
университета имени
Есенина, настоятель Спасо-
Преображенского Пронского
монастыря:*

— Что касается мечты, то, слушая сегодняшние выступления, ловлю себя на мысли, что мы говорим скорее об идеале откровения че-

ловеку о его собственной природе и его судьбах. Для нашего духа будет удобно, если мы будем поставлены не перед разнообразием испарений собственного сердца и ума и рисуемых ими образов, воображения, но перед теми ясными и внятными, Богом откровенными образами, которые весьма благонадёжны в отношении будущего и для государства, и для каждого человека в отдельности. Поэтому я бы говорил не о мечте, а скорее об уповании о Царствии Божием.

Ведь наша православная антропология, разработанная святыми отцами, даёт понятие о человеке, которое, собственно, не имеет смысла в самом человеке, поскольку является христоцентричным. Вне боговоплощения нет и смысла жизни, это работа по кругу — «земля еси и в землю отыдеши». Человек от земли взятый в землю возвращается. Но Господь уж так устроил наше бытие, что хоть и течёт оно к смерти, но и сама смерть Он готов устроить для нас как необходимое лекарство. Таким образом, мы делаемся более пригодными для пакибытия, а Бог показал нам на собственном пути воплоще-

ния, в своих крестных страданиях и воскресении первообраз нашего пути. Надеюсь, что не ушёл далеко от темы нашего круглого стола.

Основания для упования и наиболее чистый образ человека — это возвращение ко Христу, жизнь во Христе. Настолько Русская земля вообще, Рязань в частности, бывает прекрасна, насколько в простоте дерзкой доверительности личность следует путём Христовым, путём любви ко Христу. А как известно, говорит Феофан Затворник Вышенский, наш великий рязанский святой, христоносцам нельзя идти без креста.

Вот и выходит, что некоторый идеал, который сознают жертвующие, идущие за Христом, крест, — жизнь жертвенная, исполненная самопожертвования. И это, конечно, не ради того совершается, по определению апостола Павла, чтобы совлечься этой жизни, не ради её уничтожения, как злословят некоторые очень известные деятели, недружественные к Матери-Церкви. Из этого простого следования за Христом и рождается величие русского народа как самобытного, как прекрасного, как чудного для окружающего мира.

Отсюда тот русский идеал пасхальный, о котором много написано великими людьми. Таким образом, закругляя мою маленькую экскурсию в область святоотеческого учения, хочется предположить, что и в наших с вами исканиях и размышлениях краткая Иисусова молитва, произносимая в сердце любящего Россию гражданина, малое и посильное участие в благодатных таинствах Матери-Церкви по идее должно бы отличать ту самобытность и особенно ту, скажем даже, губернскую специфику, о которой мы говорим.

Теологическое образование, которое я представляю в нашем Рязанском государственном университете имени Есенина, как раз является тем нашим чудесным усилием по обретению своей самоидентификации, своей рязанской личности, и нас самих, и наших учеников, которые являются не только выпускниками школы, но и людьми взрослыми: рязанскими предпринимателями, управленцами, которые тоже у нас учатся. И это для меня представляется удивительно светлой надеждой, что и ближайшие, а может

быть, и отдалённые потомки не потеряют своей рязанской «косо-пузости». Я это говорю не в порядке какого-то карикатурного изображения, а в порядке своего внутреннего самоопределения, вслед за которым уже следуют все остальные блага — и верность делу, и слову, и целомудрие, и семейные ценности, и всё прочее.

Юрий ГЕРАСЬКИН,
профессор Рязанского государственного университета, доктор исторических наук:

— Я буду говорить о том, как была реализована мечта о высокотехнологическом производстве на Рязанской земле, в Рязанской области. Сегодня наши уважаемые гости посетили предприятия ВПК, посетили военные учебные заведения, посмотрели качество, уровень работы. Сразу скажу, что эта мечта была осуществлена во второй половине XX века, она, если хотите, была реализована драматично, трудно. Достаточно напомнить, что это был скачок от патриархального общества в высокое технологическое производство.

Игумен ЛУКА, заведующий кафедрой теологии Рязанского государственного университета имени Есенина, настоятель Спасо-Преображенского Пронского монастыря

Несколько штрихов, чтобы было понятно, как шло развитие и на каком этапе всё это остановилось. Вот радиозавод выпускал не просто танковые или авиационные радиостанции, он выпускал и носимые радиостанции с цифровым каналом связи, устройства технического маскирования речи типа Voice Coder. В 1980 году было выпущено изделие оповещения для озвучивания сооружений Олимпийских игр в Москве. Приборный завод производил бортовые РЛС для истребителей. Завод «Красное знамя» и КБ «Глобус» производили системы контроля и самонаведения головных частей самых совершенных зенитно-ракетных комплексов.

Был ряд уникальных предприятий, например, завод счётно-аналитических машин выпускал не только кассовые аппараты и пишущие машинки, он выпускал электронную бухгалтерскую машину, а в конце 80-х годов были разработаны микросхемы большой степени интеграции, которые в дальнейшем стали основой для выпуска первых персональных компьютеров «Искра». Я, кстати, начинал работать именно на таком персональном компьютере

в начале 90-х годов. Завод, или научно-исследовательский институт газоразрядных приборов, разработал широкоформатные мониторы с лазерной накачкой. Впоследствии этим успешно воспользовались южнокорейцы. Рязанский ремонтный завод освоил ремонт 22 типов самолётов от первого до четвёртого поколения.

В Рязанской области в 80-е годы насчитывалось до 90 промышленных предприятий с долей рабочих не менее 200 тысяч человек. По сути дела это самый настоящий кластер, о которых сейчас много говорят, просто раньше термин «кластер» не применялся, а говорили ТПК — территориально-производственный комплекс. Для дальнейшего успешного развития его требовались инженерные промышленные работы и авторское закрепление результатов разработок на международном уровне.

Затем, в середине 80-х годов, в связи с конверсией осуществлялось производство товаров широкого потребления: радиоприёмники, магнитофоны, знаменитые рязанские телевизоры чёрно-белые и цветные, даже сварочные аппараты. К сожалению, ряд уникальных предприятий был утрачен, некоторые сумели пережить трудные времена и возобновили выполнение гособоронзаказа.

Последние 15 лет в обществе всё-таки витает мечта перехода к высокотехнологичному производству, перехода от сырьевой модели к производящей модели. Неслучайно мы считаемся родиной и Циолковского, и Уткина, их проекты были далекоидущими вперёд.

Что касается мечты, эта проблема актуальна и для России, и для регионов. С этим связана проблема соединения производства, науки и образования в единый клубок, единый кластер. Кстати, министерство обороны Америки очень активно использует университетскую сеть, мы меньше задействовали это звено. Рязань считалась городом вузов, здесь

Юрий ГЕРАСЬКИН, профессор Рязанского государственного университета, доктор исторических наук

их достаточное количество, в том числе некоммерческого профиля, а также федерального, государственного подчинения, военных, военно-силовых, гражданских вузов, специализированных сузов.

Вы упомянули о том, что на приборном заводе жалуются: «Что будет, если оборонзаказ заканчивается, чем заниматься?» По мере реализации подобных проектов укрепления образовательной и материально-тренировочной базы региональные оборонные предприятия и технопарки могли бы включиться в разработку технических и информационных средств подготовки и оснащения обучаемых кадров типа беспилотных БМП, военных роботов и так далее.

Вывод какой: в последнюю четверть века передача накопленного исторического потенциала и опыта новому поколению не произошла в полном объёме. Но архетипы остались, мечта о высокотехнологической реиндустриализации остаётся актуальной как для страны, так и для региона. Легче всего это реализовать в военно-промышленной сфере, она всегда была локомотивом, точкой роста для всех отраслей. Она включала стратегию развития, а не выживания.

Русская мечта. Ментальная карта

*Авторский доклад Изборскому клубу
Виталия АВЕРЬЯНОВА*

*В коде русских архетипов заложено наше сверхтопливо,
секрет восхождения от чудиков к чудотворцам*

ВВЕДЕНИЕ

Русская мечта — это чрезвычайно удачная формула для интеграции высших представлений нашего народа о своём будущем, более удачная, чем такие известные категории, как «футурология», «образ будущего», «прогнозирование», «пророчество» (последнее не столь удачно уже постольку, поскольку не является общедоступной материей и всегда имеет риск обратиться «лжепророчеством» и мистификацией, — мечта же общедоступна, ясна, как модус человеческого существования). Автор доклада будет трактовать мечту как творческое изменение будущего. Не прошлого, потому что такое изменение было бы фальсификацией, и не настоящего, которое в значительной степени неуловимо и мимолетно. Будущее же, которое еще не наступило, отсутствует. Оно воспринимается в горизонтах мечты как материал для работы.

Если наш подход к будущему не творческий, лишён энергии мечты, значит, будущее инертно, движется к нам навстречу под давлением тяжести сложившихся обстоятельств, фатально и неумолимо. Человек при этом лишь ожидает то, что обязательно произойдёт. В такой перспективе не может быть никаких альтернативных аттракторов будущего. Жизнь без творческой мечты, без созидательных замыслов наполняется «низшими мечтаниями»: пассивными грезами, навязчивыми снами и кошмарами, стремлением к бегству от действительности в выморочные виртуальные миры.

Творческая мечта имеет весьма широкий диапазон — от реалистических замыслов до ожидания чуда. Ориентация на чудо не означает автоматически какой-то произвольной «мечтательности», беспочвенных иллюзий и фантазий. По крайней мере в русской истории «чудо» оказывается скорее системным

фактором, нежели случайным, — и его присутствие объясняется не столько сверхъестественным характером событий, сколько невыводимостью этих событий из ожидаемого, рационально просчитываемого ряда¹.

Через творческую мечту мы вторгаемся в фатальность будущего, преобразуем его. Игнорировать фактор мечты как якобы слишком поэтический или мистический — значит недооценивать человеческое сознание, которое обладает огромным преобразовательным потенциалом. Даже материалисты учили, что идеи, овладевая массами, становятся материальной силой. Многие вещи в жизни трансформируются не посредством смены условий существования, но через внушение: во-первых, самому себе и создание в себе возможного образа будущего, а затем и внедрение в сознание других людей новой, альтернативной существующим картины будущего.

На этом стоит вся человеческая культура, вся грандиозная система духовного производства человеческого общества. При этом необязательно при обосновании фактора мечты прибегать к метафизическим аргументам. Наиболее развёрнутый вариант такого — неметафизического — обоснования дала философская антропология, в особенности немецкий мыслитель Арнольд Гелен, обобщивший данные многих наук о человеке и предложивший непротиворечивую концепцию эволюции человеческого духа как генератора культуры. Гелен ввёл основополагающее для его антропологии понятие «зияние» (Hiatus), отождествляя его с «душой», речь идёт о масштабном и систематическом удержании внутренних побуждений без их перехода в действие, благодаря чему в человеке образуется **особый внутренний мир** со своей автономной интенсивностью, куда происходит «грандиозное переме-

шение центра тяжести жизни» по сравнению с жизнью животного мира. Однако дальнейшая судьба этой внутренней жизни — воздействие её на события внешнего мира: человек «проламывает» *воспринимаемый мир и «интерполирует» всюду невоспринимаемое, будь то демоны, демокритовы атомы, боги или что-то ещё. Итак, он интерполирует в воспринятое воспринимаемое, в воспринимаемое — невоспринимаемое*². Такая организация человеческого сознания может быть уподоблена антропологической «камере обскура»: заключённый в ней вакуум («пустота», «мрак») используется для порождения принципиально нового творческого содержания.

В этих чрезвычайно важных положениях уже содержится объяснение человеческой способности к прогнозированию, предвидению, улавливанию «аттракторов» движущихся событий, наконец, к построению проектов разных уровней сложности. Человек формирует в своём сознании вместилища для «отсутствующего» (для возможного, для пока ещё не реализованного, для того, что нежелательно, и т.д.), и эти вместилища оказываются эмбрионами всей человеческой культуры.

Как же объясняется эта удивительная способность человека к мечте? Во-первых, это объясняется из ряда вон выходящей конституцией человека, который выделяется из всего контекста биологии своей относительной беззащитностью, неадаптивностью. По мысли того же Гелена, в которой обобщён опыт целых поколений антропологов, для человека, в отличие от всех животных, характерна уникальная замедленность периода созревания, длительность «щадящего периода» его развития, «во время которого биологически беспомощное существо делает как себя самоё, так и мир темой опыта, открытия и овладения»³.

В работе над настоящим докладом задействован большой корпус материалов семинаров и мозговых штурмов Института динамического консерватизма. Автор выражает глубокую признательность за предоставленные материалы, а также за советы и добавления к докладу ведущим экспертам ИДК и Изборского клуба: Сергею Баранову, Сергею Бобкову, Алексею Болдыреву, Александру Елисееву, Владимиру Елистратову, Петру Калитину и Алексею Комогорцеву.

¹ См. доклад Изборскому клубу: Соколова Р. Философия чуда // Журнал «Изборский клуб», 2015, № 1; а также другие материалы того же выпуска.

² Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 172, 192.

³ Там же, С. 182.

Таким образом, социально-психологический и социально-антропологический взгляд обнажает великое благо культурной традиции — возможность для индивидуальности постепенно созревать в развитой культуре и достигать, за счёт запасов времени, предоставляемых для самовозрастания, её инструментальных высот. Одним из главных и самых продуктивных механизмов собирания себя, настройки себя как высокоорганизованного и могущественного существа является человеческая мечта.

Кристаллизация личности, способной не только адаптироваться, но и адаптировать природу и внешнюю реальность под свои цели и задачи, происходит вокруг невидимой, «отсутствующей» оси. Если Гелен назвал её «зиянием», то наряду с этим мы видим в разных традициях целую гирлянду подобных же определений: осмысления «пустоты в сердце», «пустого алтаря», «мрака», «внутренней тишины», «тьмы на подступах к полюсу» (христианские богословы, мистики вроде Авиценны или Мейстера Экхарта). Подобные метафоры мы встречаем и у даосов, к примеру у Лао Цзы, когда он говорит о «пустотной цельности» как формуле собирания человеческого бытия вокруг «отсутствующего». Пустота — человеческое состояние, необходимое для восприятия полноты⁴. Пустота соотносится с полнотой так же, как полный сосуд с тем источником, откуда этим сосудом черпают воду.

Эта таинственная ось не наличествует, а именно «мечтается» человеком в его созерцаниях, во время покоя, сна, размышления, наконец, в его эстетических, интеллектуальных и духовных переживаниях. По мере кристаллизации

созревающего человеческого сознания вокруг этой оси отсутствующее как будто «выкликается» из небытия, становится **реальнее любой реальности, пафосом реальности**, становится порождающим принципом — **мечтой, которая воплощает самоё себя**.

Склонность русской ментальности к мечте, особые отношения с мечтой подкрепляются данными культурологии, психологии, социологии и других наук. Эти особые отношения видны и на уровне языка. К примеру, слово «ничто» у нас склоняется, приобретая в родительном и творительном падежах характерную форму «ничего», что указывает на контакт нигилистической субстанции с порождающей первореальностью. В христианской метафизике через таинственную формулу *ex nihilo* («из ничего») определяется принцип творения Богом мира, что делает данную тему особенно пронзительной и ключевой для русской культуры и мировоззрения. В наших нигилистических оборотах присутствует двойная негация, своего рода нагнетание негации и в то же время отрицание отрицания, то есть снятие негации («ничего не вижу», «ничего не делать» и т.п.). В отличие от «ничто», «ничего» — это тот аспект небытия, который входит в реальность, та печать небытия, которая лежит на реальности, на «всём», родимое пятно отсутствующего, которое в первую очередь проявляется в человеке через его внутреннюю «пустоту» — «зияние»⁵. Характерно, что именно в русской философии оформилось учение об изначальной нетварной свободе, коренящейся в ничто, над которой не властен даже Бог (Бердяев). Свобода заложена в природе человека изначальна, и она

сама есть условие очеловечивания человека, его самостроительства.

Ничего — это отсутствующая в настоящем ось перехода в будущее. Ничего — это преодоление обстоятельств и обстоятельств в связи с волевой мечтой о лучшей жизни, об исправлении поврежденной реальности, о милости Божией, которая должна же повернуться лицом и к нам. В наиболее явном виде в русской ментальности эта установка выражена в мечте о царстве правды, установлении порядка справедливости. Канцлер Бисмарк, проведший в России немало времени, любил повторять слово «ничего», которое стало для него символом русской настройки ума — способности преодолевать трудности и находиться в особых, непредопределённых, отношениях с судьбой.

А. Сильвестр назвал это слово «страдательно-терпеливым девизом русского народа». А В. Гиляровский называл его «великим словом», в котором — «непоколебимость России». «Ничего» в качестве наречия может означать — «приемлемо», «вполне сносно» или экспрессивное «ничего себе!», синоним восклицания «вот это да!» В русском «ничего» слышен народный вздох о тяжёлой ситуации, но слышен в нём и неискоренимый оптимизм, доверительное отношение к судьбе и способность к победе над самыми неблагоприятными обстоятельствами. В «ничего» воля и неволя соединяются в единую субстанцию, в волевое русло деяния, в немного тоскливую, но не лишённую света перспективу мечты о том, что всё наладится, всё перемелется⁶. Русский может очень долго действовать в состоянии «ничего» и созерцать в «мечте», в надежде

⁴ Более отчётливо, хотя и менее поэтично, чем в Дао-Дэ цзин, эта аналогия выражена в комментарии Люй Хуэйцина (XI в.): «У древних тело сливалось с сознанием, а сознание сливалось с энергией (ци), энергия сливалась с духом, а дух сливался с вечноотсутствующим» (Цитируется по: Дао-Дэ цзин, Ле-цзы, Гуань-цзы: Даосские каноны / Перевод, вступ. ст., комм. В. В. Малявина. — М., 2004. — С. 86).

⁵ Подробнее об этом см. очерк автора данного доклада «Метафизика ничего» — в книге: Аверьянов В. Крытый крест. Традиционализм в авангарде. — М., 2015. — С. 384–385.

⁶ Вот несколько примеров характерного в своей парадоксальности употребления этого понятия в нашей словесности: «И то бывает, что ничего не бывает». «Ничего нельзя, а всё можно» (пословицы). «И ничего во всей природе // Благословить он не хотел» (Пушкин). «На свете ничего не начинается и ничего не оканчивается» (Достоевский). «Где ты, где, моя тихая радость, // Все любя, ничего не желать?» (Есенин). «Лает пёс осиротелый, / Лает с ничего...» (Андрей Платонов). «— Ничего, ничего, ничего! — бормотал Коровьев у дверей комнаты с бассейном, — ничего не поделаешь, надо, надо, надо» (Михаил Булгаков). «Ничего. С земли не сгонят, // Дальше фронта не пошлют» (Твардовский). «Очень нужен я там, в темноте! // Ничего, распогодится» (Высоцкий). «Ничего, ничего, ничего, / Сабля, пуля, штыки — всё равно. // А ты родимая, да ты дожись меня, // И я приду...» (Песня из фильма «Бумбараш»).

на переход к активной жизненной игре. Об этом говорят пословицы: «Русский терпелив до зачина» — «Русский задора ждет» — «Русские долго запрягают...»

1. К РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЕ

При построении проекта волевой мечты для современной России необходимо основываться не на интуитивном представлении, а на достаточно точном, выверенном знании об особенностях русской ментальности. Львиная доля тяжких поражений России в XX веке, равно как и большая часть разрушительных реформ в нашей стране связана с тем, что патриотическое сообщество не вооружено адекватной ментальной картой русского народа. При этом самым важным в такой предполагаемой карте должны стать ключевые реперные точки — узловые ментальные «архетипы». Они представляют собой сеть социокультурных типажей, личностных моделей, таких как:

- Русский герой (способный к самоотверженному служению, решению боевой задачи, работающий на износ ради великой цели, ради родины). Архетип этот исторически постоянно возрождается, современные его варианты нанизываются на древние: победоносцы и победители вплоть до победителей 1945 года и наших дней «присоединяются» к ряду, восходящему к «былинным богатырям», которые в народном сознании всегда победители.
- Борец за справедливость, за идеал. Вероятно, с этим связан принцип — действовать «с открытым забралом». Русские всегда побеждают в объявленной войне, и очень часто проигрывают в войне необъявленной, манипулятивной, когда предаются, нападают из-за угла (чего нельзя путать с «партизанской войной» — это как раз наш конёк, «скифская тактика», тактика Кутузова и т.п.)

- Отец-домостроитель и миро-строитель (патриарх рода, отец семейства, мудрый старик — руководитель общины, земского дела, атаман артели, «столбовой» мужик-надёжа, на котором держится «мир», совесть на вече, на совете, на сходке, государственный человек в советское время — архетип отца сказался и в ряде выдающихся командиров и директоров этой эпохи).
- Блаженные-юродивые в русской традиции, «праведники», «странники»,

«чудики», «иваны-дураки», «младшие сыновья» в фольклоре и др.

- Русский солдат (от русского героя отличается тем, что «в огне не горит, в воде не тонет», выносит всё, что ему посылает судьба, и выходит целым-невредимым и победителем, «ванька-встанька»⁷).
- Лихой человек (русский разбойник — интересен не во всех своих аспектах, но в часто встречающейся склонности неожиданно являть черты высокой человечности).

⁷ С точки зрения теории волшебной сказки некоторые сюжеты о «русском солдате» типологически близки сюжетам про «чудесную силу», «чудесное знание», то есть являются своеобразным вариантом повествования о гениальности.

Данный список типажей русской ментальной карты, конечно же, не исчерпывающий. Важнее здесь не полнота типов, но представление о том, что типы не существуют строго изолированно, могут совмещаться и перетекать друг в друга.

В данной главе остановимся на наиболее значимых архетипических узлах, в которых выражаются специфические свойства русской ментальности. Эти узлы образуют смысловой каркас национальной картины мира как внутреннего самопознания.

1.1. Любовь к сути, поиск сути (онтологизм)

В отношениях с истиной для русской ментальности важен не способ ее раскрытия, но сама истина в её бытии. Русский (мужчина в особенности) любит вскрывать неявное измерение вещей, скрытую подоплёку, не любит поверхностных суждений, любит созерцать в глубину (отсюда и идеал «сердечного созерцания» И. Ильина). Любовь к сути

обнаруживается не только в мышлении, но и в действии: поиск причины дела, его фундаментальной основы.

Русский человек слова в простоте не скажет. И подмечает всё с хитринкой, лукавым прищуром, даже если хранит молчание. Василий Розанов писал: *«Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И всё понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем»*.

На уровне традиционных мемов этот архетипичный узел воплощается в таких выражениях, как:

— *Переходить сразу к сути дела.* — *Ухватывать суть.* — *Брать быка за рога.* — *Избавлять себя от предисловий.* — *Зри в корень!* (Козьма Прутков) — *Истина во что бы то ни стало* (Менделеев).

Русские, которые не соответствуют этому архетипу, считаются в народе «глупыми». Не «дураками», а именно «глупыми»: «глупый» значит слабый в онтологии, не цепкий сознанием, поверхностный, который *«верхушки шишует», «мелко плавает, так что жопу видеть»*. Дурак — шире, и в отличие

от глупца может быть довольно сильным, цепким, пусть и не организованным. У дурака может быть и острый глаз, и проникновение в суть, хотя и избирательное. Глупый не задался. А дурак — незадачлив. Глупец даже если попытается, ничего не получается. Дурак же блаженствует в своем самобытии, но при этом способен к трансформации к высшему (см. 2-ю и 3-ю главы доклада). Безусловно, «Иван-дурак» в русской сказке зачастую оказывается дураком притворным — часто подразумевается, что это человек мудрый, однако надевший личину дурня (социокультурная роль трикстера либо квази-трикстера). В других случаях это не маска, а определённый метод поведения — когда «мудрый» освобождает своё сознание от рациональных помех для интуитивной восприимчивости и вступает в прямые отношения с чудесным миром (волшебная сказка). В таком случае мудрец признаёт себя «ничего не знающим» — однако по правилам волшебной сказки он действует безукоризненно.

1.2. Всё или ничего (максимализм)

В русском человеке есть склонность к сверхзадачам, к первопроходству, к самоотвержению — этот архетипичный узел часто определяют как максимализм, радикализм, стремление абсолютизировать. Библейские слова «всей душой и всем сердцем» — подходят более всего русским.

Для русской ментальности характерно неприятие срединности, абсолютизация идеала, стремление к реализации Царствия Божия. Но из максимализма происходит и обратная крайность — в упадочном варианте это и тотальный нигилизм, отрицание всего и вся, и «воинствующий цинизм», а зачастую и такие неприглядные вещи, как вторичность-обезьянничанье, не знающее меры, разгульность, транжирство и т.п. В отсутствие высших идеалов и мотивов, в отсутствие Бога как ориентира духовной жизни — русский человек чаще всего стремительно скатывается вниз, утрачивает облик человеческий. Протоирей Димитрий Дудко именно с этим связывал идею «народа-богослава» — видя в ней не горделивое самоопределение, а констатацию того, что «без Бога мы не можем».

Николай Лосский писал: русский человек хочет действовать «всегда во имя чего-то абсолютного или абсолютизированного»; если же русский усомнится в абсолютном идеале, то он может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему; он способен придти «от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта».

Здесь и склонность к парадоксам, соединению противоречий, маятниковому движению между экстремумами. «Нет другой такой страны», — писал французский мыслитель Жозеф Де Местр, — где было бы больше противо-

положностей. Один скажет, что здесь последняя степень рабства, другой — что полная свобода, и оба будут правы». Крайнее государственничество и покорность властям сочетается в русской ментальности с крайним анархизмом. Крайнее свободолобие сочетается с огромным терпением. В итоге и государственность у русских особая, и понимание свободы своё, специфическое. Многие русские мыслители приводят внушительные списки таких внутренних парадоксов национального духа.

Примеры мемов, выражающих данную черту:

— *Пан или пропал! — Была-не-была! — Любить так королеву! — Невозможное сделать возможным* (Ломоносов).

И напротив, для русской ментальности характерна критика усреднённости, компромиссности, «теплохладности», застревания в «золотой середине», даже своеобразное презрение к ним, что запечатлелось в других меметических конструкциях:

— *Ни то, ни сё. — Ни рыба, ни мясо. — Ни мужик, ни баба. — Ни два, ни полтора. — Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга!*

Особой разновидностью максимализма по-русски являются такие ментальные свойства, как лихость, удаль, способность к героизму. Николай Трубецкой писал, что в «удали» русские очень сильно отличаются от остальных европейцев, в том числе и многих славян, здесь они ближе и понятнее степным и горским народам. За это русских очень уважают и признают лидерами в Евразии. Хотя очевидно, что империя строится не только на лихости, но и на способности к гармонии, всеприятию (см. п. 1.6).

Неслучайно именно русский Лев Гумилёв подарил миру учение о пассионарности как необузданном, безоглядном, жертвенном начале, делающем человека способным к героизму

и подвижничеству. Это начало он называл реальным двигателем истории. Как отмечал А.В. Суворов, побеждает тот, кто меньше себя жалеет. Расхожими мемами, отражающими удаль и героический дух русских, стали:

— *Если не ты, то кто? — Никто, кроме нас! — Русские не сдаются!*

1.3. Русская правда

Архетипический узел «правды» с полным основанием может считаться одним из осевых в русской картине мира. Мне уже приходилось писать о том, что на уровне языка отчётливо вычленяются 9 смысловых ядер правды: это истина, достоверность, честность, правильность, правота, прямота, подлинность, справедливость и, наконец, правда как праведность⁸. Праведность, безгрешность оказывается центральным, проливающим свет на остальные 8 смысловых ядер аспектов правды. Поэтому в русской ментальности статус правды «завышен», она поднимается очень высоко, вплоть до стыковки с божественной истиной (универсальной, объективной, внятной всем и всегда). Правда воспринимается как скрепа между разными субъектами, дающая им возможность взаимодействия⁹. Вальтер Шубарт тонко подметил: «Русская правда означает и то, что есть, и то, что должно быть».

Правда и высшая справедливость — внеюридические понятия, они отсылают к совести и святости. В русских духовных стихах («Голубиная книга») правда воспринимается как начало не только социального, но и космического. Это не только нечто правильное, адекватное, но также и нечто в высшей степени бытийное, основа всего мироздания¹⁰. В то же время в русской картине мира правда расположена ближе к откровению, нежели к тому, что называется «достоверной информацией».

⁸ Аверьянов В. Взыскующие правды // Журнал «Изборский клуб», 2015, № 7.

⁹ Данный архетип может претендовать на место цивилизационной миссии в условиях глобализации. Дело в том, что такое завышенное требование к правде означает способность и готовность прислушиваться к «иной правде». В этом сказывается глубокая человечность («всечеловечность») русской культуры.

¹⁰ Подробно об онтологическом статусе правды в древнерусской ментальности см.: Елисеев А. Царственная онтология справедливости // Журнал «Изборский клуб», 2015, № 7.

Лингвист-культуролог Анна Вежбицкая, проводившая сравнение между языковыми скриптами разных народов, вычленяет такой русский скрипт:

«Плохо, если кто-то хочет, чтобы другие люди думали о неправде, что она правда».

«С точки зрения носителя русской культуры, — пишет Вежбицкая, — этот скрипт может показаться вполне естественным и может даже казаться, что такой скрипт существует во всех других культурах. Но на самом деле это не так. С точки зрения многих других культур он выглядел бы слишком экстраемальным».

«Правда как существительное — продолжает Вежбицкая, — уникальное русское понятие, которое отличается, например, от английского «truth» и даже от польского понятия «prawda». <...> Во многих других культурах люди думают, что говорить правду трудно и опасно и что часто легче и лучше говорить то, чего ожидают другие, то, что принято говорить или даже употреблять готовые конвенциональные формулы. <...> Русские фразы, такие как «резать правду в глаза», показывают, что носители русской культуры отдают себе отчёт в том, что слушать правду может быть неприятно и даже больно»¹¹.

В русской культуре идеал «правды» связан с положительной оценкой того, чтобы говорить другим людям, что у тебя на душе и что ты на самом деле думаешь. С этим связано еще несколько культурно-языковых скриптов:

«Хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает или чувствует».

«Естественно, если человек выражает свои чувства и другие люди могут их читать по его жестам и поведению».

Здесь речь идёт о своеобразной эмоциональной открытости, приглашении к соучастию в переживании. Точно так же, скорее всего, хорошо говорить то, что ты думаешь, без обиняков; хорошо говорить прямо, даже если ты знаешь, что другому это будет неприятно.

Прямой человек (один из синонимов правдивого человека) — склонный не кривить душой, не скрывать своего мнения. В то же время правда-прямота не подразумевает, что человек должен везде и постоянно вызываться говорить правду. Если человек делает «прямоту» своим постоянным амплуа, становится назойливым в нём, это уже «правдоруб», трагикомический персонаж, превращающийся в затычку в каждой бочке. Он, так сказать, лезет в бутылку. Это довольно распространённый русский тип постоянно пишущих письма в редакции и в учреждения, звонящих на радио, записывающихся на приём, донимающих соседей и знакомых и т.п. Нередко их «правда» и «прямота» оказываются всего лишь критическим зудом и лишены веса, подлинности (см. ниже об этом в главе о чудиках Шукшина).

Часто ответы, типичные для русской речи, прямо отталкивают то, что сказал собеседник: «без обиняков», «без околичностей», «не для протокола». Например, говорят «Неправда!», «Что вы!» или даже «Чушь!», «Чепуха!», «Ерунда!» и тому подобное. Это резко отличается от англосаксонских норм разговора, и во многих случаях просто нет соответствующих слов и выражений в английском языке.

Лингвисты подметили, что в русском языке большой удельный вес имеют слова с высокой негативной экспрессией — при этом, что интересно, есть особая категория слов вполне цензурных, но оскорбительных. К ним относятся, например, слова «подлец», «мерзавец», «негодяй». Подобные слова встречаются и в других языках, но в русской речи и литературе достаточно высока частотность их употребления. А это говорит о склонности русских давать нелицеприятную экспрессивную оценку. Другие народы в этом вопросе гораздо сдержаннее (и не только западные, но и азиаты, и африканцы).

В целом стремление русского делиться с другими Правдой — уникальная черта. Она лежит в основе идеала «соборности» (см. п. 1.6).

К мемам, отражающим данный узел архетипов, относятся пословицы:

— *Без правды не житьё, а вытьё. — Всё минется, одна правда останется. — Без правды жить легче, да помирать тяжело. — Кривда правду переспорила.* (Это противоположно приписываемой Сократу максиме: в споре рождается истина.) — *Правда из воды, из огня спасает. — Одно слово правды весь мир перетянет.*

Также можно привести такие популярные мемы, как:

— *Не в силе Бог, а в правде* (Александр Невский). — *У кого правда, тот и сильнее* (из фильма «Брат-2»).

1.4. Цельное знание (интуитивизм)

Русский стремится постичь вещи и природу не столько через рациональную логику, сколько через символ и образ, в живом сердечном созерцании, в так называемом «цельном знании». Интуитивное и образное мышление в Русском Логосе доминирует над схоластической игрой понятий.

Иван Ильин называл это «путём к очевидности». Бердяев дал формулу: «Я страдаю, значит, я существую. Это вернее и глубже декартовского *cogito*». Это вовсе не означает, что западный человек не чувствует того же, он просто автоматически под влиянием своего культурного кода переключается с этого глубинного переживания как «всего лишь» ощущения на привычное и респектабельное «мышление».

Русская сказка породила формулу: «**Поди туда, не знаю куда...**» — которую нужно истолковывать не только как произвол «заказчика», но и как радикальный интуитивизм «исполнителя» (сказочный герой ведь и «пошел» туда, и «принес» оттуда «то, не знаю что»).

Интуитивизм в познании-действии определяет то, что русские наиболее одарённые изобретатели, генераторы идей. Они наиболее успешны на двух первых стадиях инновационного процесса, которые определяются как: 1) Рождение идеи; 2) Теоретические и поисковые исследования путей её реализации. Го-

¹¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. — М., 2011. — С. 379, 380, 390, 394.

раздо меньше русским подходят роли менеджеров производства (орговиков), распространителей (снабженцев, рекламщиков и «торгашей»).

Интуитивизм русской ментальности делает её способной к комбинаторике неочевидных в своей связи элементов, русские склонны к далёким аналогиям, к сближению закономерностей из разных сфер, к применению логики одних сфер к другим сферам. Поэтому столь хороший эффект у нас дало образование советского типа — широкий кругозор, универсальность, «бульдозерный» охват проблем. Русские не узкие профи, а многостаночники-универсалы. Русские не любят конвейерной сборки с её механичностью, а предпочитают уникальное решение, очеловечивают работу, делая её менее мертвенной.

Отсюда склонность к парадоксам. Русская ментальность прозревает высшую надлогическую логику, антиномическую природу вещей. Русские открыли неевклидову геометрию — Н. Лобачевский: где параллельные прямые могут пересекаться. Они же открыли неаристотелевскую логику — Н. Васильев, давший формулу: **А одновременно = и ≠ А**; один и тот же предмет **«есть и не есть зараз»**.

1.5. Русская свобода

По Достоевскому, «страшно свободен русский человек». Эту черту внутренней свободы отмечал и Пушкин в отношении крепостного крестьянина. И даже Чаадаев этого не отрицал.

Свободолюбие, вольнолюбие русских часто выражалось во взрывных формах. Но в конечном счёте в фольклоре, в пословицах мы видим сбалансированную позицию народной мудрости — понимание двойственности свободы: как высокой ценности и одновременно как опасности, связанной со своеволием. О последней говорят пословицы:

«Своя воля страшнее неволи». — «Воля завёдет в неволю». — «Волю неволя учит». — «Воля и добрую жену (и доброго мужика) портит». — «Воля портит, а неволя учит».

Русский человек стонет от «неволи», проклинает её. Но «воля» опаснее, по-

тому что она снимает барьеры для своеволия и может вести душу к гибели. Отсюда ещё одна поговорка: «Вольному воля, а спасённому — рай!»

Есть **свобода от**: *А пропади всё пропадом! Гори оно ясным огнём!* Но есть и **свобода для**: в том числе жертва благополучием и даже жизнью за други своя, за общее дело. Из переживания свободы рождается наш героизм, гениальность и святость, но и их антиподы: бунт, разбой, хулиганская удаль.

Лучшие творения русского гения созданы в эпохи жёстких авторитарных режимов. Вольница демобилизует, ослабляет русского человека, в нём спада-

ет внутреннее напряжение, необходимое для творчества. Ещё одно следствие анархии и своеволия — атомизация русских. Это стало заметно, в частности, с отменой крепостного права и началом распада общины. При ослаблении общины бабы были инициаторами раздела большой семьи, большого двора на малые, атомизации крестьян (об этом писал в «Письмах из деревни» А. Энгельгардт). За атомизацией следовала деградация высших русских архетипов: «обаивание» мужчин, «мускулинизация» женщин, усреднение и энтропия. В этом пункте мы незаметно перешли к следующему узлу архетипов.

1.6. Соборный персонализм (идеал единства суверенных лиц)

Тайна русской свободы в том, что в ней заключена связь между человеком и его ближним окружением (кругом своих — родни, общины, малой родины). За этот древний смысл отвечает в русском языке **семантическое гнездо «свой-свобода-собор-собрание-особа-свойство-сам-и т.д.»**¹².

Русский ценит личность, её свободу, её самостоятельность. Но это скорее персонализм, а не индивидуализм, потому что в личной свободе русский чувствует не «отдельность» от других, но отблеск и подобие Бога как Высшей Личности — это подобие проявляется в каждом человеке. На этом зиждется и абсолютная уникальность личности, потому что Бог выказывается в каждом

по-разному. Разнообразие личностей бесконечно. И в то же время на очень большой глубине личности сходятся (в философии это называется «кон-субстанциальность»). Парадоксально, но эта невероятная глубина, недоступная для нас в земной жизни — манифестируется и символически воплощается в явлениях соборности, например, в таких как хоровое пение.

Русский человек стремится создать формы кооперации личностей, которые бы не ущемляли его персональную свободу. Самым широким выражением такой кооперации представляется «соборность». Поэтому данный узел архетипов предлагается называть «соборным персонализмом». В русских пословицах можно часто встретить высокую оценку соборного, общинного, артельного начала:

— «Собором и чёрта поборешь». — «Артелью города берут». — «В согласном стаде волк не страшен». — «Миром всякое дело решишь». — «Где у мира рука, там моя голова». — «Один горюет, а артель воюет».

Католический кардинал Томас Шпидлик, посвятивший многие годы изучению русского менталитета, пришёл к выводу, что в русской культуре утвердился такой идеал общности, в котором нет противоречия между личностью и обществом, между свободой и единством. Чтобы соучастие в жизни общества не принижало достоинства человека и его свободы, необходимо, чтобы основой общей жизни было доверие между личностями. Религиозные, воинские, творческие объединения в России несут в себе устремлённость к реализации этого идеала. Однако

¹² На это важнейшее семантическое гнездо с корнем «свой-сво-соб-» указал выдающийся лингвист-этимолог О.Н. Трубачёв. Благодаря одному корню создаётся неразрывное единство отдельного человека (сам, свой, самость, самостоятельность), его свободы и принадлежности к кругу «своих» (сябры, соборяне), а также форм социального общения (собрание, собор, соборность, собирать). Всё это содержится в русской языковой ментальности, даже если мы этого не осознаём.

даже в монастырях такой идеал недостижим без духовного авторитета — арбитра между свободной личностью и собором. Так возникает институт старчества. К идеалу же соборности приближаются лишь некоторые малые группы, и только при поддержке признанного духовного авторитета.

Соборность обнаружила себя в таких явлениях, как: фундаментальный для российской государственности архетип «симфонии властей»; крестьянская община («мир», «общество») и традиционная русская артель. В них был реализован принцип единства согласованности и импровизации (мгновенное образование команд в русской армии во время решения сверхсложных боевых задач; феноменальный успех русских в синхронном плавании и др.). Вопреки расхожим предрассудкам, русским не свойственен голый коллективизм, стадность, уравнительность — соборный и кооперативный дух, «артельный дух» строится на доверии, взаимопонимании, братстве, соединении не всех и вся, а избирательном соединении уникальных и достойных лиц, проверенных в общем деле, в общей судьбе¹³. Отсюда и русское товарищество, о котором сказал устами Тараса Бульбы Гоголь: *«Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей!»*

Этот же принцип воплощается и в требовании справедливости, правды не только внутри собственного народа, но и в отношениях с соседями, другими племенами, другими культурами. Здесь разгадка секрета так называемого «иоанновского духа» России, секрета овладения большими пространствами и гармонизации различных народов. Россия была империей, которая утверждала свою метафизическую правду не как частность («наша правда» против

«вашей правды»), а в качестве универсалии (вселенская правда России как мировой гармонии, как модели такой гармонии под эгидой «Белого Царя»). В эпоху интернационализма этот идеал в теории был искажён, однако на практике он продолжил своё развитие и привёл к формированию своеобразной доктрины «дружбы народов», «братских народов», не сводящейся к казённым лозунгам, но дававшей конкретные плоды. Это было возможно именно благодаря специально устроенному ментальному типу русского человека¹⁴.

1.7. Другие ментальные узлы (умиление, артистизм, душевность, общительность)

К русским архетипам следует отнести также нежность, ценностное, умиленное отношение к вещам и миру. Это подтверждается обилием уменьшительно-ласкательных форм в языке. Николай Лосский пишет: *«Уменьшительные имена, выражающие чувство нежности, особенно распространены и разнообразны. Велико богатство их для личных имён: Иван, Ваня, Ванечка, Ванюша; Мария, Маня, Маша, Манечка, Машенька, Машутка. Многие не личные имена могут приобретать форму ласкательную, уменьшительную, увеличительную, уничижительную, например: дом — домик, домище, домина, домишко. Уменьшительно-ласкательные имена могут быть образованы весьма различными способами, например: головка, головушка, камешек, кораблик, кружок, чемоданчик, волосок, волосочек. Не только от существительных, но и от других частей речи существуют ласкательно-уменьшительные формы, например, прилагательные: хиленький, рад-радёшенек, наречия: рядышком, прямёхонько»*.

Творец умиляется, глядя на Свое творение; русские умиляются, глядя и на Его творение, и на творение своих рук. В этом своеобразие русского понимания красоты и восприятия образа божия как светоносного (приветствие «Радость моя» преподобного Серафима Саровского).

Стремясь к бесконечному, русский человек боится определений; отсюда, по мнению Карсавина, «гениальная перевоплощаемость русских». Пластичность, артистизм, восприимчивость русской ментальности демонстрируются в самых разных сферах. К примеру, русская языковая культура настроена на точное сохранение звучания заимствованных слов.

Широко известны русская общительность, душевность, которые окрасили в свои тона советскую коммунальную культуру, сделав «общение» едва ли не религиозным идеалом в условиях атеизма. Однако русское общение не простой феномен. Социолог и философ Валентина Чеснокова в своей работе «О русском национальном характере» применяет к русской ментальности такую категорию, как доминанта «диффузного общения» (термин Т. Парсонса). Это означает, что человек, реализующий личностное общение, отбирает себе друзей и знакомых не с точки зрения того, какие цели с ними удобно и интересно осуществлять, а по некоторым глобальным признакам, характеризующим их как личности и позволяющим установить очень тесную, устойчивую связь¹⁵. Русские душевность и общительность в глазах западных народов предстают как склонность к панибратскому, бесцеремонному обращению с чужими людьми. При этом русским западные люди кажутся слишком холодными, отчуждёнными даже по отношению к своим близким.

¹³ В XIX — начале XX вв. в России сложилось целое учение об «артельном начале», высшими выразителями которого явились А. Энгельгардт и Е. Максимов (Слободжанин). Артельный человек понимался в этой традиции как «всечеловек», «идеалист», поэт социальной гармонии. Артельные деревни — это были дружные, солидарные, «союзные» деревни. Только в конце XX века на Западе стали открывать новые принципы эффективности «малых команд», так называемых «синергетических команд», которые удивительным образом напоминают старинные русские артели. (См.: Аверьянов В.В., Венедиктов В.Ю., Козлов А.В. Артель и артельный человек. — М., 2014.)

¹⁴ Русское начало всегда (чаще всего негласно) признавалось всеми народами империи стержнем. Происходило это не столько из-за признания силы (на голой силе далеко не уедешь, на насилии и стыках долго не усидишь), сколько благодаря нашим ментальным архетипам.

¹⁵ Касьянова К. О русском национальном характере. — М., 1994. С. 249.

2. БЛАЖЕННЫЕ, ЮРОДИВЫЕ, «ДУРАКИ»

Отдельно остановимся на таком архетипическом узле русской ментальности, как особое отношение к блаженным, юродивым, сказочным «дуракам» — чаще всего выступающим в качестве выразителей в предельно концентрированном виде других русских ментальных архетипов. Юродство блаженных во Христе — самоотвержение в духе, иногда принимающее крайние формы, как то: имитация бесоудержимости и безумия ради высшей правды. Блаженный — несёт на себе личину «простоты». Как правило, это священо-безумный скандалист. Отстойная, «лузерная» внешность его, предельная аскеза не мешает тому, что юрод имеет невероятный авторитет в народе.

Юрод воплощает в себе метафизический максимализм, реализуемый не в каких-то аспектах духовной и умственной жизни, а в повседневности, в ежечасности и ежеминутности. Юродивый (блаженный, дурачок, «пахаб») всячески оскорбляет «общественный вкус», вернее, культурно-политическое статус-кво. Юрод — это метафизический судия мира, начисто лишённый человекоугодничества. Он позволяет себе издевательство над бездарным и пошленьким, еле тёпленьким, обывательским миром. Такое право и такую предельную внутреннюю свободу блаженный покупает, жертвуя собственным благополучием.

Здесь необходимо подчеркнуть, что помимо юродивых Христа ради (чин православной святости)¹⁶ к феномену юродства также следует отнести

и «юродствующих», то есть не претендующих на святость людей, но исповедующих при этом в своей жизни и активно использующих приёмы и модели юродственного поведения. Если святых-юродивых в русской истории было не более сотни (а канонизированных Церковью еще меньше), то юродствующих на Руси всегда были десятки и десятки тысяч, а некоторый элемент юродства (соответствующей игры, эпатажа, саботажа и т.д.) в своём поведении несёт в себе едва ли не каждый русский. Это связано с тем, что архетип юродства вызывает в русской ментальности глубинный отклик.

По мнению профессора Калитина, многие государственные деятели России, а также выдающиеся деятели русской культуры и общественной жизни в высокой мере исповедовали архетипы юродства. К таковым Калитин относит, в частности, Ивана Грозного, Петра Великого, отчасти Павла I, позднего Александра I («Фёдора Кузьмича»), а также протопопа Аввакума, М.В. Ломоносова, А.В. Суворова, А.А. Григорьева, Л.Н. Толстого, А.А. Блока, Андрея Белого, А.Ф. Лосева, Н.И. Лобачевского, М.П. Мусоргского, Д.И. Менделеева, М.И. Цветаеву, С.А. Есенина, А.Т. Твардовского, Ю.А. Гагарина, В.С. Высоцкого, рок-музыканта Александра Башлачёва и многих других¹⁷.

Было ли свойственно юродство русичам-славянам до принятия христианства? Некоторые отголоски этого мы находим в памятниках раннего Средневековья: Приск Панийский в своей «Истории» (начало V века) описывает скифского шута на пиру Атиллы, чем-то напоминающего юродивых. Сам факт появления в Древней Руси столь зрелых произведений с элементами

юродства, как «Моление Даниила Заточника», говорит за то, что христианское юродство легло на тучную почву. Об этом же свидетельствует и мощная скоморошеская традиция Древней Руси. Некоторые аналоги юродству мы можем найти у ветхозаветных пророков (Исайи, Иеремии, Иезекииля) и у суфийских маламат (орден достойных поношения) в исламской культуре¹⁸. Приводятся и другие параллели — в частности, с буддистскими «священными безумцами»¹⁹. Но это всё же не юродивые, а некоторые их подобию в других культурах. Чисто статистический анализ и культурологические исследования показывают, что именно на Руси расцвёл и тип святости юродивых во Христе (в Византии их оказалось не слишком много), и тип «юродствующих» среди мирян. На Западе этот тип святости не прижился, лишь некоторые его элементы проникли в католическую культуру. Русские же во многих отношениях **уподобились своему Юродивому Богу**.

Уважение к юродивым во Христе (таким как Никола Псковский, Василий Блаженный, Ивашка Большой Колпак, Ксения Петербургская) строилось и на их абсолютном бесстрашии — только юрод мог протянуть Ивану Грозному, перед которым все трепетали, кусок мяса, и на царский ответ: «Я в пост мяса не ем!» — парировать: «А кровь человеческую пьёшь!» Но уважение строилось и на их прозорливости, и на способности к духовной меметике. Юродивый часто конструировал свой сигнал по принципу перевёрнутого знака: так Василий Блаженный целовал углы изб, где жили порочные люди, и кидал камнями в избы, где жили праведники. (Объяснение этой

¹⁶ Выражение «юродивый Христа ради» впервые применил к себе апостол Павел, говоря: «Мы безумны Христа ради». В Послании к коринфянам он объясняет, что сама проповедь о распятом Богочеловеке является безумием для людей мира сего: «Слово о кресте для погибающих есть юродство, а для нас спасаемых — сила Божия... Когда мир своей мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1:21 и 4:10). Христиане, в силу своей веры в распятого Богочеловека, в глазах неверующих являются «юродивыми». В широком смысле юродство есть симуляция греха и болезни праведностью и здоровьем. Христос — юрод слабости и смерти, предельный метафизический юрод. Всемогущий Творец выступает в зраке раба безумного, на позор преданного. Ведь крест был именно позорной казнью. Таким образом, Христос поменял знаки, преобразил позор креста в славу и силу креста, ставшего оружием против бесов — соединив его с символикой изначальной традиции.

¹⁷ Подробнее см.: Калитин П.В. Юродство в русской культуре (цикл лекций) — в сб.: На пространствах империи: традиция, история, культура. (Издательская серия ИДК) — М., 2012. — С. 92–153.

¹⁸ Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. — М., 1989.

¹⁹ Иванов С.А. Блаженные похабы. — М., 2005.

загадки: у первых ангелы-хранители не могли находиться внутри дома и были вынуждены плакать о грешниках, сидя снаружи; а у вторых ангелы жили внутри, а снаружи «плакали» бесы, которые не могли войти внутрь; в бесов-то и кидал камнями блаженный).

В юродстве фокус дурной и доброй славы смещён. Для юродивого характерны и хулиганство, и провокация. Но вместе с тем ему свойственно обострённое восприятие совести, обострённое восприятие святости. Можно сказать, что юродивые — это виртуозы в сфере духовного преображения «массовой информации».

Самой трудной страстью, с которой приходится бороться человеку, является гордость. Отвергая здравый смысл и ежедневно терпя поношения, юродивые Христа ради этим подсекали гордость в самом её корне. Юродство — это система поведения по принципу **Антигордыни** — когда внешнее самоуничтожение повернуто **вовне как защитный духовный слой**. Внутри же у юродивого духовное созерцание, внутри молитвенные состояния, а снаружи позор, нагота, смиренный облик, готовность принять поношение.

Юродственная прививка оказалась крайне важным элементом русской истории. Верно будет представлять исторический опыт русского народа как многовековую ухмылку перед лицом глубоко засевших в нашем государстве и нашей культуре чужеродных форм, по отношению к которым мы, с одной стороны, смиряемся, а, с другой стороны, остаёмся совершенно отстранёнными, если угодно, **непреклонными**. Юродивое восприятие государства и его инициатив глубоко народно и оправданно с точки зрения долгосрочного исторического опыта. Юродство предстаёт не только обострённым опытом «блаженных», но всенародным **окольным путём**. Многие из нас ещё хорошо помнят коллективное юродство конца советского времени — всеобщую народную усмешку по отношению к партийно-советской системе с её маразматическими ритуалами. Но ведь нечто подобное было на Руси и задолго до большевиков. Сила

нашей государственности в том, что её снизу постоянно подпитывает своей «остранённой» энергией «коллективное юродство», тем самым постоянно залечивая её. «Глас юрода — глас Божий».

Враги нашей страны по-своему сыгнали на этой склонности к самоиронии и самокритике. Но это не отменяет факта: в отличие от индивидуального юродства коллективное представляет собой целые колонии, которые живут в определённой оппозиции к мирскому строю. Сам жизненный уклад русских создаёт не только в душе, но и в общественной жизни некоторую стойкую структуру, оппозиционную «миру сему». Русские очень зорко различают в государственной активности реалистичные и выморочные мотивы. Их со-участие в этих делах носит дифференцированный характер — во многих случаях «коллективное юродство» просто спускает на тормозах инициативы чиновников. Получается, что чиновники, публичные люди (общественность), князья, жрецы и слуги мира сего живут своей жизнью, а население — своей.

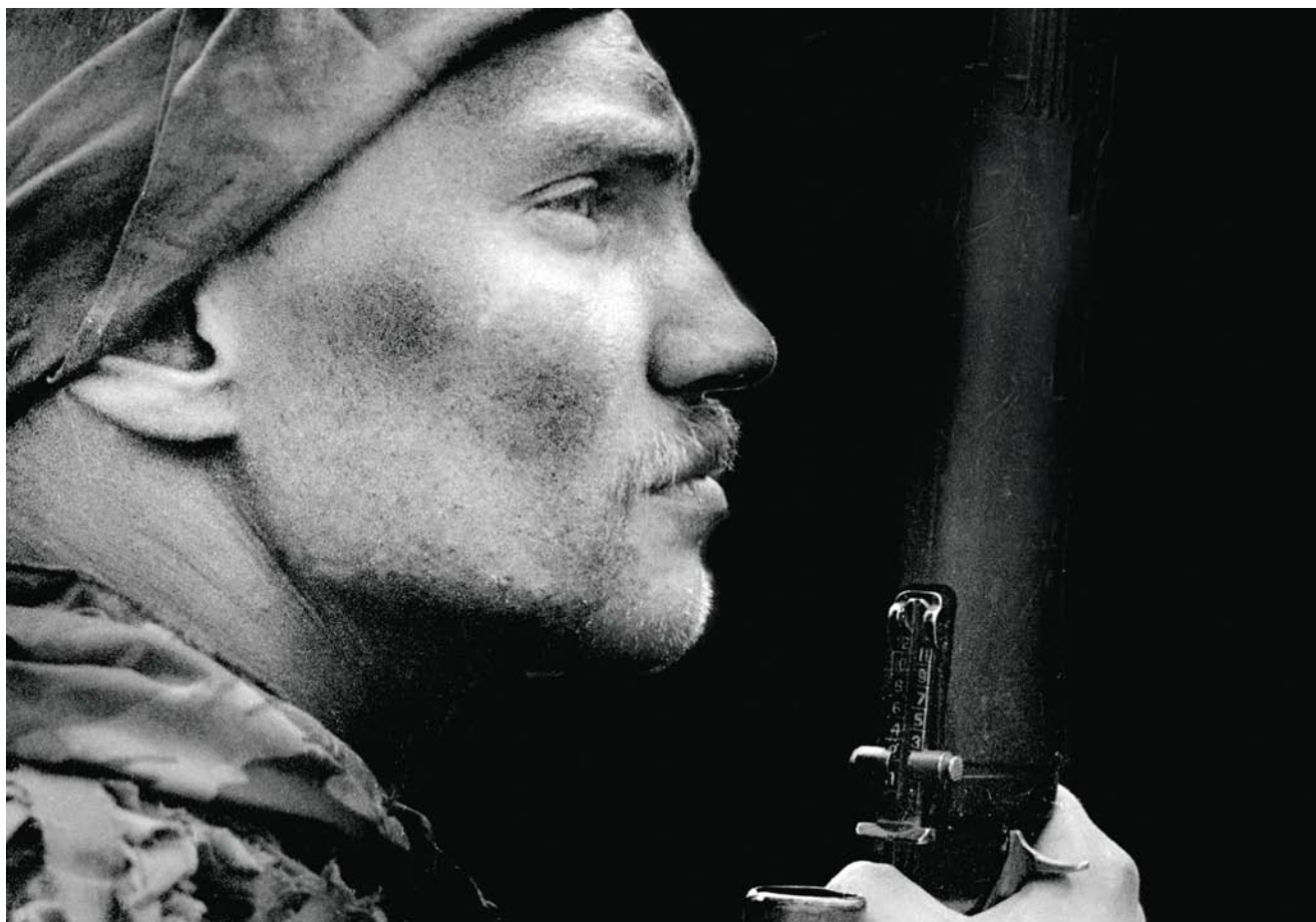
В другие эпохи блаженно-юродствующие могут, наоборот, выступать как провозвестники активизации народа, его борьбы, отделения зёрен от плевел. Так, в патриотическом лагере в 90-е годы возник своеобразный феномен оппозиционного либеральной

системе «дерьмократов» литературно-публицистического юродствования. (Яркий пример — многие передовицы Проханова в газете «Завтра» в конце 90-х — начале 2000-х годов.)

В русском народе всегда есть также и чудики — склонные к высокой мечте. Их жизненная сверхзадача — пройти траекторию от мечты/иллюзии — к подвигу. Они вольно или невольно подражают юродивым в своём бегстве от усреднённости — к полярности. И если блаженный нацепляет на себя маску идиота, то у чудака его «особенности» проявляются в неадекватном отношении к внешнему миру и окружению. Чудик обязательно несёт в себе элемент своеволия, он в некотором роде самодур, вернее «самодурик». В наиболее ярком виде феномен чудака был отражён в прозе А. Платонова и В. Шукшина, то есть в советский период (что, конечно же, неслучайно).

Цыплёнок духа, божественный цыплёнок проклёвывается через скорлупу обстоятельств. Чудик — это слабый цыплёнок, который разрушает скорлупу, но ещё не может толком ни побегать, ни взлететь, ни прокукарекать. Большинство чудиков не станут настоящими блаженными — не дорастут до их уровня.

Но мечта эта глубинная, коренная — и иногда она сбывается. Иван-дурак

в сказке — описание метаморфозы от дурака, чудака и чудика до блаженного чудотворца. Путь Ивана-дурака не из грязи в князи (это только так кажется), **это метафизический реванш**, восстановление высшей метафизической справедливости, когда скрытый (под личиной дурака) избранный занимает подобающее ему место. Смысл русской волшебной сказки — в соблюдении таинственных эзотерических норм, прохождение «дураком» проверки со стороны высших сил, скрывающихся под видом волшебных дарителей и помощников. Согласно пословице: *на дурака у Бога милости много*. Иван-дурак обнаруживает такое свойство, как доверие высшей силе. Не случайно в русской волшебной сказке всегда реализуется один и тот же сюжет: невозвращение к «исправленной» первоначальной ситуации (началу сказки), а создание новой высшей фазы: беда не только предупреждена, но уничтожена самая её возможность (за счёт одоления вредителя и разоблачения ложных героев),

все невинно гонимые утешаются, заколдованные расколдовываются, герой получает царевну и полцарства и т.д. Реализованный «дурак» волшебной сказки — это спаситель и преобразитель жизни к лучшему. То есть чудотворец.

3. ЧУДИКИ ШУКШИНА И ПРАВЕДНИКИ ЛЕСКОВА

Несмотря на то что В.М. Шукшин отрицал расширительное понимание «чудиков» в его творчестве, тем не менее сам он непроизвольно это расширение продуцировал, в частности, в кинематографической трактовке своей же прозы.

Для нас не так важно шукшинское самосознание понятия «чудик». Это понятие далеко вышло за рамки искусства в жизнь и стало символом «странности», «чудаковатости», некоторой «неотмирности» русского человека в его советском формате (а теперь уже и постсоветском, ибо чудики пережили СССР).

Чудик — собирательное имя для нестандартного человека, суть которого

уловить весьма сложно. Принижающе-насмешливая трактовка этого термина слишком узка. Это не синоним слова «чудак». «Чудик» — уменьшительно-ласкательная форма, это определённый знак народного отношения, доброго, сердечного взгляда на странноватых людей, в которых народ прозревает нечто более важное, сущностное, нечто достойное и ценное. Связь с юродственным началом здесь налицо: чудики не могут «адекватно», по мирским, общепринятым представлениям адаптироваться к обществу, даже к своему ближнему кругу (семье, друзьям, сослуживцам и т.д.). В этой неадаптивности знак их своего рода «избранности». В отличие от юродивых-мастеров чудики ближе к дилетантам, к самодельности. Это юродивые-самоучки, юродивые-самозванцы, которые до высокого юродства недотягивают, а вот к кликушеству, правдорубству и беспокойному свойству тревожить других людей своими идеями и выходками — постоянно скатываются.

В узком понимании чудик — это человек, притягивающий мелкие неудачи и приключения. Символом этого свойства является фраза Князева в рассказе «Чудик»: «Да почему же я такой есть-то?» Он страдает от непонимания близких и в то же время жалеет их («Никакие они не злые. Они психи»).

Кстати, ту же фамилию «Князев» Шукшин использует и в своем цикле «Штрихи к портрету», послужившем основой для сценария фильма «Ёлки-палки» (реж. Никоненко), снятого как своего рода отдание долга Шукшину его друзьями и коллегами. В этом фильме создан собирательный образ чудика-изобретателя, чудика-мыслителя и фантазера. Безусловно, здесь мы подходим близко к ядру феномена чудиков. Поскольку в атеистической стране квази-юрродство обрело специфические формы — сутью феномена чудиков, на мой взгляд, следует назвать склонность к **высокой мечте, мечте об идеальном бытии**. Но как всякая нереалистическая мечтательность эта стратегия поведения зачастую приобретает комический характер, а иногда и трагикомический.

У Князева в фильме изобретение вечного двигателя, изобретение революционных микроустройств, написание труда об оптимальном государстве, сопоставление себя со Спинозой, попытка доказать людям, что они неправильно отдыхают и живут, желание быть затычкой в каждой бочке — всё это грани мечтательной, равнодушной личности, живущей в мире идей и при этом оторванной от действительности, лишённой глубокого фундамента (хорошего образования, чувства меры, внимательного отношения к близким, способности довести своё увлечение до какого-то ценного результата).

В прозе Шукшина предстаёт целая галерея таких мечтателей: Митька Ермаков («Сильные идут дальше»), Моня Квасов («Упорный»), Андрей Ерин («Микроскоп»), Бронька Пупков («Мильпардон Мадам»). У каждого из них есть свой «пунктик», некая искра, которая

озаряет и согревает их душу. И это всегда — мечта. Иногда чуذاковатость чудика проявляется лишь в каком-то патетическом моменте, мгновении — таков ночной выстрел ветеринара Козулина («Даёшь сердце»), которым он разбудил соседей, но на самом деле — салютовал научно-медицинскому достижению. Есть и совсем безобидные мечтатели, которые просто любят поразмышлять и посозерцать в одиночестве, как Алёша Бесконвойный — в бане. Но в потенциале мечта чудика может обернуться и манией величия, манией изобретательства, назойливым графоманством, которым чудик способен досажать разным гражданам и учреждениям, наконец, манией правдорубства и воинствующей борьбы за свой идеал.

(Все мы сталкиваемся с такими озбоченными изобретателями, графоманами и идеалистами. Редакторы СМИ прекрасно знают, какую огромную почту посылают тысячи людей в редакции в поисках правды и признания своих талантов — это те «корзинные» письма, в которых нередко можно встретить послания от самых патологических чудиков. Однако, как бы к ним ни относиться, это люди, у которых болит душа.)

Есть и злобные, и агрессивные чудики. Таков Капустин в рассказе «Срезал» — хобби которого унижать достоинство приезжих интеллигентов в глазах местных мужиков. Спиридон Расторгуев в рассказе «Сураз» готов убить своего обидчика, но при этом он крайне неадекватен в отношении своей обиды на мужа, защищающего честь жены, и в итоге Спиридон кончает с собой.

В кино Шукшина мы видим ещё более пластичные выражения типажа. В фильме «Живёт такой парень» главный герой Паша Колокольников ищет идеал женщины и в поисках этого идеала, своей мечты — вполне способен обидеть реальную женщину (обличая её пошлость, то есть несоответствие своему идеалу). В то же время он способен и к доброму делу, и даже к подвигу — что гармонирует с его мечтательностью.

В фильме «Ваш сын и брат» Степан Воеводин совершает побег из тюрьмы, не дождавшись нескольких месяцев до официального освобождения. «Понимаешь, меня сны замучили», — объясняет он недоумевающему участковому. И только когда Степан видит горе своих близких, до него доходит, какую глупость он совершил и какую боль им причиняет.

В «Калине красной» освободившийся из заключения Егор Прокудин, не желая общаться с начальством (дамой-следователем), отказывается работать на чистой работе шофёра и предпочитает трактор. «У меня просто не хватает... Процентом 40...» — объясняет он своё решение председателю колхоза. Егор не видит для себя будущего в уголовном мире, но и мир крестьянский, мир народной жизни для него трудно достижим, он пытается вернуться в него с каким-то невероятным надрывом души.

Этих героев нельзя назвать неадекватными, они, как правило, и достаточно ловкие, и достаточно смелые люди. Однако у них действительно **«не хватает» — в каждом из них по-разному ощущается острый дефицит жизненного смысла, дефицит «праздника»** в его метафизическом (а не банальном) измерении. Мечта приобретает оттенок тоски, которую трудно вынести.

Чудики отличаются от других людей острым нежеланием смириться с этим дефицитом подлинности, с усреднённостью. Шукшинские чудики — это люди с ярко выраженной вертикальной ориентацией, они мечтают о лучшем и высшем, их душа болит, они сострадают другим и страдают сами. И даже если их жизнь внешне благополучна, они всё равно найдут тему и почву для страдания, для поиска, для выхода за пределы обыденности²⁰.

В сущности, это не что иное, как бытовая, народный, наивный вариант того же архетипа, который порождает и юродство. Имя этому архетипу — неприятие теплохладности мира. Я бы не стал называть это максимализмом или радикализмом. Скорее это **склон-**

²⁰ Безусловно, чудики-фантазёры Шукшина были отчасти предвосхищены Достоевским в его многочисленных типах «странных чуذاков», фантазёров-лгунов, доморощенных мыслителей и т.п. — однако у Достоевского, при всём трагизме многих из них, они более вычурно-театральны. У Шукшина чудики реальнее, достовернее и органичнее как народные типы.

ность к полярности, бегство от середины и «общего места». Поэтому чудики — это младшие братья блаженных-юродивых. Русский народ любит и жалеет их, надеется на то, что хотя бы некоторые из них все-таки реализуются, и, возможно, прозревает в них потенциальных сказочных «дураков», которым написано на роду преобразиться в «царевичей».

Н. С. Лесков считается бесспорным знатоком народных характеров, народного быта и языка. В этом смысле у Лескова как выразителя национальной души XIX века диапазон типажей, имеющих отношение к нашей теме, шире. Даже если вынести за скобки его «житийные» повести и оставить только народных праведников и разнообразных «чудаков» — мы увидим там типы, близкие либо кардинально приближающиеся к святости. Встречаются, конечно, и случаи несчастных чудаков («Овцебык»), и даже изуверские случаи («Леди Макбет Мценского уезда» — как скупающая купчиха, дошедшая из-за своей патологической любви до «юродства в душегубстве»).

Тем не менее Лесков по праву может считаться певцом русского праведника, давшим не два-три развёрнутых образа (как, например, Достоевский либо Толстой), а целую их галерею. Лесков широко раскрывает тип религиозного праведника в его конфликте с социумом («Инженеры-бессребренники», «Кадетский монастырь»), показывает и контраст по отношению к окружающим людям. Причём зачастую праведник страдает за ближних в достаточно абсурдной манере («Человек на часах», «Дурачок»).

Главной находкой и откровением Лескова стали «странные праведники», о которых литературовед Лев Аннинский заметил: лесковский праведник «безмерен, несоразмерен, несообразен». «Они все у Лескова причудливы. Блаженные и блажные. Все скручены реальностью, деформированы ею. Все — подчёркнуто своеобразны, самобытны,

ни на кого не похожи. Они выламываются из «мира», хотя, казалось бы, служат миру — миру людей, смеющихся над ними. Их кротость становится вызовом, демонстрацией, скандальным укором. Бунтом»²¹. И далее Аннинский прямо называет эти типы «юродивыми».

Однако причудливость не означает их нереалистичности — совсем наоборот, эти типы гораздо полнокровнее, живее многих «канонических» образов праведности. По выражению языковеда Владимира Елистратова, эти персонажи обладают целым арсеналом, мягко говоря, недостатков, которые никак не делают из них «абсолютных», «пробирочных», «ходульных» праведников. Люди остаются людьми — в этом великая правда Лескова.

Сам Лесков даёт своим «странным праведникам» следующее определение: «**Какие люди на Руси бывают неимоверные!**» («Несмертельный Голован») Большинство героев у Лескова идут к праведности нелинейным, сложнейшим путем, неочевидны в своей праведности, парадоксальны. Весьма пластично передана идея преломления образа праведника в детском сознании в рассказе «Зверь», где само обнаружение праведника становится чем-то вроде сюрприза для читателя. В повести «На краю света» Лесков показывает, что праведность и самоотверженность встречаются повсюду, и у инородцев. Тем самым писатель даёт один из лучших образцов русского всепрятия: архиерей-миссионер, столкнувшись с подвигом некрещеного аборигена, спрашивает у него, почему он так поступил. Ответ прост: «Хозяин, что смотрит сверху, всё видит, — и я не мог поступить дурно». На что владыка ответил: «Ну, брат, однако и ты от Царствия Небесного недалеко ходишь».

Пронзительный тип деревенского праведника, которого в народе называли дурачком, — дан в рассказе «Дурачок». Этот герой Лескова «терпеть не может», когда других мучают — и на этом основании он готов подставить под муку себя: принимает

телесное наказание за другого, идет в рекруты вместо другого крестьянина. Его мотивация практически агиографична: «Знаешь ли, как надо сберечь душу-то? Надо, брат, её не жалеть, а пусть её за другого пострадает...»

Есть у Лескова два героя, носящих прозвание «Голован». Один из них, персонаж повести «Несмертельный Голован», — человек-загадка, человек со странностями, которого люди подозревали бог знает в чём, но на поверку оказавшийся угодником Божиим. Он помогал страждущим во время моровой язвы, рискуя сам заразиться и погибнуть, по-ангельски (как брат с сестрой) жил с женщиной, притом что окружающие считали их сожителями во грехе, и в конечном итоге погиб ради спасения людей. В нём, по выражению Лескова, «любовь совершенная подчинила природу».

Другой Голован — герой повести «Очарованный странник», Иван Северьяныч Флягин. Это бывалый человек, странник, солдат и герой на войне, монах, готовый снять рясу и вновь пойти на войну, ибо ему «за народ очень помереть хочется». Перипетии его жизненного пути — от «одной стражи к другой» — причудливы и действительно представляют собой гремучую смесь добра и зла, подвига и падения. Тем не менее вектор его жизни однозначен — он преодолевает все обстоятельства и утверждает себя в самопожертвовании.

Ещё один весьма выразительный образ праведника у Лескова — «загадочный чудаков» в рассказе «Однодум». Пожалуй, это один из наиболее чистых типов праведника в мире, который прожил жизнь свою ровно, «ни разу не споткнувшись». О нём говорят, что он ещё в юности прочитал всю Библию и даже «до Христа дочитался», а потому несколько повреждён умом. «Такие люди что юродивые — они чудесят, а никому не вредны». Однодум умудряется жить на мизерное жалованье, не только не берёт взятку, но отказывается и от искренних подношений, и, исполняя обязанности городничего, не готов даже справиться

²¹ Аннинский Л. Лесковское ожерелье. — СПб., 2012.

себе соответствующего платья. Таким образом Однодум становится укором для всего чиновного сословия. При этом сей «библейский социалист» не горд, никому не навязывал своих мыслей, хотя и не скрывал их. Самые заветные свои думы и пророчества он вписывал в толстую тетрадь под названием «Однодум». В народе же его называли просто: «он у нас такой-некий-этакий».

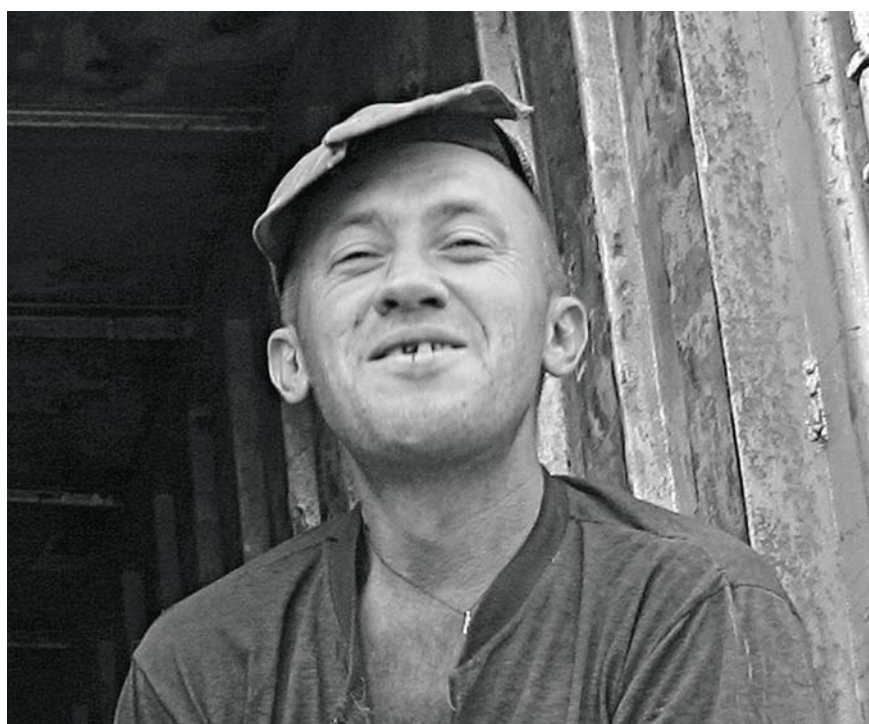
Знаменитый Левша — праведник-гений, устремлённый к высокому идеалу. *«Ничем его англичане не могли сбить, чтобы он на их жизнь прельстился»*, — говорит Лесков. Левшу использовали для показухи (утереть нос англичанам через блоху) — но он предназначен для высокой миссии. И, более того, он реализует её спонтанно — никто его к этому не готовил, не склонял, но он невольно становится разведчиком Российской империи. Осматривая оружие англичан, он полон решимости вернуться на родину не только из-за тоски по ней, но и для реализации своей миссии — донести до государя, что «англичане ружей кирпичом не чистят».

Хотя критики и называют лесковских праведников «кентаврами добра и зла», всё же это просветлённые типы. Если у шукшинских чудиков их лейтмотивом было бегство от усреднённости, мечта о значительном, великом, то у лесковских праведников таким интегральным лейтмотивом становится предельная, доходящая до самопожертвования мечта о Высшей Правде, об исполнении своего предназначения в свете этой Правды.

4. РУССКИЙ ГЕНИЙ И РУССКАЯ МЕЧТА

По мысли Вальтера Шубарта, Россия всегда низко падает, чтобы обрести новую веру, и чем ниже её падение, тем выше будет подъём. Сегодня черты глубокого падения налицо, хотя могущественные силы в нашем государстве пытаются это замаскировать и выдать за что-то естественное, «нормальное». Через усиление самосознания пытаются опутать и обескрылить Русскую мечту.

Однако, учитывая маятниковую природу национальной исторической

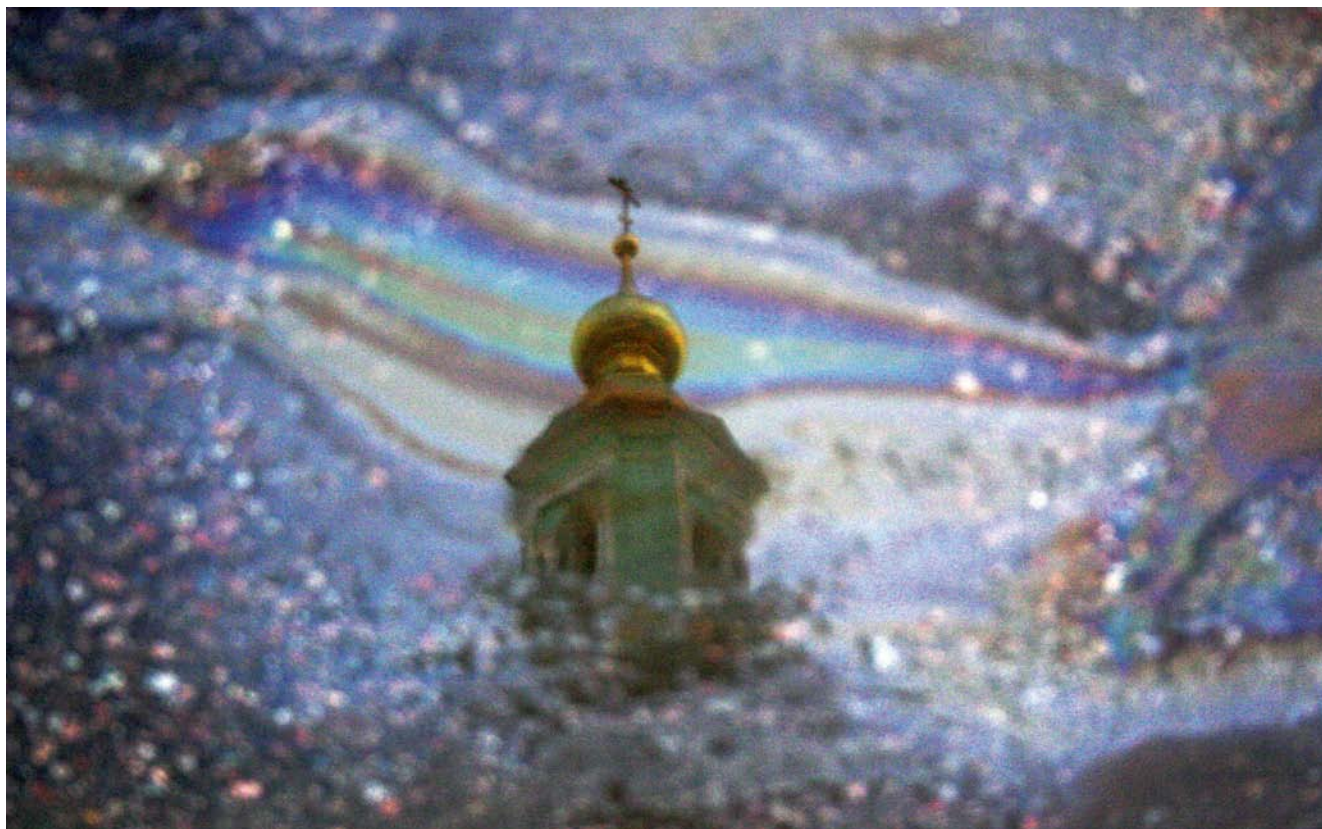

динамики, они напрасно надеются на привыкание к текущему состоянию вещей. Волновой характер русской динамики (упадок — подъём) обманчив в том, что «перегрев» могут признать за некую слабость, якобы органически присущую русским. Однако упадок можно расценивать и как период собирания сил для нового рывка. По верной мысли Александра Елисеева, маятниковый характер русскости **требует своего осознания**: наш человек должен понять данную специфику своей ментальности (стремление к максимуму) и максимально же её оптимизировать, предельно сократив все возможные издержки.

По мнению Александра Прохорова, автора нашумевшей книги «Русская модель управления», «маятниковая» модель развития исторически привела к тому, что *«в глубине души самого забитого крепостного крестьянина, самого зашуганного чиновника есть представление о том, что наступит день, когда возможно всё — переход в другой образ жизни»*. Прохоров рассматривал русскую модель управления преимущественно на примере сталинской мобилизационной модели и пришёл к выводу об огромной роли фактора автономности низовых подразделений, которая включается в режиме чрез-

вычайной ситуации. Русская команда начинает работать в таких условиях не по регламенту, а в соответствии с ситуацией, с максимальным задействованием творческой инициативы каждого участника и его способности к авральному труду, к сверхусилию. При этом Прохоров недоучёл таких факторов, как мощная предварительная системная работа государственных структур планирования, которая, к примеру, задолго до 1941 года подготовила условия для стремительной переброски советских промышленных объектов на восток страны. Высочайшая степень проработки относится и к другим наиболее фундаментальным советским программам развития (таким как освоение Севера, космическая программа, атомные проекты и т.д.).

Мы мало изучаем и знаем русский национальный гений. Совсем недавно стали появляться работы, посвящённые этому важному предмету. Так, в издательстве Института русской цивилизации вышла книга А. Пецко «Мировые приоритеты русского народа» (М., 2012). В ней показаны наиболее значимые открытия и откровения русских творцов — изобретателей и авторов достижений в области науки, искусства, географии,

технологии, организации жизни, духовной культуры. Всего, по подсчётам автора, русский гений дал порядка 1200 достижений мирового уровня, в том числе 112 географических открытий, около 400 изобретений, 176 космических первенств, порядка 400 научных достижений (научные открытия, основания теорий, систем, учений, открытие законов), более 200 приоритетов в создании прорывных технологий и других областях. Русские стали основателями таких наук и направлений, как астрофизика, бактериология, вирусология, геофизическая химия, теория движения ионов, евразийство, теория жидких кристаллов, звездная астрономия, иммунология, клеточная биология, теория лесовозобновления, микрооптика, неевклидова геометрия, ортобиотика, почвоведение, радиоуправление, сейсмология, трансплантология, теория устойчивости движения, физика высоких энергий, хроматография, теория цепных химических реакций, теория четвертичных оледенений, эволюцион-

ная генетика, теория ядерных ракетных двигателей и др.

Два года назад мы в нашем журнале («Изборский клуб», № 1 за 2015 год) дали подборку справок о 33 наиболее ярких явлениях русского гения, в число которых вошли: гироскоп, двигатель внутреннего сгорания, иконоскоп, лампа накаливания, полупроводниковая электроника, анестезия, ультразвуковые исследования, экраноплан, пулемёт ШКАС, автомат Калашникова, технологии мирного атома, технологии покорения космоса, теория вероятностей, Периодическая система Менделеева, теория культурно-исторических типов, учение Вавилова, план ГОЭЛРО, открытие Антарктиды и ряд других. Многие русские открытия были украдены и присвоены другими учёными, более ловкими дельцами в области патентного права. Особенно большие утечки произошли в ходе революции 1917 года, ситуация отчасти повторилась и после 1991 года²². На сегодняшний день мы пока не имеем достаточно полного

представления о тех разработках и технологиях позднего СССР, которые были заморожены, остановлены и недокончены, но по целому ряду признаков можно судить о том, что это было весьма разительное альтернативное будущее, так сказать, «прерванный полёт».

На сегодня многие отрасли и сферы науки, технологий и экономики, в которых Россия и СССР по праву считались лидерами, оставлены нами и уступлены другим державам. Нередко в забвении доживают свой век русские гении, когда-то поразившие мир и прославившие Отечество. Обо всём этом больно не только писать, но и думать. Но с точки зрения активации русской мечты, с точки зрения пробуждения в молодёжи гордости за свой народ и веры в плодотворность своего ума и творческого начала сегодня как воздух необходима ликвидация безграмотности в отношении нашего прошлого — истории русских побед и первенств. Воображение и мечту легче всего расшевелить ярким примером.

²² См., к примеру: Грейг О. Русская наука. Украденные открытия. — М., 2014.

По глубокому убеждению автора, волевой проект русской мечты может состояться только при условии опоры на знание русской ментальной матрицы. Действия спонтанные, наощупь в век информационных технологий и меметических войн означают неизбежное поражение. Чтобы вооружить образом желаемого будущего сознание современного русского человека, по крайней мере пассионарной части нашего народа, необходимо для начала создать мемы иной природы, чем доминирующие ныне, а затем насытить ими информационное пространство. Сегодняшний масскультовый ряд преимущественно нацелен на усыпление, эвтаназию русской мечты, даже если внешне он выражен в экспрессивных формах. Очень часто художественная экспрессия, крик и мат лишь создают фон «зашкаливающих децбелов», оглушают сознание аудитории, создают эффект шока без энергетической разрядки, без катарсиса. По выражению эксперта Изборского клуба Сергея Баранова, «Война», «Пусси», «Фемен», Гельман, Шнур и Навальный — это опий для нашего народа. Даже развлекая и провоцируя, имитируя постановку острых проблем и «протест», они обесмысливают жизнь, дезориентируют молодёжь, запирают путь к позитивному творчеству, к мечте.

В тех вопросах, где государство Российское идёт по пути наибольшего сопротивления деградационным тенденциям (оборонная промышленность, развитие вооружённых сил, освоение Арктики, противостояние с глобальными конкурентами, в том числе в «новой холодной войне») информационное обеспечение этих действий в значительной мере является пропагандой в примитивном смысле слова. Эта пропаганда достаточно «натужна», «казённа», её исполнители часто делают её не от души, а только по службе, — неудивительно, что они используют формулировки и мемы, которые построены как калька западных меметических технологий.

Между тем, ментальные матрицы Запада и России слишком существенно расходятся, и «вестернизация» наших медиа не может не приводить к разрушительным эффектам. Получается так, что и «официоз», и «либеральная оппозиция», и «современное искусство» говорят приблизительно на одном языке, и **этот язык — не язык русского народа, он не вписывается в нашу ментальную карту, не находит глубинного отклика в национальном сознании.**

Тем не менее наш народ живёт ожиданием перехода от стабильности к динамике, к развитию, к новым достижениям. Одной из причин продолжающейся «летаргии», отсутствия инициативы снизу — отсутствие образа цивилизационного противника. Попытка представить в роли главного русского противника современное государство Украина не могло пробудить глубинную инициативу, несмотря на энтузиазм «Крымской весны» и горячую поддержку сопротивления Донбасса. Дело в том, что русская ментальность отторгает идею войны с братьями-«хохлами», потому что русский человек в глубине своего сознания не верит, что украинец — это его враг. Это не так ни с точки зрения масштаба противника, ни с точки зрения его геополитического места. Гораздо более эффективна идея противостояния с Западом и США, внутри которой Украина с её гибридной мутировавшей политической элитой оказывается лишь полем, а не субъектом противоборства. Однако и США, и Запад не осмеливаются окончательно перейти на позиции открытого врага России, продолжая делать ставку на скрытые враждебные манипулятивные стратегии (через пятую колонну внутри страны). Надо сказать, что это верная с их стороны стратегия, поскольку наша ментальность всегда была более уязвимой по отношению к непрямому, скрытому противнику. Поэтому крайне важным средством пробуждения национального самосознания, а вместе

с тем и энергии русской мечты является создание полнокровного, объективного «образа врага» как антисистемы, работающей на глобальном уровне и являющейся реальным, хотя и отчасти замаскированным, противником Русской цивилизации²³.

Проектно-мобилизационное мышление, тип которого сложился в нашей истории, устроено таким образом, что русские ментальные архетипы в наибольшей степени реализуются в рамках долгосрочных («длинных») мобилизационных проектов. Наибольшим потенциалом для русского самосознания всегда обладали длинные стратегии (в области идей — это славянофильство, космизм, евразийство). Короткие стратегии вынуждены развиваться в России рывками, и затем их результаты «растворяются» на следующей фазе развития. Философия динамического консерватизма — попытка построить метод долгоиграющей стратегии в цивилизации, которая пока лишена мощных механизмов преемственности элит и структур духовного управления событиями, не выходит в своем самосознании за пределы горизонта одного-двух поколений. Наш «маятник» часто разрушает институты, выстроенные на предыдущем этапе. Нам необходимо перейти к стратегической зрелости — и создать не просто проекты, но и институты Русской мечты, которые смогут стать на следующем витке истории не жертвой русского маятника, а субъектом, использующим его энергию.

Накануне революции 1917 года В.В. Розанов изрек афоризм: **«У нас нет совсем мечты своей родины»**. Это ощущение жизни без мечты чем-то напоминает и нынешнее состояние России. Прошло сто лет — а мы вновь стоим перед той же угрозой — в отсутствие национальной мечты получить на «святом пустом месте» суррогат мечты, который через невероятные страдания и утраты заставит нас «очухаться» — очнуться от внутренней теплохладности.

²³ России как аннигилятору антисистем и естественному противнику современной глобальной антисистемы будет посвящён следующий доклад Изборскому клубу, который должен выйти в ближайшем номере нашего журнала.

/ Сергей БАРАНОВ /

Мечта как русский двигатель

МЕЧТА И БАЗОВАЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Русскую мечту нужно искать в сущности той особой цивилизации, которая определяется славянским типом личности и общества. Цивилизация — это личность и её общественный круг, а не культура и технологии. Базовая

индоевропейская и славянская личность живёт вне вечного возвращения и вне бесконечного дурного прогресса, она образует ось, вдоль которой движется мировая история, а также географическую ось сердцевинной зоны Евразии, на которой вращается мировая геополитика. Поэтому и славянская цивилизация, ядром которой служит русская

цивилизация, может быть названа осевой цивилизацией. Осевая цивилизация движется в «осевом времени», похожем на то значение, которое придавал этому термину его автор Карл Ясперс. Это время возникновения нового человека и облика человечества — определённая система координат мировой истории, объединяющая ряд цивили-

заций. То же самое, вероятно, имел в виду и Алексей Хомяков, объединяя в своём термине «иранство» разные по времени, месту, этническим носителям явления. Только среди людей этого типа могло распространиться и утвердиться христианство.

Особенность этой личности — широкое автономное внутреннее пространство Я, способное служить

вместилищем духа, плюс тесные связи с близкими и значимыми людьми в социальном окружении данного Я. Это тип соборной личности, самостоятельной и при этом склонной к добровольному коллективизму. Базовую личность отличает также подчинённое по отношению к Я положение разума и мышления, отсутствие тотальной рационали-

зации. Это отличает русских от современных людей Запада.

Базовую личность следует отличать и от коллективной клановой личности азиатского типа, в которой преобладают внутренние связи коллектива или рода над личной автономией его членов. Русский мир, мир славян, — это мир личностей, в котором правит главная личность —

Бог. Это не мир понятий, абстрактных идей, не мир мышления, не мир норм и правил, не мир технологий и машин, не мир денег и вещей. Это мир тех, кто их творит и одушевляет. Таковы все люди в своей внутренней природе, но у славян и русских он представлен в более или менее чистом виде. Он минималистичен, поскольку **сконцентрирован на душе человека и окружающих его родных душах как основном и единственно ценном богатстве**. Поэтому материальное, как и рациональное, — лишь инструмент для русской личности.

У русского и славянина, восточного европейца, и в какой-то мере евразийца, должен быть свой коллектив друзей, коллектив «своих», значимых людей, который является кругом постоянного общения, площадкой его личной и коллективной свободы. Такой **круг своих** образует круг диффузного общения, согласно Валентине Чесноковой, автору работы «О русском национальном характере». Общество мечты для русских должно быть устроено так, чтобы оно сохраняло и уважало такой коллектив, давало ему свободно дышать и развиваться и в идеале состояло бы из таких коллективов. Все отношения и организации, которые уродуют или закрывают эту живительную среду для русских, исключаются ими из русской мечты.

МЕЧТА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАКТОР

Какую роль в жизни базовой индоевропейской личности играет мечта? Без мечты индоевропейцы IV—II тыс. до н.э. не смогли бы создать единую систему сообщений Евразии и изменить ход мировой истории. Впервые Западная и Восточная Европа, Малая Азия, Ближний Восток, Южная Сибирь, Средняя Азия, Персия, Индия были объединены в одну сеть, где люди говорили на одном языке и имели общие цели, технологии, религию, передвигались и расселялись вдоль

основных путей Евразии. При освоении дорог, строительстве опорных баз, захвате городов, налаживании торговли их мечты воплощались в проекты. Без мечты наших предков не было бы того, что называют «европейским» человеком в лучшем смысле слова. Спустя тысячелетия, с V века и до конца XX века н.э., славяне и в том числе предки русских повторили эту историю сначала на Восточно-Европейской равнине, а затем во всей Северной Евразии.

Мечта — неотъемлемая часть полноценного индоевропейца, славянина и русского, любого человека в мире, живущего в области осевого времени. Мечта — это своеобразная форма внутреннего волевого творения, создания предмета во внутреннем мире, тесно связанная со способностью воображения, творческого мышления, комбинирования предметов и, самое главное, — перевода их в план действия, реализации, присоединения к ним порыва, вектора на развитие. В мечте важно не текущее содержание, не его внешнее значение, а процесс движения энергии из внутреннего состояния в явное. Мечта тесно связана с энергиями волевого творения, которые есть первичная реальность как мира в целом, так и любого индивида. «Сбывание» мечты — это переход духа, существующего внутри личности в потенциальном виде, в актуальное бытие. Вне мечты есть только одномерное бытие, которое может быть и иллюзией, «пеленой майи». Мечтая, человек выходит из «пелены майи» в «область оси», в область бытия. Поэтому люди так хватаются за свои мечты.

Как мы увидим чуть ниже, в русском, восточноевропейском социализме был важен именно этот момент порыва, а не то или иное содержание идей. Именно наличие «порыва» в душах русских людей второй половины XIX — начала XX вв. позволяло проникательным и чувствительным мыслителям (Леонтьев, Данилевский, Соловьёв и другие) пророчествовать о наступлении

социализма и революционной катастрофе старой России. Было бы преувеличением сводить истоки революции к содержанию импортированных извне идей или визионерству.

Поскольку русская личность часто имеет широкое и глубокое внутреннее пространство, то в нём много и мечтаний, иногда самых странных. Однако если воплощения мечты не происходит, её энергия обращается против мечтающего, разъедает его, она превращается в болезненную или затаённую фантазийность, в иллюзионизм, «подгрызающий» личность изнутри, становится «обломовщиной»; либо находит себе выход в деструктивном, хаотичном взрыве.

«Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил», — говорил Достоевский устами Дмитрия Карамазова о русских, понимая опасность широкой мечтательности, соединённой с порывом, содержащей в себе энергию возможной цепной реакции, с эпилептоидным психологическим взрывом. (Эпилептоидность, по Валентине Чесноковой, важнейшая черта русского характера.) Поскольку русская личность по устройству своей внешней оболочки тесно связана со своим окружением, то цепная реакция мечты может перейти на него, вовлекая по цепочке других индивидов и другие такие же группы. В этом может быть секрет «русского реактора», как, может быть, и всякого социального реактора вообще, работающего долговременно, за рамками сиюминутных событий.

Для появления «мечты миллионов» внутреннее пространство должно быть очищено от прежних устойчивых образов, рациональных и нормативных конструкций, готовых практик поведения, делающих мечту излишней. Это очищение создаёт внутренний голод и запускает мыслительный и чувственный процесс, то самое расширение личности, о котором говорил Достоевский. Идея становится мечтой, запуская цепную реакцию в его сознании

и в сознании окружающих личностей. Начинается движение мечты, которое способно в каких-то аспектах перестроить личность русских. Как река начинается с ручейков, так и движение начинается в малых группах общения и затем, замыкая их сети, переходит в большие группы. Мечта — проекция цивилизации как типа человека на социальные, личные, бытовые, исторические условия, в которых она порождает своё будущее.

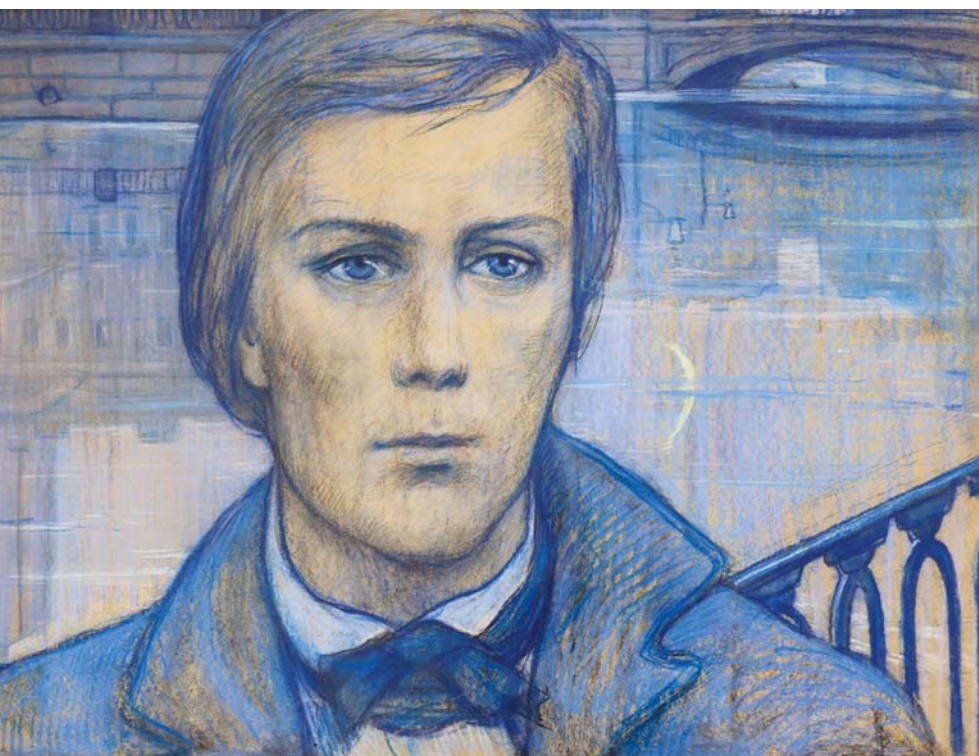
Мечта выражается в каких-то ключевых словах, обозначающих объекты. Это могут быть предметы, которыми человек хочет овладеть, например, квартира, дом. Когда-то это была быстрая лошадь. Сегодня рекламщики под лозунгом «Управляй мечтой!» подсовывают дорогой автомобиль. Но для того, чтобы это всё иметь, человек должен быть кем-то, иметь роль, соответствовать образу. Мечта — это желание реализации себя в обществе, образ себя, но и образ общества, в котором ты реализуешься.

ИДЕЯ ОБЩЕСТВА, ГДЕ МНЕ И ВСЕМ ХОРОШО

Мечта русских — это мечта о своём пространстве, создающем личностную свободу вместе со своими друзьями. В реальном воплощении это может быть свой дом или сад (например, образ «Вишнёвого сада» Чехова), дача, загородная усадьба, хорошая квартира, своя мастерская или просто сообщество постоянно встречающихся людей для обсуждения каких-то тем. Именно поэтому русские, да и славяне вообще, равнодушные к крупной частной собственности, так сильно привержены к малой личной собственности, создающей материальное место для личности и её круга общения. С этим связано обилие приватизированного жилья и квартир, дачных домиков в позднесоциалистический и постсоциалистический периоды. Именно эта мечта эксплуатируется теми, кто продвигает идею «родовых поместий» площадью в 1 га. Это имущество мечтается большинством

русских не для того, чтобы изолироваться в нарциссическом состоянии, а чтобы общаться, трудиться и реализовывать себя. Важно не чтобы всё это недвижимое имущество было лучше, чем у других, а чтобы не хуже, чем у них, чтобы оно позволяло быть среди них. Не так важно добиться материального изобилия, как иметь динамическое состояние души. Устройство своей самости, с психологической точки зрения, есть процесс индивидуации, сличения с архетипом. Мечта играет связующую роль между личностью и существующими в обществе желаемыми образами жизни.

К похожим выводам, задающим направленность поисков мечты в направлении личности и базовой социально-психологической ячейки русского общества как среды её обитания пришёл социолог Андрей Андреев в относительно новом, 2013 года, исследовании о русской мечте (в силу совпадения выводов с ключевыми идеями данной работы привожу здесь фрагмент полностью):

«Своеобразие российской мечты и наиболее характерных устремлений россиян во многом связано и с тем, что они — гораздо большие индивидуалисты, чем европейцы. В этом они, кстати, в известном смысле сближаются с американцами, хотя российский индивидуализм имеет несколько иную психологическую природу и иной оттенок (чаще всего это то, что в России называют «пофигизмом»). Ключевой вопрос: хотят ли респонденты быть полезными для общества, или они предпочитают просто жить, как им хочется? При ответе на него мнения разделились почти поровну: 52% против 47%. В то же время только четверть опрошенных согласны поставить на первое место какую-то объединяющую всех значительную цель. Социальный мир современного россиянина — это замкнутый на себя малый мир его семьи и друзей, в несколько меньшей степени — коллег по работе. Именно к ним он ощущает наибольшую при-

вязанность (на это указали почти две трети опрошенных). Заметную роль играет взаимопонимание на почве общего жизненного опыта: более трети участников опроса отметили эмоциональную связь с представителями своего поколения (что косвенно свидетельствует о значительных разрывах в условиях социализации вследствие катастрофического характера российской истории XX в.). А вот классовая солидарность (с людьми того же достатка), которая важна для сплочения людей на защиту своих коллективных интересов, ощущение близости с единомышленниками, людьми, разделяющими тот же тип культуры, весьма незначительна»¹. Русская мечта, как и русское общество, не является ни кастовой, ни классовой. Институты классов и каст запредельны для русского сознания.

С личностным уровнем, согласно выводу Андреева, в русской мечте связан также и компонент своеобраз-

но понятой свободы как воли, как состояния самого себе хозяина: «Следует особо сказать о том, что Русская мечта принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы. Вообще говоря, свобода — это одна из главных российских ценностей. Свыше двух третей респондентов считают, что свобода — это то, без чего жизнь теряет свой смысл, и только треть соглашается с тем, что свобода второстепенна, и ставит выше нее материальное благополучие. Мечта о свободе, несомненно, воодушевляет россиян: данный результат с небольшими статистическими отклонениями повторяется от исследования к исследованию на протяжении более полутора десятилетий. Однако, как показывают результаты неоднократно проводившихся опросов, быть свободным для человека русской культуры — совсем не то же, что для американца, немца или француза. Свобода в русском её понимании — это не возможность реализации определённых прав (соотнесённых в то же время с известными обязанностями), а **возможность быть самому себе хозяином**: это не что иное, как пресловутая русская воля, которая может выражаться в самых разных, но всегда предполагающих энергетическую разрядку формах»².

Данные выводы А. Л. Андреева говорят о том, что русская мечта как правильная действенная формула должна основываться на личности и её значимом социальном круге как первичном факте, а не на внешних общественных, культурных и метафизических конструкциях, которые, скорее всего, будут не поняты, если только они не пройдут через личность и первичные группы общения.

Этот вывод объясняет и то, что обогащение и власть не являются

¹ Андреев А. Л. Русская мечта: взгляд социолога // Перспективы. № 1. 2013. http://www.perspektivy.info/book/russkaja_mechta_vzglad_sociologa_2013-05-08.htm

² Там же.

для русских, как правило, предметом мечтаний, если только это не результат компенсаторных фиксаций от психических травм у некоторых лиц, к которым часто относятся новые русские и клептократы, которые в силу отрицательного отбора оказались в лидерах. При этом определённый уровень достатка и связанной с ним самодостаточности для большинства является важным и составляет часть личностного проекта русских.

Другое следствие из вышеназванного исследования даёт возможность понять, почему большинство замечательных лозунгов российских национал-патриотов 1990-х годов не нашло такого отклика у населения и не стало порывами к действию. Лозунги воссоздания Российской империи, СССР-2, замены позорного компрадорского режима Ельцина, возрождения православия в общенациональных масштабах, укрепления государства, совершения производственно-технологического рывка, социально-классовой солидарности остались идеологическим набором, а не мобилизующей нацию форс-идеей. Со временем они, разумеется с поправками, отчасти переключались в провластный идеологический арсенал, но не стали личной мечтой русских.

ИДЕЯ ДОСТАТКА И КОММУНИЗМ В РУССКОЙ МЕЧТЕ

Ключевой экономической проблемой русской цивилизации на всём её протяжении была проблема сверхвысоких издержек и низкой производительности природы (суровость климата). На этом основывает свою экономическую теорию Андрей Паршев в книге «Почему Россия не Америка» (1999). Достижение и поддержание достатка веками оставалось следствием сверхусилий либо каких-то нестандартных ходов. Изобилие воспринимается русскими не как следствие рациональных производственных или иных добы-

Обогащение и власть не являются для русских, как правило, предметом мечтаний, если только это не результат компенсаторных фиксаций от психических травм у некоторых лиц, к которым часто относятся новые русские и клептократы, которые в силу отрицательного отбора оказались в лидерах. При этом определённый уровень достатка и связанной с ним самодостаточности для большинства является важным и составляет часть личностного проекта русских.

вающих усилий и не как следствие ценностно-рациональной позиции «праведности» в протестантской этике, а как желаемая непосредственная данность, возникающая, как чудо, из воображения, из мечты. Такая данность часто фигурировала в русских сказках. При этом русские, конечно, не мечтали всё это срывать с ветки, как некоторые южные народы, но хотели, чтобы всё это имелось гарантированно.

Отсюда и мечта о коммунизме как экономической кладовой и его принципе распределения — каждому по потребностям. Русская история — это цепь попыток найти кладовые ресурсов и создать неиссякающий источник прибавочного продукта, — но не для превращения его в орудие власти и закабаления, труда и торгового самодержавия, а для того, чтобы быть самими себе хозяевами. Начиная с подсечного земледелия со сжиганием леса и заканчивая «Газпромом» и ВПК. Исходя из этого **русский человек — «распаковщик» новых ресурсов и энергий природы, которые могли бы обеспечить ему свободу. Он же и сторонник идей нового золотого века, молочных рек с кисельными берегами, рая на земле, изобретатель технических предметов типа скатерти-самобранки.**

В XIX и XX веках ресурсная часть русской мечты выразилась в массовом участии в заселении Севера и Дальнего Востока, степей от Бессарабии до Казахстана, во всевозможных технологических и научных

открытиях, прежде всего в освоении космоса. Эти коллективные одиссеи были направлены на создание новых средств производства, призванных окончательно решить вековой русский вопрос голода/сытости. Именно в таком ключе, как достижение сверхпроизводительности и гарантированного изобилия, русским народом понималось положение о построении коммунизма к 1980 году (при жизни нынешнего поколения), принятое на XXII съезде КПСС в 1961 году. Третья программа КПСС стала воплощением русской мечты. Что это было: наглый обман? Или Русская мечта? Так своеобразно, поиграв с населением, которое надеялось всё же в итоге на гарантированный достаток, партноменклатура попыталась эксплуатировать энергию Русской мечты, что привело в обозримом будущем к крушению её коммунистической формы. Нет уже Хрущёва, нет той партии КПСС. Но забыли ли русские про обещанный им коммунизм? Вряд ли.

РУССКАЯ МЕЧТА И ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОЗДАНИЯ

Русские включили в свою мечту не только освоение пространств и богатств Евразии, но и кардинальное расширение возможностей человека в физическом мире, его переделку под человека. Эта сторона Русской мечты проявилась и в русском космизме, и в практике социалистического строительства,

в науке и технике, освоении космоса и физических энергий, художественном авангарде. Для русских это — вторая, виртуальная и внутренняя, Сибирь — новая кладовая. Данная черта русской мечты тесно связана как с экономическими проблемами высоких издержек из-за сурового климата, так и с внутренней широтой русской личности, проецирующей свою широту как микрокосм на макрокосм как общее пространство. Какое-то значение имели и отголоски бесспорно живучих языческих представлений славянства о загробном мире как рае для предков. **Перестройка мироздания не рассматривалась как демонический процесс, а природа не отождествлялась с верховным личным Богом. Новая техника — это часть продолжающейся космогонии.** Проекты создавались во имя общего блага человечества как дар неиссякаемой и неоценимой личностной энергии, в свою очередь, проявления божественного духа и божественного дара, а не как личная или корпоративная интеллектуальная собственность.

Характерная черта, которую отмечают исследователи славянства, лингвисты и этнографы, это **отсутствие у язычников-славян представления о загробном мире как аде** и восприятие загробной жизни как позитивного места обитания умерших предков и соплеменников где-то в верхнем мире. Это не абсолютный рай, но достойное место. Наоборот, у западных народов, от греков до германцев, загробный мир представляет собой мрачный подземный Аид. Западные народы получили представление о рае с Ближнего Востока, в основном уже вместе с христианством. Так же узнали об аде и славяне. Говоря о проекции в будущее, личном и коллективном, следует заключить, что представления славянства были светлыми, оптимистичными; для них нехарактерна идея суда над душами. Об этом писал Олег Трубачёв. В этом отношении славянство с ранних пе-

риодов истории склонно к мечте о лучшем, социалистическом мире, где всё справедливо устроено. Славянская мечта — это мир без ада, мир, где нет безоговорочного осуждения грешников.

ЛИЧНОСТНАЯ ОСНОВА РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА

Славянство: 1) Это мир общения своего коллектива «для души»; 2) Это мир без ада, по крайней мере для своих. Поэтому именно славянская русская цивилизация породила такое сложное явление, как социализм, как противоречивую и не очень удачную попытку построения **верхнего мира на земле**, впитав в себя все предшествующие мечты о лучшем мире. Западная же цивилизация ничего подобного не дала, несмотря на многочисленные мифы, идеологические, даже научные труды о социализме, его предпосылках.

Причина в том, что западная цивилизация не имела этой мечты как порыва к равному и справедливому для всех. Её лозунг — «Каждому — своё» (недаром от Цицерона из римского права он попал на ворота Освенцима, а потом на эмблему современной военной полиции ФРГ). Западная мечта состоит в получении «своего». Это другой путь развития личности, самости. Однако на таком принципе социализм не построишь, не правда ли? Даже национал-социализм.

Социализм как мечта и как проект возникли на Западе. Однако именно в России социализм соединился с прежней коллективной мечтой (о земле, например, или новой земле), стал новой коллективной мечтой и получил воплощение в реальности именно благодаря коллективной энергии личностей русских людей. Секрет русского и, шире, славянского восточноевропейского социализма состоит именно в этом — наличии мечты о коллективном благоденствии. Так можно передать общий смысл книги Николая Бердяева «Истоки и смысл русского

коммунизма», да и других авторов, обсуждавших эту идею на примере различных историко-культурных явлений России, напоминающих коммунизм, но по сути им не являющихся.

Реализация социализма оказалась возможна в России, поскольку только здесь присутствовала готовая личностная энергия мечты, соответствующая исконным представлениям русских о загробном будущем, которые так или иначе уживались с христианской верой в Бога. Об этой энергии мечты также писал Евгений Трубецкой в 1923 году («Иное царство» и его искатели в русской народной сказке): «Царство это познаётся в самом стремлении к нему, в самом факте подъёма над жизнью, ибо сам этот подъём невозможен без некоторого внутреннего озарения... Это участие всей твари в подъёме человека к неизречённому великолепию — один из наиболее ярких и любимых мотивов русской народной сказки».

МИР БЕЗ МЫТАРЕЙ И ОЛИГАРХОВ

Современные русские, как и их предки, мечтают избавиться от тех, кто изымает и вывозит прибавочный продукт, вводя массы поборов, заставляя работать за копейки или вообще лишая реальной работы. Мечта каждого русского человека — чтобы государство слилось с обществом и перестало быть отдельной потусторонней реальностью. Проблема с эксплуататорскими классами состояла не в зависти к их несправедливо нажитому богатству, а в давлении тяжести этого богатства, принуждения со стороны эксплуататоров по отношению к рядовому человеку.

Внешняя управляющая надстройка всегда была чуждой цивилизационной личной системе русских, в которой не было места рабству и зависимости. Установку на самостоятельную жизнь человека и его круга, общины я бы не стал трактовать как анархизм

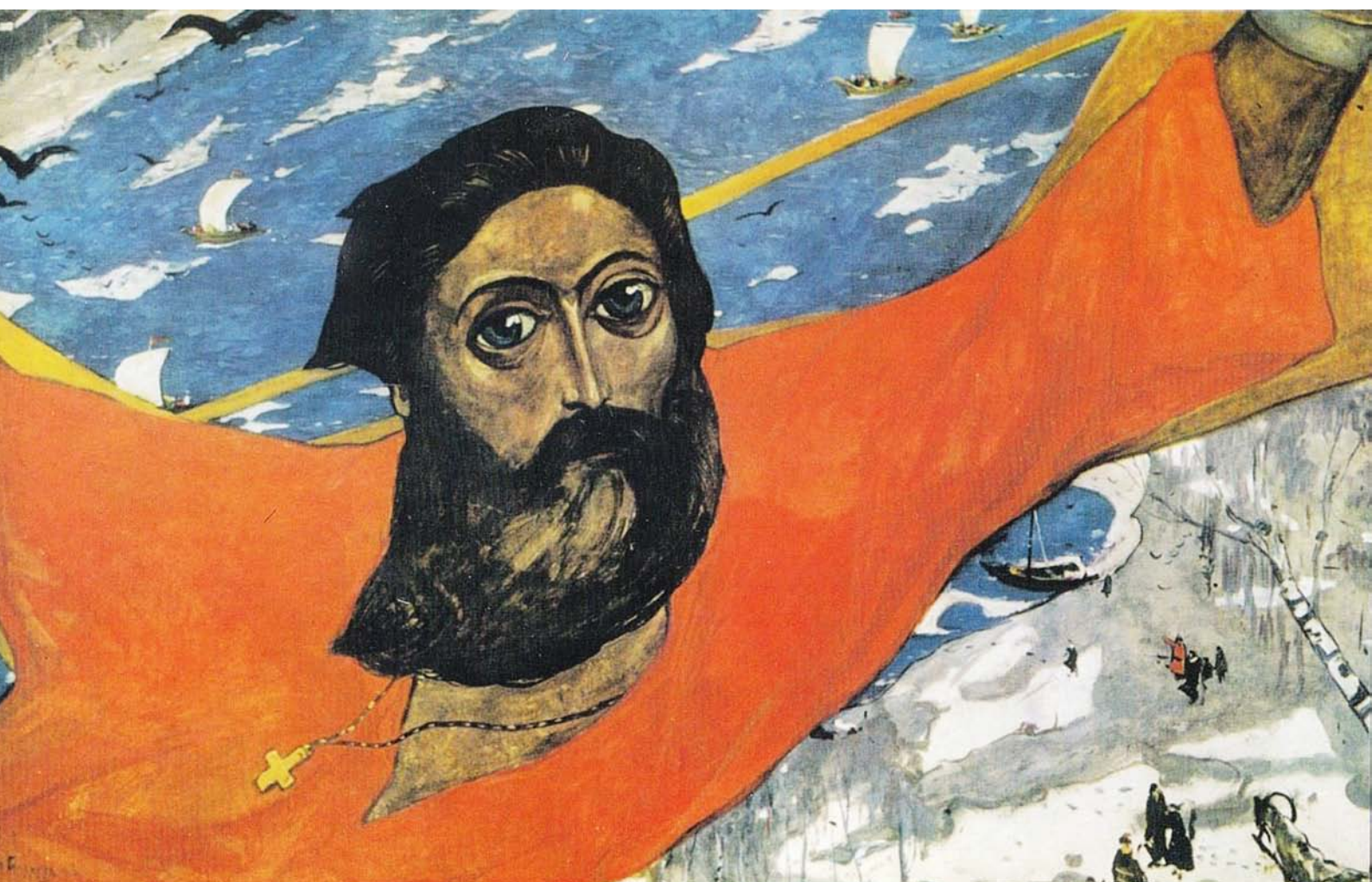
в духе И. Бакунина и П. Кропоткина, хотя анархические устремления у некоторых групп русских периодически возникали под давлением обстоятельств. Русские в целом терпеливо воспринимают власть, если она не преступает известные пределы. Более того, русские имеют государственный талант, который выражается в умении строить учреждения и мобилизовывать массы, согласовывать разнородные интересы. При этом моделью для власти у русских выступают не безличные рациональные социальные технологии управления западного типа, нацеленные на эксплуатацию других, а модель личного круга общения. Для русских характерно стремление строить свой мир, «домострой», в том числе и мир государственной, общественной, церковной, научной, коммерческой, промышленной, сельскохозяйственной и любой другой

деятельности. Однако в особых ситуациях приходилось заимствовать и западные социальные технологии, приспособлявая к ним свои мечты и привычки.

В исторической России личность монарха и личная связь с ней поданных воспринималась как часть мироустройства наряду с личным богом, церковью, представленной личными святыми, которым молились как своим близким знакомым. Производная монархии — поместное дворянство — рассматривалась крестьянами как неизбежное зло, плата за стабильность мироустройства. Активные представители народа старались жить отдельно, уходя на промыслы, на новые земли юга Европейской части, Севера, Урала и Сибири. Развитие Российской империи как экономической периферии Запада привело к созданию тяжелой пирамиды, лежащей на шее у народа,

верхушка которой находилась уже не в России. В начале XX века речь шла уже не только об избавлении от помещиков и капиталистов, о возвращении всей земли крестьянам, но и о переворачивании структуры всего несправедливого миропорядка. Именно потому, что мироустройство в русской мечте полагалось изменить, а не в силу диверсии глобалистов, марксистский лозунг мировой революции и свержения мировой буржуазии стал популярным в России. Русская мечта о сбрасывании пирамиды с шеи вышла за пределы собственно русского пространства.

Русские не против государства, которому, согласно славянофилу Константину Аксакову, нужно передать бразды правления в обмен на свободу местной жизни и мнений. В советское время надстройку воплощала партноменклатура, регламентирующая жизнь населения

по жёстким правилам и заставлявшая его работать на своих условиях, которые постепенно менялись к лучшему. В постсоветскую эпоху регламентация ослабла, однако появился прессинг дисциплины голода и давление криминала новорусской олигархии. Сегодня нагрузка значительно возрастает вместе с фискальным прессингом государства и монополий, инфляцией и злоупотреблениями работодателей. В будущем тяжесть отечественной неповоротливой бюрократии и олигархии может заменить глобальный электронный концлагерь — последняя стадия западной бюрократии. Русская мечта может разбиться о цифровые чипы, которые по каким-то причинам настойчиво вводит наша власть под видом электронного правительства, личных документов, безналичных расчётов, «умных» технологий.

Поэтому русской мечте в перспективе ничего не останется, как избавиться от глобалистской олигархии, переформатировав государство в смешанный социалистически-госкапиталистический тип. Масштабный вывоз капитала, либеральная монетарная политика, социальная политика, построенная на том, чтобы держать население в «чёрном теле», глобализация с попытками ликвидировать традиционный тип человека — всё это не оставляет современному олигархическому типу государства места в Русской мечте и в случае социального «сжатия» может привести к революции. Поэтому Русская мечта — это и **относительно безболезненная «революция сверху», бархатная опричнина XXI века, остаётся в повестке дня.** Ведь большинство русских так и не доросли до средне-

го класса, не стали получателями прибавочного продукта, хотя его производится в России в избытке за счёт природной ренты. Природная рента — это ещё одна Русская мечта, отчасти реализованная советской властью в виде предоставления бесплатного жилья.

«ХАЗАРСКАЯ МЕЧТА» И ЕВРАЗИЙСКИЙ ТРАНЗИТ

Русская мечта кардинально отличается от мечты о жизни за счёт отчислений с Шёлкового пути из Китая в Евросоюз и облуживания этих или иных трансевразийских коммуникаций из Азиатского-Тихоокеанского региона на Запад. Эта мечта подавалась как будущее Евразии некоторыми отечественными теоретиками Евразийского союза, а также и западными геополитиками из аме-

риканского сообщества типа Парага Ханны. Согласно Ханне, население в Евразии должно сохраниться только в агломерациях вдоль магистралей Великого шёлкового пути, а государства должны распасться. Фактически это не что иное, как модель «новой Хазарии», применяемой в том числе в отношении Украины как транзитного государства. Экономической основой правящей верхушки Хазарии выступали сборы за провоз товара по важнейшим евразийским путям, как водным (Волге, Дону, Азову и Каспию), так и сухопутным — с востока на запад в низовьях Волги. Хазария представляла собой примитивное мультикультурное государство, не имевшее ни развитой культуры (несколько разных археологических культур), ни экономики (не было даже собственной монеты), ни армии (вместо неё воевали наёмники и зависимые народы), ни религии (было несколько религий, в том числе иудаизм верхушки). Хазария оказалась слабым государством, развалившимся под влиянием климатических и военно-геополитических обстоятельств.

Хазарская мечта, выдаваемая за Русскую мечту, якобы мечту «ленивого русского» (вариант — за «украинскую мечту» брать с России плату за транзит нефти и газа), — плод коллективной фантазии глобалистского сегмента российской олигархии и её зарубежных партнёров. Русский любит ренту, но не от того, что он «халявщик», а потому, что ему всё тяжело достаётся и рента выступает некоей компенсацией за прошлые неоплаченные сверхусилия, выданные из него хозяевами и начальниками. Но в любом случае «хазарская мечта» — это яд, противопоставленный русским, так же как и либерализм, мечта о вседозволенности.

РУССКАЯ МЕЧТА И БУДУЩЕЕ

В последние годы остро чувствуется кризис идентичности, в первую очередь среди русской молодёжи. Это

Современное общество созрело для рывка, для отхода от сидения на «трансевразийской газовой трубе» («хазарской мечты»), вертикального лифта, социального или духовного. В настроениях молодёжи сегодня чувствуется жажда и голод по серьёзной современной работе. Основой мечты должно стать дерзновение, дерзость к новому — те крылья, которые, наконец, вынесут российскую систему из застоя, сделают её национальной и цивилизационной, поставят вровень с основными странами — локомотивами мировой экономики и технологий.

следствие конца социалистического проекта и отсутствия нового проекта, который мог бы воплотить русскую мечту. Современное российское государство лишило их мечты, сведя её к тупому материальному преуспеянию, к тому же далеко не гарантированному. Образовавшийся вакуум заполняют торговцы внутренней мечтой — всевозможными практиками и образами жизни, образами человека, субкультурами и квазирелигиями, в том числе и античеловеческими обличьями. Все они так или иначе направлены на разрушение русского человека, превращение его в совокупность меньшинств.

Современное общество созрело к рывку, к отходу от сидения на «трансевразийской газовой трубе» («хазарской мечты»), вертикальному лифту, социальному или духовному. В настроениях молодёжи сегодня чувствуются жажда и голод по серьёзной современной работе. Основой мечты должно стать дерзновение, дерзость к новому — те крылья, которые, наконец, вынесут российскую систему из застоя, сделают её национальной и цивилизационной, поставят вровень с основными странами — локомотивами мировой экономики и технологий.

Опорой и инкубатором мечты, превращения её в проект, в отличие от прошлых времён, станет виртуальное пространство сетей и медиа, умных устройств, с одной стороны,

и внутреннее пространство личностей — с другой. Оседлать мечту сегодня, это не оседлать быстрого коня или «Тойоту» — это оседлать виртуальный мир.

Главной темой медиамечтаний должна стать мечта о личном профессиональном и духовном достижении в контексте миссии России, её славы, добра, пользы и величия. Русские должны создать социально-технологический сверхлифт для человечества, опирающийся на внутреннюю скромность личности, а также её волю и веру. Русская мечта — это мечта о своём цивилизационном мире, занимающем достойное место в остальном мире, организованная по принципу матришки: меньшее — в большем, индивидуальное — в общем.

Русская мечта включает две противоположные линии — стремление к самоуспокоению и равновесию души и социального окружения и порыв к новому состоянию общества. Чтобы управлять Русской мечтой, вернее, её энергией, необходимо управлять обеими линиями, а может быть, и целой связкой разных линий-осей. В мечте русский человек должен видеть, с одной стороны, себя, своё окружение, свой новый дом, новую важную работу; и в то же время социальный и технологический рост и расцвет России. В мечте он должен видеть и личное, и коллективное спасение во Христе.

/ Егор ХОЛМОГОРОВ /

Реставрация будущего

*Образ нашего будущего и три великие
возродительные идеи России*

Слишком долгое время Россия формировала своё будущее как антипрошлое. «До основания, а затем...» Российский футуризм, будь то в петербургски-западнических, советских или постсоветски-либеральных формах, базировался на чудовищном нигилизме по отношению к прошлому, которое неизменно рассматривалось как убогое, постыдное, не вдох-

новляющее, позорное, подлежащее радикальному преодолению. И тем самым будущее наше искривлялось и обеднялось, так как только если корни прошедшего богаты, разнообразны и питательны, мы можем рассчитывать на пышную цветущую крону будущего. Мы же оказались подобны тем, кто обрубаёт корни деревьев, а потом удивляется облетающей увядшей листве.

Сегодня мы нуждаемся не столько в построении, не столько в проектировании, сколько в *реставрации* будущего. В восстановлении тех пластов и горизонтов, которые были искусственно обрублены и утрачены в результате сотрясавших нас революций и переворотов, нигилистических по отношению к прошлой традиции. Мы должны вернуть себе то будущее, которое было утрачено, если не сказать — украдено, из-за нашего самоотчуждения.

Россия и русские пережили три большие волны самоотчуждения. Каждый раз известная часть русской цивилизации объявлялась отторженной и отречённой, предавалась проклятию и подвергалась истреблению. Перерубленные ветви переставали плодоносить, и на их месте воцарялась мерзость запустения или прививались иноземные дички.

Первое великое самоотчуждение — это двойной удар церковных реформ, приведших к расколу старообрядчества, и петровских культурных реформ. Мы фактически собственными руками разгромили свою национальную церковную, а затем и культурно-цивилизационную традицию, заменив её иноземными заимствованиями. Вместо локальной задачи усвоения научно-технического потенциала Европы мы поставили себе задачу не только усвоить всю европейскую цивилизацию, в том числе и в глубоко чуждых нам элементах, но и разгромить свою, а тех, кто сохранил верность русским началам, — вытеснить на обочину истории как гонимых отщепенцев.

Этот петровский псевдоморфоз русской культуры превратился в саднящую рану нашей национальной жизни. Каковая рана, впрочем, как у некоторых моллюсков, из слез своих соткала жемчужину. Идея *возвращения к себе* стала центральной для новой русской культуры от Пушкина и славянофилов, через Достоевского и Мусоргского. Однако, оставшись русской культурной утопией, которая иногда оказывала благотворное влияние и на дела общественные, задача общенационального возвращения к самобытному строю русской жизни так и не была никогда поставлена как государственная. Вот уже три с половиной столетия Российское государство находится когда в холодной, а когда и в горячей войне с основами русской культуры и цивилизации. И это делает наше будущее весьма смутным.

Второе великое самоотчуждение — коммунистическая революция, перепахавшая весь строй исторической России Гражданской

войной и голодом, раскулачиванием и террором, созданием индустрии через рабский труд и возвышением разума через разрушение церкви и убийство священников. Общественная тяга к социальной справедливости и равенству в распределении богатств приняла в навязанной нам революции форму безумной иноземной теории, которая многих сделала беднее и почти никого — богаче. Зато уничтожила естественную социальную ткань русского общества и прервала реально реализовавшуюся виттевско-столыпинскую модернизационную программу. Когда утопия рухнула, вместе с нею едва не прекратилась и вся общественная жизнь вообще, мы докатились до тотальной социальной аномии. Да и промышленные богатства, создаваемые каторжным трудом, оказались сами по себе нежизнеспособны и скоро пропали разворванными и лишь малой толикой застряли в цепких когтях олигархов — завсегдатаев английских клубов.

XX век оказался для нас бездумным и бесполезным расточением народа вследствие отказа от продуманной естественной модели социального и экономического развития и в ещё большей степени — вследствие торжества самого отчаянного национального нигилизма, когда торжествующая идеология объявила своим врагом уже не только русскую цивилизацию, но и русский народ как таковой, «народ угнетатель», «великодержавного держиморду». Административно-политические мероприятия направлялись на расчленение этого народа республиканскими границами. Социальные — на уничтожение его органической модели расселения «неперспективных» деревень, на затопление его сельскохозяйственных угодий. Культурные — на стирание значительной части его исторической памяти.

Разумеется, этому великому самоотчуждению тоже оказывалось отважное сопротивление, причём не только в белой эмиграции, но и в самой России — достаточно назвать имена Солженицына, Свиридова, писателей-деревенщиков, академика Шафаревича. В этом сопротивлении выработалась ещё одна программа русской реставрации будущего — *сбережение народа*. Даже в тех малых толиках, в которых она реализуется в последние годы, она даёт огромные положительные результаты. Мы видим рост продолжительности жизни, падение пьянства, мы видим, как защищённое протекционистской политикой возвышается наше, казалось, вовсе умершее сельское хозяй-

ство. Но до подлинно масштабной программы сбережения нам ещё очень далеко.

Наконец, третья волна великого русского самоотчуждения — это распад СССР, установление беловежских границ и проведение так называемых «либеральных реформ». Здесь уже национальное самоотчуждение дошло до высшей степени — проповеди открытой русофобии едва ли не как государственной идеологии и уж точно идеологии «элиты», отрицания самого имени русского. Смердяковская мечта об оккупации России иностранщиной доведена была здесь до совокупности практических действий и программных слоганов. Стремление к истреблению неугодного народа дошло до проповеди о благодетельности массового вымирания «рыночно неэффективных масс».

Но самым характерным следствием третьего самоотчуждения стал территориальный, политический раскол русской нации. Не только были закреплены как политический факт большевистские эксперименты по созданию сепаратных украинского и белорусского народов, но и оставленные в звании русских великороссы были растресканы по административным границам СССР, внезапно превратившимся в межгосударственные. В самой России родилась безумная и абсурдная конструкция о «молодом государстве», ведущем отсчёт от декларации 1990 года, а к этому политическому младенцу услужливые асессоры и регистраторы тут же подогнали и его местечковый патриотизм, противопоставляющий русского в РФ как «россиянина» — русскому за пределами РФ как, допустим, «украинца» или «латыша», до которых нам якобы нет никакого дела. Если и есть что-то гнуснее расцветшей в наших редакциях и издательствах русофобии, так это подобный **«беловежский патриотизм»**.

Уже даже внутри России обрисовались границы анклавов, в которых русским отведено было место дискриминируемого народа второго сорта, да и русский язык оказался обречённым на вытеснение. Оставленные на растерзание русофобским элитам сопредельных стран, русские превратились в обездолеваемых, преследуемых даже за слово на родном языке, насильственно ассимилируемых, угнетаемых, а во многих местах и убиваемых. Вся общечеловечность нового либерального порядка оказалась сведена к тому, чтобы русские отреклись от себя, — отречься же от чего-то своего ради русских никто оказался не способен.

Но в сопротивление этому третьему великому самоотчуждению национальная почва породила и третью великую русскую возродительную идею — идею *русского воссоединения*. Это мысль о том, что расколотая нация должна не тем так другим путём воссоединиться в естественных для себя политических, экономических, культурных границах, что Москва должна стать средоточием центробежного, а не центростремительного движения на русском пространстве.

Итак, вот **три великие возродительные идеи, которые должны помочь при реставрации нашего будущего: русское воссоединение; сбережение народа и возвращение к себе**. Почему мы можем думать, что они сегодня могут быть приняты на вооружение Российским государством, которое, в разных своих инкарнациях, как никто другой виновно в том, что эти идеи вообще сегодня надобны, что мы дошли до пределов самоотчуждения и самоотрицания?

Дело в том, что сегодня Российское государство впервые за три с половиной столетия свободно от чужебесия, свободно от утопической мировой идеи, которая требовала бы отречься, отказаться от русского во имя той или иной общечеловеческой фантазии. Сегодня мы, в общем и целом, выздоравливаем от джунглевых либерализма последней четверти столетия — мы видим, что никто в «мировом сообществе» не ждёт Россию с распростёртыми объятьями и что за наше приспособленчество и за наше сопротивление платят равной ненавистью, только к приспособленчеству прибивают ещё и презрение.

Крах коммунистической системы с очевидностью обнажил нежизнеспособность и этой, заимствованной у Запада утопии, которая удержалась в том или ином виде лишь там, где была поставлена на крепкий фундамент самобытной национальности и цивилизации. Поскольку же русский коммунизм базировался на яростном отрицании русской же самобытности (ставить на него задним числом, посмертно национальные заплатки смысла нет), то и принесённые ему неслыханные человеческие жертвы бессмысленны, а память об этих жертвах требует не того, чтобы реставрировать погубившую их систему, а того, чтобы дать их потомкам то лучшее будущее, которого были достойны и предки.

Наконец, и от европоцентристской утопии, манившей Петра Великого, сегодня исцеляется

не только Россия, но и весь мир. Человечество есть множество самобытных миров-цивилизаций, имеющих право на особый путь, особую культуру, особую идентичность. Запад есть момент во всемирной истории, но он не обладает универсальным секретом всеобщего счастья и единственным ключом к научному и техническому развитию. Мало того, на лице современного Запада мы всё явственней видим печать тяжёлого вырождения. Его ценности окукливаются в той извращённой форме, которая не может быть для нас приемлема. Несомненно, что между цивилизациями есть большая и меньшая степень родства, а потому к Европе мы исторически ближе, чем к Китаю, Индии или исламскому миру, но это близость **самостоятельной исторической единицы, эллинско-византийски-славяно-русского цивилизационного потока**, который не может быть сведён к вариации романо-германского, а большей частью и противостоит ему.

Итак, сегодня Россия как никогда близка к независимости от тех принципов чужебесия, которые трижды толкнули её к великому самоотчуждению. А значит, мы можем надеяться на то, что чаемая нами реставрация будущего, приведение нашей жизни к стандарту самобытного, зажиточного, наполненного духовно бытия наконец осуществится.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Мы видим Россию государством, соединившим в одной политической воле все раздробленные части русского народа и предоставляющим всем живущим на планете русским право на приобретение своего гражданства и репатриацию. Государство это связано с соседями, некогда входившими в русский исторический мир, гибкой системой политических и экономических союзов и влияний. Нигде и никто не смеет покушаться на право нашего народа на свой язык и культуру, никто не смеет дискриминировать его, так как резонно опасается незамедлительного и мощного ответа России.

Административно это государство устроено как равноправное федеративное государство, в котором устранена асимметрия национальных республик, устранены любые посягательства на верховенство русского языка. Федеративное же начало проявляется в развитии сильного земского самоуправления, решающего широкий круг вопросов, опираясь на волю местных граждан. Все субъекты Федерации имеют равный статус земель, именуемых по крупнейшим городам или историческим региональным названиям, но ни в коем случае не по мнимым «титольным нациям». Северные ресурсоносные районы, где собственное население незначи-

тельно и его состав текуч, выделяются в особые федеральные территории, статус которых исключает посягательство на их недра со стороны тех или иных локальных групп.

Русский язык утверждается в статусе единственного государственного и обязательного для знания гражданами России, и всё школьное и университетское обучение ведётся только на нём. Для дополнительного углубления в русскую культуру учащимся преподаются курсы древнерусского языка и литературы. Местные родные языки изучаются с помощью господ-

держки на факультативной основе. Поддержка национальных культур осуществляется на основе закона о культурно-языковых автономиях, на основании тех же принципов равноправия поддерживается и русская этническая культура.

Центральная политическая система рисуется нам как *конституционная монархия*, возглавляемая, для устойчивости традиционных связей, государем из рода Романовых (но кто конкретно это будет — выбор осуществят народ и текущая государственная власть, изучив кандидатов и укрепив притязания наиболее пригодного). Монархия осуществляет принцип исторической преемственности, связи с прошлым и державного церемониала, делающего очевидным действительную государственную идею. Кроме того, монарх является высшей апелляционной и судебной инстанцией в государстве.

Государственное же управление сосредотачивается в руках правителя государства, который может иметь традиционный для конституционно-монархических государств статус премьер-министра, канцлера и т.д. Однако от парламента этот глава не зависим и избирается народным голосованием, утверждаемым государем. Представительные учреждения образуются Государственной думой и Сенатом. Государственная дума избирается по одномандатным округам. Сенат наполовину формируется из выдвинутых земских съездов с высоким возрастным цензом, утверждаемых государем, а наполовину назначается непосредственно государем из старейших уважаемых государственных деятелей. Формируется список государственных должностей, беспорочное исполнение которых предоставляет право на автоматическое включение в состав Сената.

Православная церковь в конституционном порядке признаётся как основа нравственного порядка и общественной жизни страны. Она возглавляется Святейшим Патриархом и пользуется всеми правами и свободами внутреннего устройства. В школе дети в обязательном порядке изучают основы православной культуры, а в факультативном могут изучать и «Закон Божий». Другие традиционные конфессии пользуются покровительством государства в той мере, в которой препятствуют подрывной пропаганде среди своих приверженцев. Россия на мировой арене проводит не только политику интересов, но и политику идеалов, противостоя как секулярному либерализму, так и исламистскому экстремизму, ведущим войну против христианства. Москва стремится

удержать роль мировой столицы традиционных христианских ценностей, добиваясь этого без мессианских заявок и чрезмерных запретов — грамотной культурной, религиозной, социальной и символической политикой.

Допуская широкое культурное разнообразие и стимулируя появление новых творческих сил, Российское государство в то же время проводит, опираясь на свои значительные возможности, определённую культурную политику, ставящую во главу угла познание русской истории во всём её богатстве и разнообразии и углубление любви к ней, представление о русском прошлом как о **Времени Героев** — воинов, землепроходцев, святых и творцов. Первостепенное значение в культурной политике имеет утверждение основополагающих ценностей: Семья-Родина-Бог, лишённый агрессивности, нацеленный на внутреннюю сдержанность, но в то же время твёрдый патриотический милитаризм — культ человека мужественного и благородного. В противовес феминистскому безумию, захлёстывающему Запад, утверждается идеал гармоничной семьи, в которой лёгкая патриархальность зиждется на ответственности и великодушии мужчины, а женщина утверждает в своём высоком достоинстве через материнскую любовь и неустанную заботу об устройении жизни. Государство не допускает противопоставления мужчин и женщин как «борющихся классов» и, обеспечивая равенство мужчины и женщины в труде и достижении общественного признания, при этом содействует укреплению семьи.

В демографической политике делается ставка на умеренную многодетность 3—5 детей в семье, прогрессирующую господдержку по мере прибавления в семействе, а также на систематическую программу борьбы со смертностью. Постоянная антиалкогольная и антинаркотическая политика, строгий контроль состояния здоровья граждан должны стать важнейшей частью государственной политики. Низкая смертность должна стать важнейшим государственным приоритетом в сочетании с мероприятиями по продлению трудоспособного возраста. Укрепление национального здоровья, достаточное для сохранения трудоспособности, является ключом к выходу из тупика, в который заходит современное социальное государство из-за пенсионного кризиса. Без продления трудоспособности все планы повышения пенсионного возраста окажутся лишь ещё одним социальным дефолтом либерального образца.

Сохранение принципов социального государства и социальной справедливости является важнейшим для государственной политики России — не потому, что они являются наследием советской системы, а как раз потому, что после колоссального жестокого отчуждения труда и доходов граждан, осуществлявшегося в советский период, народ России нуждается в компенсации за недополученные блага и недонакопленные состояния. Соответственно целью государственной политики России должно стать недопущение чрезмерной концентрации капиталов в руках сверхбогачей, драконовская борьба с офшорами, коррупцией и выводом капитала, сохранение ситуации, в которой подавляющая часть национального дохода распределяется в виде зарплат и других легальных трудовых заработков, а концентрация капитала осуществляется в форме жилья и земельной собственности (причём продолжение бесплатной раздачи земли в рамках дальневосточного гектара, по многодетности и в рамках других программ, является существенной формой субсидирования разумного накопления). Государство должно своей налоговой и фискальной политикой содействовать борьбе с экстремальными проявлениями бедности и поддерживать достаточно широкий слой среднего класса как слой работающих собственников. Необходимо избегать как пауперизации, так и формирования слоя неработающих рантье, ориентированных на ренту с накопленного капитала.

Задача сохранения в России трудового общества тем более сложна, что новая промышленная революция, связанная с роботизацией, угрожает вытеснением значительной части рабочих мест. С другой стороны, Россия ещё долгие десятилетия, если не столетия, будет оставаться **недонаселённой** страной, испытывающей значительный дефицит трудовых ресурсов. При этом, будучи **недонаселённой**, Россия также остаётся **недоосвоенной**. Таким образом, сокращение спроса на труд нам всё-таки не угрожает, если своевременно начать проводить политику ограничения трудовой миграции, превратить Россию в миграционно закрытую страну, которая при этом активно проводит политику реиндустриализации и освоения своего северо-востока. При таких вводных спрос на человеческий труд, особенно квалифицированный, будет оставаться в России огромным при любом уровне роботизации и при любом росте собственного населения. Напротив, напоеание нашего рынка сивухой дешёвого, полурабского импортного труда

Сокращение спроса на труд нам всерьёз не угрожает, если своевременно начать проводить политику ограничения трудовой миграции, превратить Россию в миграционно закрытую страну, которая при этом активно проводит политику реиндустриализации и освоения своего северо-востока. При таких вводных спрос на человеческий труд, особенно квалифицированный, будет оставаться в России огромным при любом уровне роботизации и при любом росте собственного населения. Напротив, напоеание нашего рынка сивухой дешёвого полурабского импортного труда лишь убивает нас и в социальном, и в экономическом смысле.

лишь убивает нас и в социальном, и в экономическом смысле.

Итак, направления экономического развития будущей России: 1) Освоение своего северо-востока, приобщение к интенсивной жизни обширных пустынных пространств; 2) Реиндустриализация через роботизацию, возрождение полноценной производящей экономики, причём не только в государственной и крупнокорпоративной, но и в частной форме; 3) Реализация установки на максимальное импортозамещение, особенно в сфере продукции с высоким вкладом НИОКР; 4) Продолжение аграрного подъёма, ставка на стопроцентный продовольственный суверенитет, а затем и наступление русского производителя на мировом продовольственном рынке; 5) Развитие экономики образа жизни.

Под **экономикой образа жизни** мы разумеем такое производство товаров и услуг, которые обеспечивают потребность человека не просто в качестве жизни, но и в определённом образе жизни, связанном с его национальной и цивилизационной идентичностью. Это производство таких товаров и услуг, которые подчиняются не глобалистским жизненным стандартам, а стремлению к *своему* — в одежде, обустройстве дома, кухне, культурной продукции, туризме и отдыхе. Основную часть добавленной стоимости тут создаёт идентичность в сочетании с высоким качеством.

Сегодня в России такая экономика образа жизни почти не развита, поскольку истребление

собственно русского образа жизни, замена его чужеземными образцами началась ещё задолго до индустриальной эпохи. Сегодня Россия может себе позволить мощный рывок к *своему* именно в сфере образа жизни и качества жизни. Идут интенсивные поиски в области русской кухни. По крайней мере сформулирован впервые со славянофильской эпохи отчётливый запрос на возвращение к национальному стилю в одежде. Конфликт с Западом провоцирует постановку вопроса о качественном внутреннем туризме. В обществе нарастает разочарование бетонными коробками, которыми замусоривают наши города компании-застройщики, и возникает желание увидеть современную модификацию традиционного русского дома.

Последнее обстоятельство, кстати, даже вопреки воле властей вскоре развернёт направление градостроительной политики — вместо того чтобы расти ввысь, города начнут расти вширь. Густонаселённые районы России будут превращаться в сквозные жилые массивы, сочетание городских жилых комплексов, дач, пригородных домов и усадеб, на которые как на высший стандарт будут ориентироваться все остальные категории. Русские расселятся гораздо более свободно и естественно, среди лесных, речных и холмистых ландшафтов, возродив структуру малых и средних деревень на новом уровне. Этот образ жизни потребует развитого автомобильного и пригородного железнодорожного сообщения, совершенно другой степени насыщенности магазинами и учреждениями культуры, увеличатся требования к всё больше сжимающейся сейчас службе «скорой помощи». Подобный образ жизни потребует и разработки новых, подходящих к нему образцов автомобилей — хорошо проходимых, вместимых, дающих владельцам высокую степень автономности от городской инфраструктуры.

Такой новый образ жизни, связанный с обретением национального стиля, потребует радикального культурно-цивилизационного преобразования Центральной России. Она должна из нынешней полупустыни, преображающейся лишь к столице, превратиться в комфортное и эстетически прекрасное музейно-парковое пространство с кремлями, соборами, монастырями, историческими улочками, старинными усадьбами. Она должна дарить такую же радость уютной и прибранной, достойной человека жизни, какую дарит опорный регион Европы от Центральной и Северной Италии через Западную Германию и Восточную Францию до Бенилюкса. Аналогичное пространство в России от Новго-

рода до Орла и Чернигова, Бреста и Смоленска до Казани должно сформироваться и в России. А затем к нему должны прибавляться и другие столь же уютно обустроенные пространства на северо-западе России (Серебряное кольцо), на юге России — по черноморскому и Азовскому побережьям, по Дону и Волге, на Урале, в Сибири. С поводами для инсинуаций об унылой, однообразной и веющей безысходностью России должно быть покончено раз и навсегда.

Ещё одна черта будущей России — это её транспортное сжатие, которое, несмотря на огромность территории, позволит воспринимать её как единое жизненное пространство, доступное для удобных и быстрых перемещений. С одной стороны, мы можем представить себе развитие новых железнодорожных технологий, которые позволят связать Москву и Владивосток Гипертрансблком, который будет проезжаться поездом за сутки. Ещё более плотной в этом смысле станет связанность большинства регионов Европейской части России. По мере экономического роста и выхода на новые технологические горизонты мы вправе ожидать и развития авиасообщений в России, так что они приобретут дешёвый, постоянный и регулярный характер, особенно если удастся создать единую надёжную систему безопасности, эффективно блокирующую террористические угрозы и предупреждающую технические сбои.

В геополитическом отношении будущая Россия видится нам обернувшейся к Арктическому океану. Его освобождение ото льда скоро дойдёт до такой степени, что из ледовой преграды он обратится в надёжную и кратчайшую связь между западным и восточным полушариями, в новый внутренний океан, приходящий на смену Атлантике и куда более перспективный, чем слишком уж необъятный Тихий. Впечатляющи позиции России на этом океане, ставшем, как и Сибирь, нашей долгоиграющей ставкой. Отрезанная доселе от прямых океанских выходов, разделённая с востока на запад отсутствием сквозных океанских путей, Россия внезапно предстаёт перед миром едва ли не как **владычица океанов**. Во всяком случае, западные стратеги уже готовятся к такому положению и переосмысливают основы маккиндеровской геополитики, базирующейся на тезисе, что русский «Хартленд» — это континентальное пространство, отрезанное от моря.

С одной стороны, это открывает для России неисчислимые перспективы великой океанской державы. С другой — ставит вопрос об угрозах для колоссального русского побережья, дотоле

обороняемого льдом, теперь же оставленного на оборону нам самим. Отсюда понятно, что Россия не сможет больше позволить себе флотофобию и континентальную успокоенность. Мы будем нуждаться и в сильном флоте, и в напряжённой глобальной стратегии, которая утверждала бы те преимущества, которые дарует нам новая геополитическая позиция.

Таков парадокс. В логике хронополитики призванная к самоосвоению и самопостижению, к сосредоточенной опоре на свою идентичность, в логике геополитики Россия предстанет перед колоссальным глобальным вызовом, дающим характерный для морских держав импульс к напряжённому развитию. Каков будет тот синтез, который России суждено получить из такого парадоксального сочетания в своей жизни консервативного и динамического начал? В этом и состоит, пожалуй, главная тайна русской реставрации будущего.

/ Сергей ПЕРЕСЛЕГИН /

Русская цивилизация: работа над ошибками

*Какой путь нужно пройти России,
чтобы предъявить мощную глобальную альтернативу*

В России предполагаются выборы. Само собой разумеется, что в нашей стране это отнюдь не повод для смены политического курса или правящей элиты. Зато — возможность оглянуться на пройденный путь и, может быть, сделать какие-то выводы.

Принятый летом 2014 года 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» по сей день остаётся лучшим в мире, в последний год его, кажется, в отдельных регионах и ведомствах начали выполнять. Принято считать, что все российские стратегии остаются на бумаге, но в действительности это не так. Государственная бюрократия работает медленно и печально, но она всегда выполняет функционал. Иными словами, принятая стратегия постепенно реализуется, пусть и не оптимальным образом.

Лучшее доказательство тому — российская военная промышленность. Уж на что были слабо проработаны военные реформы, уж на что неадекватной была построенная на идеях этих реформ стратегия, но за пять лет её реализации мы перестали «пить за российский флот стоя и не чокаясь», авиация стала не только иногда взлетать с аэродромов, но и по первому требованию политического руководства находить и уничтожать хорошо защищённые цели, а применение с каспийских катеров и корветов «калибров», в действительности устаревших, заставило Запад вновь заговорить о «ракетном отставании» и обратить самое пристальное внимание на испытания «цирконов».

Стратегия, поступившая на «вход» такой мощной, хотя и неуклюжей системы, как российский государственный аппарат, обязательно будет реализована. Это может случиться раньше или позже, с большими или меньшими издержками, исполнение стратегии может не дать ожидаемого эффекта, поскольку изменилось пространство стратегирования (например, противник исполнил свой план быстрее и лучше, что создало совершенно новую об-

становку и обесценило полученные нами результаты), но в любом случае произойдёт движение вперёд, и цели, поставленные перед стратегией, будут достигнуты.

Стратегия способна реализовывать цели, но она не может их ставить. И в отношении будущего России самый важный вопрос сейчас — чего можно хотеть?

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Историю России после распада СССР можно грубо разделить на четыре периода: 1990-е годы, нерезидентное управление (оккупация, «англо-саксонское иго»), разрушение советской системы хозяйствования, фактическая ликвидация флота, авиации, сухопутных сил, деградация культуры, разрушение материально-технической базы науки, уничтожение образования. Этап «первоначального накопления» и создания олигархии. Появление новых русских. Массовый вывоз ценностей за пределы страны. Бандитизм, мёртвое нормативно-правовое пространство. Дефолт.

Всё перечисленное — нормальное следствие сокрушительного поражения страны в третьей мировой (холодной) войне. Достоинно удивления и восхищения, что в эти годы удалось как-то сохранить ядерное оружие и ракетные войска стратегического назначения, пусть весьма относительную, но всё-таки автономность банковской системы и собственное книгоиздание. В отличие от кино, которое целиком перешло на показ голливудских лент, российская литература осталась национальной, и даже в худшие годы не менее половины выходящих в стране книг принадлежали русским, советским и российским авторам.

2000–2008 годы, «золотой век». Частичная замена во власти компрадорской олигархии на патриотическую. Высокие цены на нефть. Быстрый, хотя и скорее формальный экономический рост. Восстановление нормативно-правовой системы, наведение

относительного порядка в финансах. Некоторое оздоровление армии, впервые положительно проявившей себя в осетинском кризисе 2008 года.

2008–2014 годы. Предкризисные годы. Чёткое понимание руководством страны, что мир вступил в этап кризиса глобализации. Россия слегка «отстраивается» от глобальных трендов, отнюдь не теряя связей с США и ЕС. В стране происходит реформирование армии, начинается восстановление флота и авиации. Нагнать потерянное за 20 лет очень трудно, но что-то полезное в этом направлении делается.

В этот период начинается, пока скорее «теоретическое», закручивание гаек, то есть насыщение нормативного пространства запрещающими и ограничивающими законами. Уровень экономической и политической свободы в стране падает, происходит ощутимый поворот внутренней политики в сторону «советского проекта», понимаемого очень примитивно.

Правительство ведёт борьбу с коррупцией, что в условиях России никогда не приводит к успеху и всегда — не к добру. Оппозиция на пустом месте устраивает в стране беспорядки и обвиняет власть в подтасовке результатов выборов. Она делает это настолько глупо и бесполезно, что возникает устойчивое ощущение проплаченной «сверху» политической провокации. Действительно, после митингов оппозиции легко проходят несколько весьма сомнительных с точки зрения долгосрочных интересов страны «запрещающих законов».

В 2014 году начинается мировой кризис: военный, политический и экономический. Режим глобализации де-факто прекращает своё существование. Искусственно дешёвая нефть, санкции и контрсанкции. Ситуация — и внутри страны, и за рубежом настолько сложная, что руководству РФ не до стратегии: всё время уходит на решение постоянно возникающих тактических проблем. По инерции продолжается

Кризисы в России традиционно носят долговременный характер, но к следующему президентскому сроку, к 2018 году, нужно уже хотя бы в общих чертах представлять, каким будет следующий шаг развития. Какие цели президент РФ должен поставить перед стратегирующими инстанциями страны? Или он будет последним президентом?

прежняя политика застройки правового пространства, хотя это уже начинает прямо вредить задачам импортозамещения, создания инновационной экономики и реформы вооружённых сил.

Растёт влияние РПЦ. В российской внутренней политике возникает дуализм «византийского» и «советского» сценариев, причём оба они обращены в прошлое и, следовательно, бесперспективны.

Кризисы в России традиционно носят долговременный характер, но к следующему президентскому сроку, к 2018 году, нужно уже хотя бы в общих чертах представлять, каким будет следующий шаг развития. Какие цели президент РФ должен поставить перед стратегирующими инстанциями страны? Или он будет последним президентом?

ВЫЗОВ «ПОВТОРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

Уже говорилось, что международный политический режим, обозначенный как глобализация, прекратил своё существование. Но пока что речь идёт не о «глобализации вообще», а о «глобализации по-клинтоновски», имея в виду и Билла, и Хиллари, то есть об управлении миром из единого центра.

Этот политический проект оказался несостоятельным. Причинами его неудачи стали сложность и разнообразие мира, различие локальных культурных кодов, эстетических и ценностных ориентиров, неадекватность брюссельско-вашингтонской финансовой системы, не-

возможность корректно использовать её в качестве «мировых денег», неэффективность международного права и соответствующих мировых институтов.

Прежде всего, произошла информационная перегрузка системы глобального управления, вследствие чего в канале управления возник фазовый сдвиг. Сильнее всего это проявилось в Европейском союзе, где тактическое управленческое звено просто отсутствовало, а гротескная «брюссельская демократия» с её обязательным переводом всех документов на все языки содружества с неукоснительным их обсуждением приводило к тому, что проблемы обсуждались годами, а решения не принимались вообще.

Затем стала возникать неустойчивость глобальных рынков, в первую очередь финансового, что привело к экономическим кризисам 2008 и 2013 годов. На таком фоне нарастало военно-политическое напряжение — не в последнюю очередь из-за желания «подкрутить» экономику через рост производства вооружений. Со временем это вылилось в потерю стабильности на Ближнем Востоке (Сирия, Катар), рост рисков в Центральной Азии, смену политической элиты в США, кризис в Европейском союзе с выходом Британии из ЕС.

Отдельной строкой следует упомянуть нарастание политической напряжённости и военных рисков в Европе и возврат к холодной войне.

Дальнейшие попытки управлять миром из одного центра могли привести только к *инверсии геоэкономической ренты*, когда глобальные лидеры

начинают платить периферии за обеспечение относительной стабильности, что, конечно, не могло устроить бенефициаров глобализации.

Поэтому в 2013–2014 гг. и начался переход от глобального мира к постглобальному. Но, как обычно, мировые элиты попытались обойтись минимумом изменений, сохранив всё возможное из прежней политики.

Повторная глобализация — это, конечно, политическая регионализация с частичным возвратом мира к блоковой структуре. Предполагается, что такая структура обеспечит восстановление механизмов взимания геоэкономических рент, хотя бы и через войну. При этом *глокализация* мыслится и проектируется как *региональный мир с глобальными рынками и болонским образованием*. Более того, политика регионализации предполагает размонтирование ряда государств с переходом их территорий под прямой контроль региональных мегакорпораций. И речь идёт не только об Украине, но и, например, об Испании, вероятно, в ближайшей перспективе Греции и Италии.

Валютный дуализм остаётся, однако доллар и евро «разбавляются» юанем и, что намного существеннее, криптовалютами. Криптовалюты появляются в мире, где, во-первых, ограничена, если прямо не запрещена, национальная эмиссия, а во-вторых, режим санкций и менеджерские представления об экономической целесообразности резко ограничивают доступ промышленных предприятий к дешёвым кредитам.

«Повторная глобализация» очень нуждается в деньгах, никаких свободных денег, кроме миноритарных, в мире сейчас нет, а криптовалюты позволяют их извлечь, одновременно ослабив национальные денежные системы. Возникают «деньги сообществ», неизбежна мировая биржа, их котирующая. Такая биржа сможет играть на курсах локальных криптовалют, обесценивая их по мере надобности. Возникает сразу два новых финансовых механизма: *абсорбция миноритарных денег*, то есть

тотальный грабёж всего населения мира, и *финансовая ликвидация критических производств* потенциального противника или конкурента через обесценивание их локальной криптовалюты.

Безоговорочно сохраняется глобальный характер мировой науки и мировой культуры. Тем самым воспроизводится механизм международного разделения труда в науке, при котором **тот, кто «держит» всё поле НИРов, оказывается сборщиком и бенефициаром всех мировых научных исследований, обеспечивая собственную безопасность за счёт остальных стран.**

Остаются «общество потребления», демократия и либерализм как «общечеловеческие ценности» и страховка бенефициаров глобализации от нарушения «правил игры» Китаем, Индией, Ираном или Россией. Либерально-демократические режимы не способны на серьёзные и долговременные усилия, сопровождаемые снижением уровня жизни, на создание национальной проектности.

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ПОВТОРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Дилемма «глобализм или изоляционизм» более чем актуальна в России. И речь идёт не о Крыме, Донцке, Украине или «политике санкций» в целом. Регионализация предполагает блоковую систему, блоки рожают конфронтацию, конфликты приходится решать или войной, или санкциями. Это теперь — часть правил игры. России определена в этой игре роль «паршивой овцы», не особенно почётная, но, во-первых, необходимая, а во-вторых, это всё-таки явное повышение статуса по сравнению с амплуа подручного палача, которую Россия исполняла более или менее добровольно в иракской и ливийской войнах.

Базовым вопросом, с ответом на который России придётся определяться не позднее 2018 года, является вопрос об образе будущего или, что тоже самое, о приемлемых форматах мироустройства.

Ответов, в сущности, только два: **вхождение в повторную глобализацию** (может быть, на каких-то особых условиях) **или исключение из мирового сообщества.**

Глобализация предполагает наличие общего для всех вектора развития. Этот вектор в обязательном порядке включает в себя рыночные отношения, в том числе и образовательный рынок, а потому Болонскую образовательную систему, современную формальную представительскую демократию, концепцию «устойчивого развития» и охраны природы (что, конечно, странно сочетается с технологическим развитием, «сингулярностью» и «трансгуманизмом», но это уже никого не волнует), идею всеоб-

щего правового пространства. Желателен и некоторый либерализм, хотя безоглядной поддержкой секс-меньшинств Запад должен будет пожертвовать. А вот пожертвовать секуляризмом не представляется возможным, поскольку он является идеологической основой «общества потребления».

В этом образе Будущего достаточно много привлекательного. Как бы то ни было, глобализация предполагает прогресс, комфортное существование и попытки создать некую общность, которую при некотором старании можно будет отождествить с Человечеством. Правда, получается исключительно потребляющее человечество, притом с многочисленными категориями изгоев.

Тем не менее «множество страшно», и, выступая за культурный изоляционизм с обязательным последующим исключением страны из числа «нормальных государств», желательно иметь для этого какие-то онтологические основания. То есть **нужен образ Будущего, которое было бы лучше глобального**, хотя бы только с российской точки зрения.

Увы, на сегодня Россия не имеет собственной картины мира. Её правительство следует западным интеллектуальным конструктам — лучшие доказательства этому Закон о здоровом образе жизни, Индекс запрещенных интернет-ресурсов и Закон об анонимайзерах. Патриоты и хозяйственники восстанавливают советские поведенческие паттерны, но без советской идеологии, что выглядит и странно, и жалко. Либералы и оппозиционеры, похоже, вообще не имеют позиции, если не считать таковой молитву: «Делай что хочешь, но избавь нас от Путина».

И наконец, поучительно наблюдать, насколько все-таки слабой мыслеконструкцией является «борьба с коррупцией», если она одинаково устраивает и правительство, и непримиримую оппозицию...

В XX столетии в России были созданы три более или менее связанные онтологемы, претендующие на всеобщность и выходящие за пределы западного мейнстрима: **космизм, ноосферный подход, русский марксизм**. К концу 1960-х годов эти картины мира начали увязываться в то, что следовало бы назвать «советской мечтой».

Первый серьёзный удар по этой мечте был нанесён безжизненностью Венеры и Марса, огромностью и пустотой Вселенной. Второй — проигрышем «Лунной гонки». Последний — распадом СССР.

«Советская мечта» если и не совсем умерла, то влачит жалкое существование. Ее не видно даже в современной российской фантастике, она так и осталась в литературе шестидесятых.

«Русская мечта» не родилась, и, наверное, не может родиться. Здесь само прилагательное «русская» опускает планку мышления. Советский Союз, хорошо или плохо, работал с масштабами Земли, Человечества, Вселенной задолго до того, как в обиходе Запада появилось слово «глобализация». И в этом отношении любые локальные проективности, тем более с национальным уклоном, могут быть только временной мерой. Работой над ошибками.

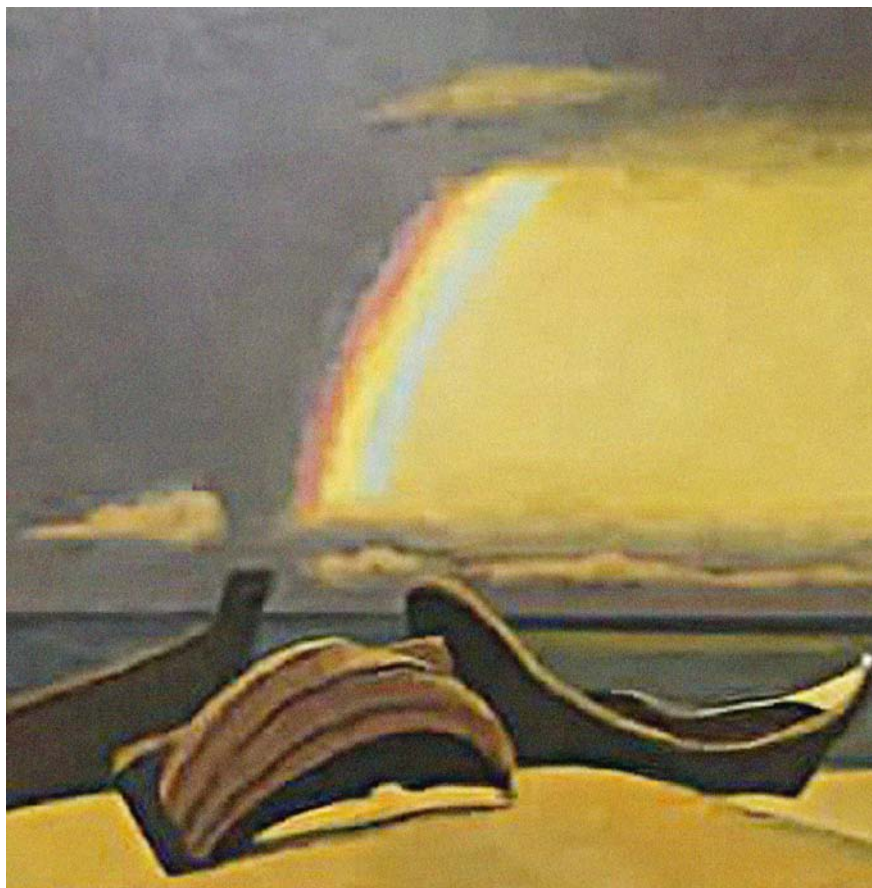
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПАУЗА

Россия сейчас находится в сложном положении.

В действительности она не может принять отведённое ей место в «проекте западного постмодерна». Это не отвечает российским культурным кодам, отказаться от которых страна не может, раз уже эти коды пережили и революцию 1917-го, и военно-политическую катастрофу 1991-го. Это ещё и бесперспективно: новая версия глобализации обладает всеми пороками старой, а исход её будет даже более плачевен.

Но изоляционистская стратегия была бы губительна. Начнём с того, что в мировых войнах она погубила и Германию, и Советский Союз. А по сравнению со временами СССР ситуация в сегодняшней России намного хуже. У страны нет собственного отношения к мировым проблемам, нет и своего собственного глобального будущего. В этой ситуации ей доступен только локальный уровень стратегирования, а он всегда «бьётся» любой из глобальных «карт».

Напрашивается естественный и простой план — взять стратегическую паузу, перейти к политической обороне, «игре вторым номером». Формально присоединиться к мейнстриму в предлагаемой нам позиции полуизгоя, то есть развивать собственное региональное проектирование. Имея в виду не столько даже получение выгоды на данном шаге развития, сколько создание возможности следующего шага.

ПРОГРАММА-МИНИМУМ, ИЛИ «ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ИГРА»

Сунь-цзы сказал: «В древности тот, кто хорошо сражался, прежде всего делал себя непобедимым и в таком состоянии выжидал, когда можно будет победить противника».

Россия сегодня не имеет возможности ни навязывать, ни даже предлагать другим тот или иной образ жизни, мысли и деятельности. И с военной, и с экономической позиции она уступает своим оппонентам — такова цена потерянных лет и катастрофы 1990-х годов. Кроме того, как уже говорилось, собственного российского Будущего пока просто нет, а то, что есть, является не более чем отрицанием предлагаемых из-за рубежа паттернов без всякого позитивного содержания. Нужно понять, наконец, что борьбой с сексуальными перверсиями являются не законы, запрещающие гей-пропаганду, а рождение детей и создание крепких семей, а борьбой с «обществом потребления» — продуцирование новых, а лучше иных смыслов, вернее, нежели западные, отвечающих современным угрозам и вызовам.

Западное мышление не в состоянии работать с границами и пределами, в частности, с *пределом человеческого*, что обещает тяжелейший кризис при неизбежном столкновении общества с трансгуманистическим движением. Западное мышление не понимает и не принимает Целого, оно, в сущности, внеонтологично и даже, по «ихнему» М. Хайдеггеру, внебытийно. Теперь это называется постмодерном и выдаётся за преодоление мифологического прошлого цивилизации.

Западное мышление не различает вероятность и возможность, вернее полагает, что всё многообразие и вариативность миров может быть сведено к математической статистике. Оно работает с развитием, но редуцирует его, что регулярно рождает чудовищ вроде «конца истории», «устойчивого развития», «технологической син-

Нужно понять, наконец, что борьбой с сексуальными перверсиями являются не законы, запрещающие гей-пропаганду, а рождение детей и создание крепких семей, а борьбой с «обществом потребления» — продуцирование новых, а лучше иных смыслов, вернее, нежели западные, отвечающих современным угрозам и вызовам.

гулярности» или «вечных законов рынка».

Наконец, западное мышление абсолютно безжалостно. «Вечные законы рынка» вкуче с очевидной тенденцией к стагнации мировой экономики с последующей депрессией потребовали роботизации производства. На следующем шаге развития это приводит к **абсолютной безработице** (по моим расчётам, из 8 миллиардов населения в двадцатилетней перспективе сохранят работу не более 100 миллионов, причём это — «оценка сверху»). Какой-то части «золотого миллиарда» будут платить приличное пособие, какую-то займут протезом деятельности в форме игр и иного «креатива», остальных накормят, но всех лишат настоящего человеческого труда и смысла существования. Будущее — для очень немногих избранных.

Понятно, что как результат мы получим в той же среднесрочной перспективе не «конец истории» в форме «сингулярности» или «устойчивого развития», а социальную катастрофу немыслимого масштаба. Нил Стивенсон в прогностическом романе «Анафем» назвал это «ужасными событиями», кровавым завершением «эпохи праксиса».

Россия могла бы предложить свой взгляд на эти — и другие — проблемы, но пока что у неё нет самостоятельной позиции. Стратегическая пауза и нужна, чтобы такая позиция смогла появиться. В этой ситуации программа-минимум вполне очевидна, и её первый шаг — обеспечение военной, экономической, политической, концептуальной безопасности страны, преодоление онтологической, инфраструктурной, технологической недостаточности РФ.

Мы не можем позволить себе отстать от Запада в переходе к новому, шестому технологическому укладу. Поэтому — роботизация, аддитивные технологии, замкнутые циклы в производстве, рефлексивное управление. Поэтому 172-ФЗ должен начать работать повсеместно. Поэтому нужна частичная замена элит.

Во внешнеполитической области у нас нет никакой вменяемой проектности, кроме Евразийского союза. Сейчас это консенсус российского руководства, но единство позиций обуславливается, главным образом, тем, что реального представления о формате такого Союза ни у кого нет, поэтому под ним можно понимать всё что угодно.

Существует несколько возможных версий интеграции, например, «Прикаспийский союз», «РИИК» (Россия, Иран, Индия, Китай), «Ираноязычная Ойкумена», «Тихоокеанский союз» (Россия, Китай, Корея, Вьетнам, Филиппины, Индонезия) и т.д.

Политическая структура чрезвычайно важна, она, в частности, определяет экономико-хозяйственную и валютно-финансовую модель его функционирования. Но гораздо более значим вопрос о логике интеграционных процессов.

В рамках геополитики ЕАС — это, прежде всего, военный блок, противостоящий не только НАТО, но и весьма вероятному при таком развитии событий СЕНТО (The Central Treaty Organization) или его аналогу. В таком ЕАС Россия должна занять главенствующие позиции, что потребует модернизации ядерных сил и создания флота, превосходящего ВМС Китая.

В геоэкономическом подходе речь пойдёт об инфраструктурной модернизации Евразийского супер-континента, причём Россия должна предложить широтные транспортные коридоры СевМорПути, Транссиба и БАМа и меридиональные коридоры вдоль великих континентальных рек. Здесь, кроме военного содержания, значимо экономическое: потребуется обязательное развитие Русского Севера (Россия — не восток Европы, а север Евразии) и, по возможности, Дальнего Востока.

Здесь надлежит заметить, что *в условиях кризиса индустриальной фазы развития размеры страны вновь стали положительным стратегическим фактором.*

В действительности, этого недостаточно. Геоэкономический ЕАС требует серьёзных вложений в геологию и географию. Если Китай начал строить мосты через моря и создал лучшие в мире железные дороги, Россия должна ответить глубоким пониманием развития геосферы. Это — теоретическая геология, это — изучение макроскопических квантовых эффектов, связанных с магнитным полем Земли и движением литосферных плит (то есть революция в геофизике). Это — физическая и экономическая география. Это — астрономия, которая понимается как предел географии.

Понятно, что и образовательная система должна коренным образом измениться. Странам ЕАС придётся создавать собственный образовательный канон, геопланетарный. Россия имеет сравнительно недавний опыт создания советского канона, что должно рассматриваться как конкурентное преимущество.

Наконец, геокультурный подход к ЕАС предполагает, что Россия, в отличие от стран Европейского союза, действительно может работать с мультикультурализмом. Было бы неплохо, если бы повторилась история первого спутника: *«90% разговоров принадлежало Западу, а оказалось, что 100% дела было выполнено русскими».*

Геокультурный подход возможен только на основе техники работы с множественными картинами мира (метаонтологиями), где у нас уже есть некоторые наработки. Заметим, что такой Евразийский союз позволяет, во-первых, получать геокультурную ренту, то есть разнобразие образов жизни, мысли и деятельности, а во-вторых, может стать образовательной и деятельностной базой для создания формата мышления, более сильного, нежели западное. А это уже — близко к «русской мечте».

В любом случае наша «обязательная Игра», оборонительная по своей сути стратегия предполагает стремление к привычным российским ценностям: развитие страны, механизм легитимизации власти через реализацию национальных проектов, традиционная семья, сложный труд, соотнесение себя с Целым, под которым может пониматься Господь, Вселенная, народ (страна).

Здесь только сложный труд и соотнесение с Целым выходят за рамки западного мышления. Но, возможно, различие носит принципиальный характер.

Россия — страна со сложившимися традициями политической и экономической централизации, с жёсткой иерархией, в основе которой находится служение, прежде всего, Господу, а затем — своей стране и народу. В ней высоко ценится сложный уникальный труд. Значим национальный успех в форме успешной войны, присоединения территории, реализации уникального, не имеющего аналогов в мире проекта. Демократические и либеральные традиции отсутствуют, но имеется богатый опыт реформирования страны сверху.

В рамках программы-минимум миссия страны, место её в макрорегиональной и страновой экономике определяется как высокотехнологичная система транспортных коридоров и интермодальных узлов, поставщика углеводородов, минеральных удобрений, леса, продуктов переработки углеводородов и древесины.

В перспективе — страна-лидер в области перехода к цивилизации медиа- и постнауки.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ШАГ: ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО

Мы вполне понимаем сегодня, что такое постнаука.

Вслед за схоластикой (изучение Творца через Откровение) и натур-философией (изучение Творца через Творение) мы приступаем к изучению процесса Творения. Приходим к пониманию границ, отделяющих Живое от Неживого и Разумное от Неразумного. Разбираемся в соотношениях форм и инструментов мышления. Учимся работать не с вероятностями, но с возможностями, определяем границы статистического подхода. Уясняем содержание неопределённости. Учимся применять антропный принцип и принцип избыточности в практической жизни, и прежде всего, в отношении труда.

Для этого нужно задействовать в мышлении не только линию Аристотеля, но и гораздо более слабо проявленные на Западе линии Сократа и Платона. Платонизм, конечно, тесно связан с православием, но для меня весьма неочевидно, что РПЦ когда-либо сможет научиться работать с мышлением Платона — хотя бы на том (совершенно недостаточном, на мой взгляд) уровне, на котором католицизм работает с логикой Аристотеля.

Понятно, что можем лишь созидать, верить, ждать и надеяться на первые успехи.

Аристотель не смог решить проблему кризиса античной цивилизации. Она была решена много позже, в совершенно другой исторической обстановке, на основе синтеза его логики с восточной эзотерикой и христианской картиной мира.

Может быть, метаонтологический подход позволит соединить «советскую мечту», постбэконовское, постнаучное мышление, сложный труд, российское православие и современные восточные интеллектуальные

паттерны. Мы не знаем, как и когда это произойдёт. Но мы ожидаем интеллектуальной революции в России и готовим её приход.

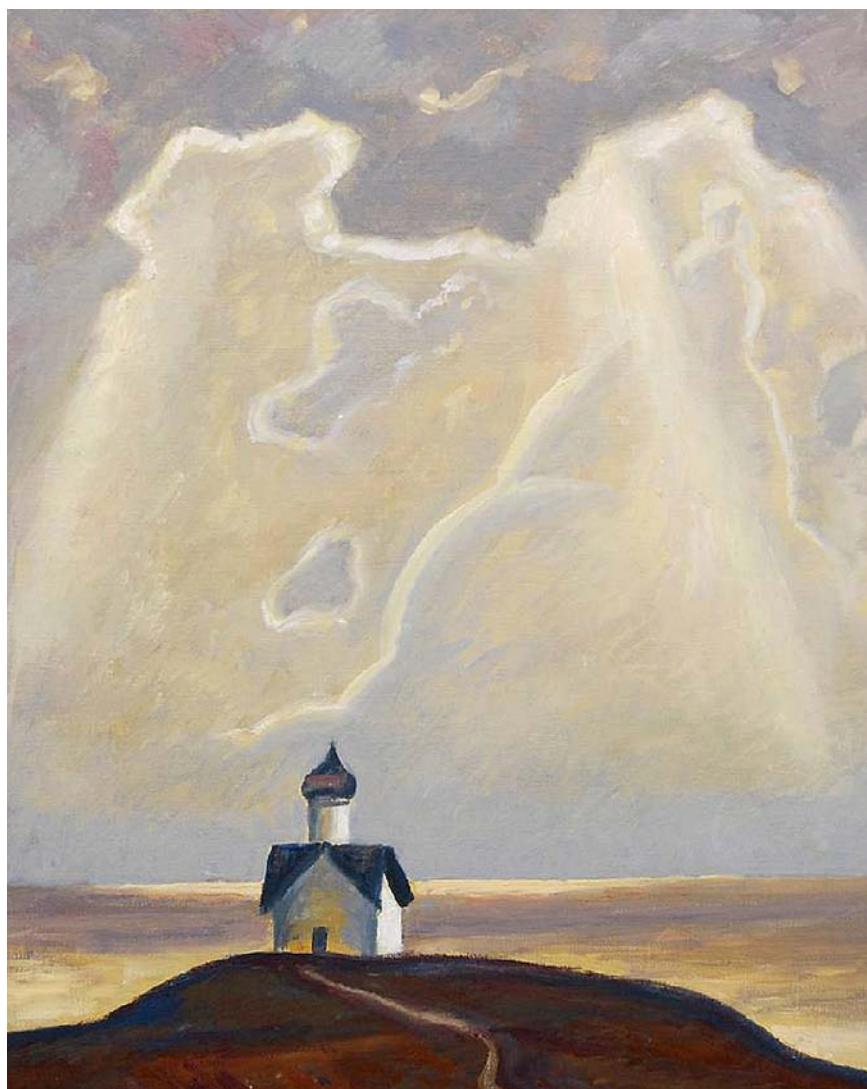
Значит, необходим выход за пределы программы-минимум, тем более что об этом уже говорит политическое руководство страны, а РФ — страна с сильными монархическими принципами, и то, что указано руководством, у нас принято выполнять.

А президент и премьер-министр заговорили о «цифровой экономике» и «цифровом обществе».

Здесь нас интересует, прежде всего, цифровое право и цифровая наука.

В роботизированном мире право меняется, и изменения носят стратегический характер. В течение всей человеческой истории право было «возведённой в закон волей правящего класса», оно регулировало отношения между субъектами. Но робот не различает субъекта и объект, он сам — объект, и для него весь мир представляет собой совокупность объектов с некоторыми свойствами, часть из которых является атрибутивными, а часть функциональными, и связей между ними. Право, таким образом, описывает пространство допустимых связей между объектами. Оно не просто оцифровывается, оно приобретает почти математический характер. Можно рассматривать право в логике целевой функции: какие ограничения должны быть наложены на взаимодействие объектов социального пространства, чтобы реализовать максимум некоторого параметра — например, уровня или качества жизни, или темпа развития, или Спасения души.

Таким же образом цифровая наука выходит за пределы бэконовского и, отчасти, аристотелевского подхода (и в этом отношении мы можем рассматривать её как промежуточный шаг к постнауке). Россия может стать инициатором и одним из лидеров перехода от использования больших и сверхбольших массивов данных (BigData) к высокоструктурированным обозримым массивам данных (DeepData).

На основе технологии DeepData с использованием аналитических систем с искусственным интеллектом в РФ может быть создана современная высокотехнологичная система управления научными исследованиями, выполнена оцифровка результатов научных исследований и перевод научных публикаций в безбумажную форму. Уже на этой стадии (краткосрочная перспектива 2,5 года — 7 лет) выполнение ряда научных исследований, предполагающих исключительную или преимущественную работу с массивами данных, будет полностью автоматизировано. Учёным останется их настоящая работа: думать и делать открытия.

Итак, промежуточная, среднесрочная стратегия России должна

быть построена на двух базовых принципах: тотальная оцифровка и снятие нормативно-правовых барьеров развития, что предполагает «дефолт» современного права и переход к цифровой юриспруденции. Стратегический маневр осуществляется, прежде всего, в концептуальном пространстве, то есть в первую очередь Россия возвращается на рынок Будущего и рынок сложных смыслов, понимая при этом, что речь идёт не о «посеве», а о «подготовке почвы для посева» (А. и Б. Стругацкие).

Россия отказывается от следования западным концепциям глобализации и менеджмента и выстраивает собственные интегративные пространства — образовательное, инфраструктурное и промышленное.

Будущее как ВОЗМЕЗДИЕ

*Беседа Александра ПРОХАНОВА
с Максимом КАЛАШНИКОВЫМ*

Александр ПРОХАНОВ: Максим, ты один из немногих, а может, единственный футуролог в наше время, то есть человек, который формулирует будущее, подходит к нему с разных сторон, творит его, терпит поражение, опять творит. А будущее — оно неуклонно вырастает из настоящего, или оно рождается в голове провидцев, является открытием и, будучи таковым, подтягивает к себе унылое настоящее?

Максим КАЛАШНИКОВ: Скорее, Александр Андреевич, будущее рождается в голове немногих фанатиков. Одни это будущее придумывают, как правило, воображают. Они смотрят на настоящее, но видят в нём ростки будущего. А вторые его делают. Просто человек берёт и делает, невзирая на то, есть запрос рынка или нет. Рынок, как правило, близорук. Если бы мы шли за рынком, до сих пор бы ездили в каретах. Но человек-творец, допустим, знает, что нужно перемещение в пространстве — быстрое, удобное, безопасное. И он вместо кареты создаёт железную дорогу, автомобиль. Вот такие мечтатели, с одной стороны, а с другой стороны — творцы-демиурги и создают будущее. А затем все начинают подтягиваться к ним. Создаётся некая прорывная новация, она начинает менять мир, и все остальные тянутся за ней. Вот как, с моей точки зрения, создаётся будущее. И если ты не создаёшь будущее, за тебя его создадут. И ты окажешься в мире, сформированном другими. Почему я с пеной у рта, заработав столько клейм, продолжаю воевать? Русские должны сами создавать своё будущее, иначе ты окажешься в чужом, где ты на подчинённом положении. К сожалению, пока у нас Российская Федерация обращена в прошлое, а не в будущее.

А. П.: А если настоящее остановилось, а ментальное будущее, которое рождено в сознании творцов-демиургов, от него удаляется и этот разрыв увеличивается, то как настигается будущее настоящим? Что это за рывок? Это революция? Каждый раз приходится это отставание, эту пропасть преодолевать через взрыв?

М. К.: Либо через взрыв... Но я бы выразился иначе. Если ты свою страну консервируешь в некотором настоящем, если всё превращаешь в вечный мемориал, в воспоминания о былом, но не трогаешь настоящее, его законсервировал, будущее, как правило, тебя наказывает. Наказание приходит в виде поражения, как правило, военного. Правда, сейчас эта реальность не-

Сейчас хозяева Запада создают мир, где РФ как поставщик сырья практически не нужна. Они создают новые, очень экономные способы организации производства. Та же 3D-печать, я по-старому называю — стереопечать. Все эти экономтехнологии: новая энергетика, экономное производство, где не нужны большие запасы сырья.

сколько размыта. Всё-таки ядерное ракетное оружие создало некий предохранитель. Раньше наказание за отставание, что ты законсервировался и не создаёшь будущее, следовало очень быстро. Оно приходило в виде ревущих бомбардировщиков «Савойя-Маркетти» (Savoia-Marchetti). Сейчас это немножко иначе. Некий «ядерный хранитель мира», который остался от империи Советского Союза, сейчас РФ защищает. Прямой военной угрозы для нас нет, они не нападут на нас. Несмотря на всю истерию, которая сейчас надувается, я не верю, что США совершат нападение. Побоятся. У них нет средств быстро нейтрализовать наш ракетно-ядерный арсенал. Они могут нанести поражение на другом фронте, что и делают. Это будет не военное поражение, а поражение в экономике, в научно-технологической сфере. Сейчас хозяева Запада создают мир, где РФ как поставщик сырья практически не нужна. Они создают новые, очень экономные способы организации производства. Та же 3D-печать, я по-старому называю — стереопечать. Все эти экономтехнологии: новая энергетика, экономное производство, где не нужны большие запасы сырья.

Например, что такое стереопечать? Снижается потребность в материалах. Легирующие добавки из нанотрубок — это новые материалы. Ты легируешь этими нанотрубками цемент, алюминий, сталь. Получаются гораздо более прочные и долговечные материалы, и они тоньше, их нужно меньше на пролёты мостов, например. Это всё снижает потребность в сырье и энергии, потребность в нефти. А корпорация «Локхид Мартин» (Lockheed Martin) в 2019 году обещает показать первый компактный термоядерный реактор. Это компактный реактор с авиационным двигателем, большой, по советскому сценарию. И это будет гвоздь в гроб так называемой энергетической сверхдержавы, по сути дела, сырьевого придатка.

То есть поражение может последовать в виде экономического краха, и они нам эту ловушку сейчас строят. Тогда придётся столкнуться с дилеммой: либо разваливаться, либо рывком догонять. К сожалению, времени много упущено.

А. П.: Думаю, догонять придётся большим числом жертв. Догнать можно, но всё это будет мучительнее и, может быть, страшнее. Этот рывок не заложен в сегодняшнее общественное сознание, в сознание элиты, в сознание руководителей, но он необходим. Будущего не избежать. Оно придёт к нам как возмездие. А что инициирует этот рывок, где этот вихрь зарождается в сегодняшнем российском обществе?

М. К.: Этот вихрь сейчас зарождается в некоторых, по сути, маргинальных слоях. Они не входят в мейнстрим. Трагедия нынешней РФ заключается в том, что правящей элите не нужен никакой рывок. Они живут в уютном для себя мире. Сырьевая экономика — это их стихия. Любое развитие породит новые отряды общества, новых промышленников. Вернее, это будут наукопромышленники, потому что наука в будущем шестом техноукладе с промышленностью тесно сливается. Это новые инженеры-рабочие, а не просто рабочие. Это новый класс конструкторов, создателей новых изделий, поскольку мы идём к роботизированному производству. Эти новые общественные отряды попросят нынешнюю элиту не то чтобы потесниться, просто скажут: зачем ты нужна?

А. П.: А где они сейчас? Ты говоришь: маргинальные зоны. Что это? Это станции детской технической самодеятельности? Где они?

М. К.: Я предпринял своего рода поиск таких людей. Сразу же оговорюсь, Александр Андреевич: есть верховные имитаторы, которые выставляют себя такими приверженцами будущего. Но, как правило, они просто-напросто берут западные представления, западные кальки. И они пытаются его приспособить для РФ. Сами эти люди-имитаторы никогда ничего не создавали, не придумывали, они не новаторы, они теоретики. Кудрин, например. Посмотрите на его программу Агентство стратегических инициатив (АСИ). Это полная калька с западных журналов о будущем. И они сейчас сказали: Путин заболел цифровой экономикой, все эти смешные вещи говорят... Хотя как можно цифровать сырьевую экономику? Имитаторы!

Я в странствиях обнаружил совершенно потаённых людей, которые не сидят на станциях

юных техников. Оказалось, что в стране есть люди, которые пошли в бизнес, создали фирмы и чудом что-то делают. А ведь вся экономическая система РФ направлена против этого: нет дешёвых кредитов, до грантов не доберёшься....

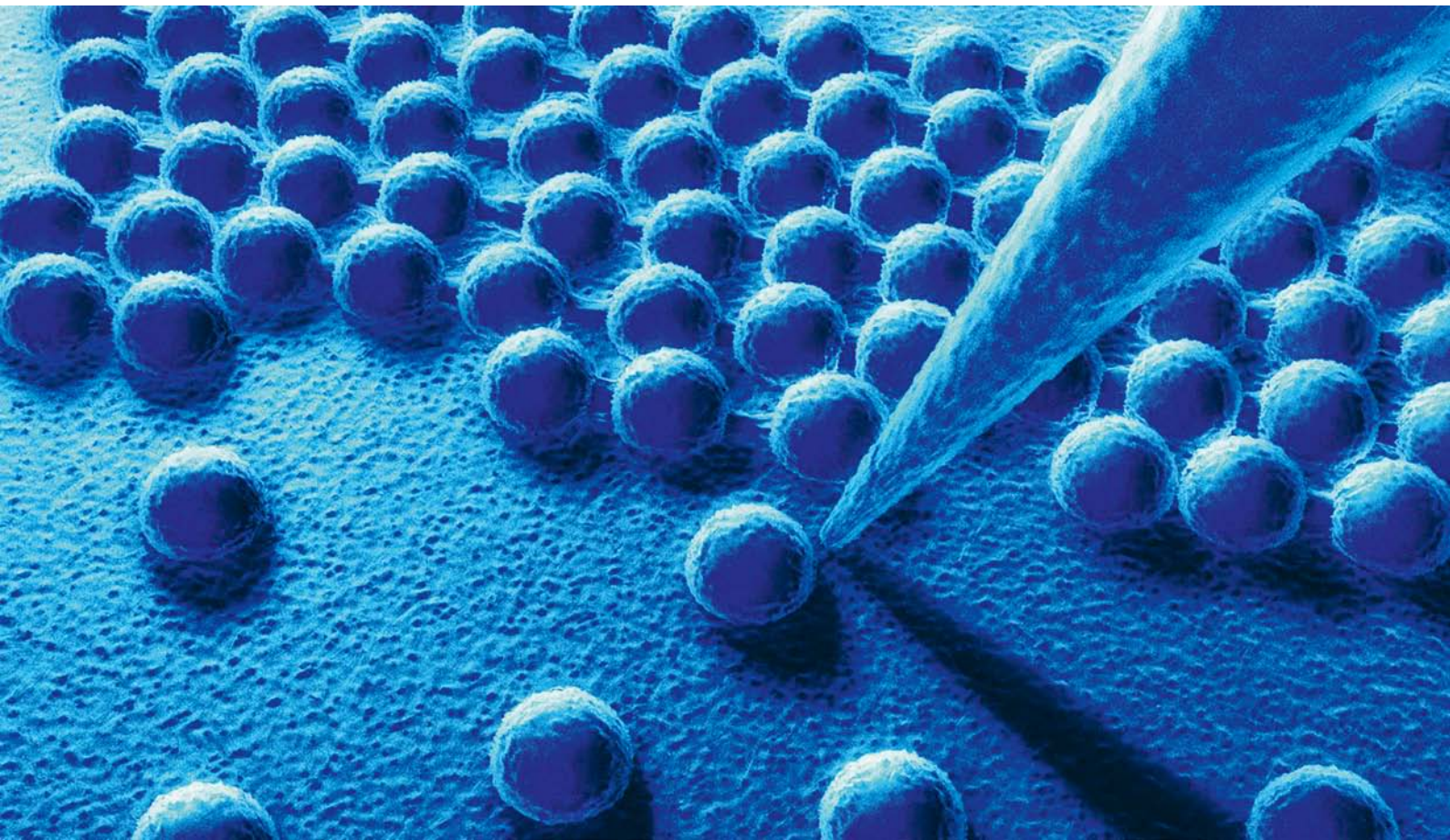
К примеру, прихожу на выставку «Архимед» и вижу питерскую фирму «Биохим Агент». Они делают новые типы обезболивающих, которые «включают» твои гены, и фактически сам организм выбрасывает эндорфин, и у тебя болевой порог повышается. Это не опиаты никакие, которые вызывают привыкание, это новый класс лекарств.

Им не помогают ни «Сколково», ни «Роснано», их не замечает АСИ. Они работают с зарубежными партнёрами, проводят совместно исследования. Они показали действие препарата на лабораторной мышке, которая обычно живёт два года. Для мышки один год эквивалент сорока человеческим годам. А контрольные мышки вместо двух лет прожили 3,8 года. То есть фактически удвоена жизнь мышек. И это удвоение жизни человека. Но нет денег, чтобы продолжать исследования.

Дальше. Питерский тракторный завод — часть Кировского завода. Сергей Серебряков, молодой, амбициозный управленец, смог за четыре последних года завод поднять из руин. Он делает умные тракторы из отечественных частей. Это не крупноузловая сборка. Его тракторы уже умные, они общаются с навесными орудиями. Он ведёт дело к появлению тракторов-автоматов, самоуправляемых тракторов. Это тракторы для умного сельского хозяйства, которые по спутниковой навигации пахут с калибровкой полей.

Работает этот человек бешено — робот боевой. Он поднимает завод и делает умные русские тракторы. Говорит: «Максим, видишь лазерные раскроечные станки стоят, знаешь, кто это?» Я читаю: «Юнимаш». Это наши, тоже питерская фирма, тоже чудом создали раскроечные лазерные комплексы. Это не импортные, не сборка из готовых частей. В Питере я наткнулся на мир людей, таких самураев будущего. У них есть идеи, как развивать, как вести страну вперёд, сделать её технократической державой. Но они не входят ни в какой президентский кадровый резерв. Их не замечает никто.

Зеленоград. Фирма «Лазеры и аппаратура». Дмитрий Сапрыкин, его отец и команда делают оптомехоинтронические обрабатывающие центры — это сверхточные обрабатывающие центры, где работает лазер-резец. Хотя слишком много было убито в стране и там много

западных комплектующих — это наши разработки. Кто-то их видит? Телевизионные экраны, все медиа заняты кем? Вечными теоретиками-либералами, которые нас поучают, и начальниками-дилетантами, которые в своей жизни ничем продуктивным не руководили. А «Берёзовый мир»! Эти фанатики семнадцать лет работают! Они задумались: почему береста считалась целебной? Взяли экстракт бересты и стали исследовать её действие, заказывая исследования научным институтам. И наткнулись на удивительные вещи. Экстракт бересты творит чудеса. Это и антиоксидант, это средство для поддержки старения, усиление действия вакцин... Они даже добивались излечения гепатита С.

Я вижу потаённый пласт людей и на своём «Рой ТВ» стараюсь их показывать. Это золотой запас. Такие как Серебряков, как директор «Ростсельмаша» Мальцев, как Константин Бабкин. Это элита настоящая.

А. П.: Большевики обладали образом будущего. Причём этот образ не был технологическим — это был макрообраз. Они видели будущее человечества, видели соотношение человека с человеком, человека и государ-

ства, государства и общества, машины и природы, небес и земли. Они обладали и макрообразом будущего. И этот образ соединил их, сплотил, это была маргинальная, но партия. Партия будущего. А сегодня есть ли такой макрообраз будущего, и есть ли люди, которые в состоянии нести грядущее, не просто считывая новую энергетику, допустим, а новое человечество в целом?

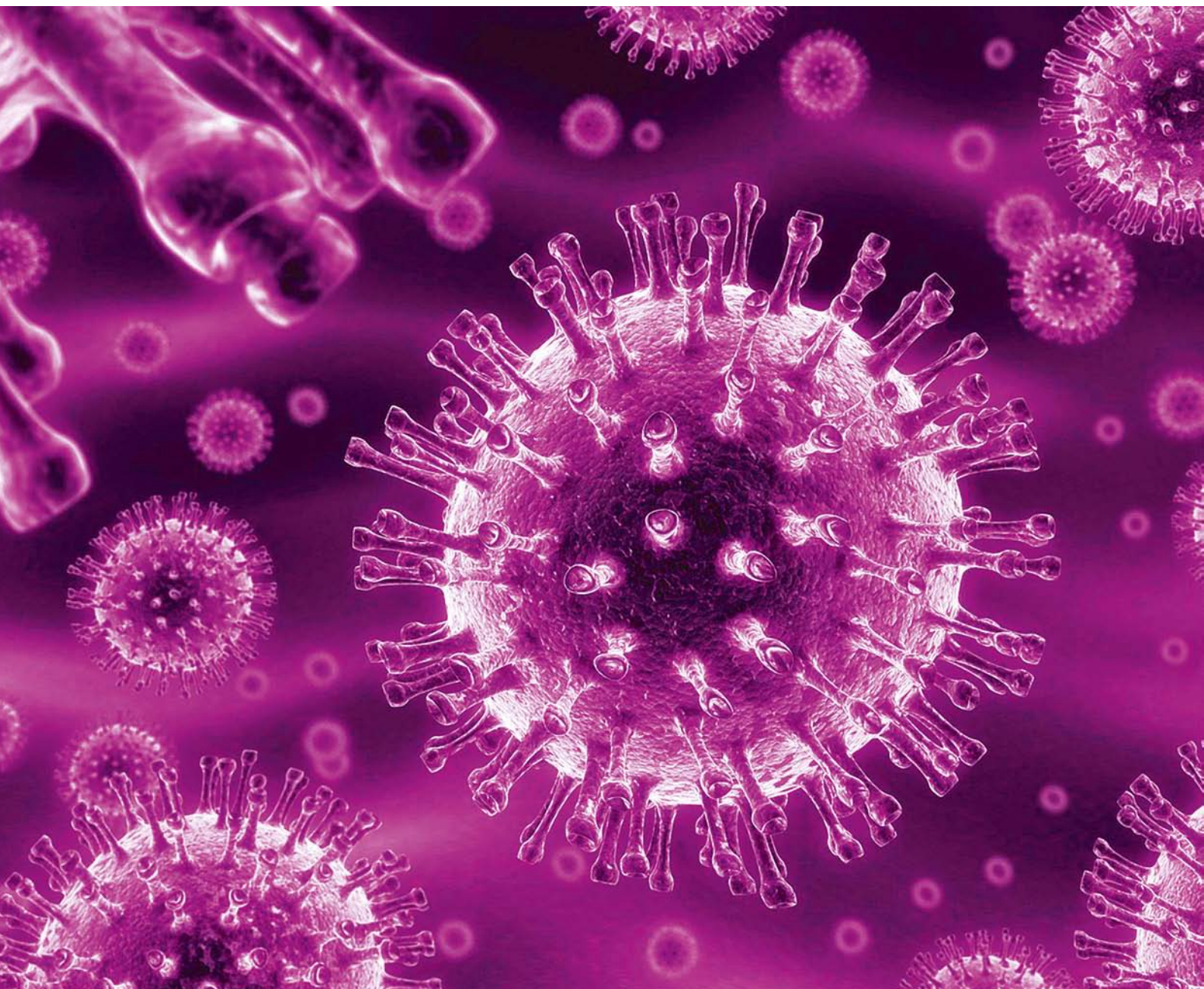
М. К.: Есть. Сразу скажем: у большевиков, красных, всегда была очень сильная технократическая подложка — такая футуристическая, технологическая. Само учение красных — развитие производительных сил: мы должны превзойти по производительным силам, по производительности капитализм. Задача не была выполнена, но была поставлена.

Дальше. Они учили, что именно развитие производительных сил принесёт человеку свободу, даст досуг. Машины будут работать за тебя. Ты, человек, сможешь выйти из пыльных тесных коридоров, от конвейеров, сможешь развиваться. Это был их идеал. Роман Александра Богданова «Красная звезда» о полёте на Марс. Это было ещё до «Аэлиты». Записка Ленина — набросок первоочередных научно-техниче-

ских работ 1918 года. Да её хоть сейчас можно публиковать — некоторые задачи не утратили своей актуальности. Сила красных была в том, что они под свою огненную мечту подкладывали сильный технологический фундамент. Вспомните, с 1918 года большевики, эти «проклятые мародёры», которые грабили церкви, как сейчас говорят, — создают ЦАГИ (гидродинамический институт), комиссию по развитию тяжёлой авиации, воздухоплавательное, космическое общество. А когда начинают развиваться те центры-зародыши, которые дальше вырастут при Сталине? То есть они были ребятами, которые к мечте прилагали чертёж. Что в них поражает? Они не выдержали эту логику дальше.

Пошли подражать Западу, утратили смелость. Но первоначальное направление намерений у них было очевидное. Есть ли такие люди сейчас? Есть. Если вы возьмёте, например, Серебрякова с Питерского тракторного, этот танк, этого робота, и мягкого, интеллигентного Константина Бабкина, выпускника МФТИ, — у них есть образ будущего мира.

А. П.: Эти люди — каждый из них, по-видимому, настоящий пророк, и они друг с другом знакомы и встречаются на форумах. Но являются ли они собой социальный таран, который сдвинет с места остановившуюся льдину?

М. К.: Пока нет, Александр Андреевич. И 20-е, и 30-е, и 40-е годы XX века — золотой век красных. Они были одержимы будущим, грезили прорывом будущего. Выставка в Нью-Йорке 1939 года «Мир будущего»: книги, симпозиумы, архитектура будущего. Люди стремились вперёд, рвались к звёздам. И красные здорово вписались в это. Беда нынешних и Сапрыкина, и Бабкина, и Серебрякова, и других — они в Российской Федерации оказались в среде, которая ненавидит будущее. И не только элита. И массовое сознание! И потому люди, которые могли бы составить таран, который сдвинет льдину, — под перекрёстным огнём с двух сторон. С одной стороны, они не нужны верхам, поскольку представляют собой угрозу: как это так, какие-то промышленники... Причём они пытаются развивать свои предприятия, не имея налоговых вычетов, которые на Западе есть у промышленников. У них, как правило, фирмы и там, и здесь. Они не имеют таких кредитов под такие проценты. Они выживают вопреки. А с другой стороны, есть большое общество, демонтированный народ, которому вообще ничего не хочется менять в будущем. Мы прекрасно знаем по своему «Рой ТВ»: ролик, посвящённый будущему, технологиям набирает 10–15 тысяч просмотров. А ролик о том, как борются сталинист с антисталинистом, набирает в несколько раз больше, то есть люди обращены в прошлое. Поэтому эти люди пока ещё не могут сложиться в таран.

А. П.: Но ведь будущее, как мне кажется, это не просто образы, которые создаются в сознании людей. Будущее — некая субстанция, которая уже есть и которая вытягивает на себя человечество. И это будущее формирует своих носителей. Не носители формулируют будущее, а будущее ищет, в кого вселиться. И оно селится в тех, кто просторен для него. Ты говоришь, что этим людям трудно пробиться. А почему? Если их выбрало будущее, если оно в них вселилось, то их победа неизбежна, потому что будущее всегда побеждает настоящее.

М. К.: К сожалению, не всегда. Действительно, будущее отбрасывает тень, и оно вселяется в тебя и делает тебя одержимым. Знаю по себе. Когда в 1995 году увидел мир будущего, больше не мог заниматься ничем другим. Он манил. И этот сияющий мир русских полубогов, который открывался мне впереди (если мы это сделаем, мы победим), до сих пор меня тянет. Я, может быть, многие свои перспективы, с точки зрения

Будущее — это субстанция, от которой не увильнёшь. Можно топтаться на пороге, уйти влево или вправо, но в конце концов ты в него вклеишься, потому что будущее не может витать только в области ноосферы. Оно придёт сюда, оно тебя возьмёт за шкуру...

«премудрых пескарей», приспособленцев, себе обрубил. Но я не могу предать эту мечту, не могу предать этот образ. Это моё личное будущее. Видимо, так же происходит с другими.

Но нельзя рассчитывать, что победа произойдёт автоматически. Ведь была страна, которая убила своё будущее в своё время и за это жестоко поплатилась. Китай, конец XV века. Бумажные деньги, книгопечатание, компас, большие многопалубные корабли, походы на Мадагаскар. Они чуть-чуть перевалили за Африку и до Европы пошли. Но Китай принял решение законсервироваться в вечном прошлом и расплатился сначала маньчжурским завоеванием, потом застоём, потом позором в XIX веке начиная с опиумных войн, страшными войнами, гибелью масс народов. Мы, к сожалению, повторяем этот путь. Я всё время чувствую, что это видел уже, я испытываю сильнейшее дежавю. Вспоминаю свои разговоры 1981–1982-го годов — то же самое. Это опаснейший момент. Сейчас будущее просто-напросто душат. 2000–2014-е годы назовут годами упущенных возможностей. Ведь тогда русские, пережив страшную катастрофу 1991 года, получают подарок судьбы — высокие цены на нефть. Но эти золотые дожди проедаются или уходят в американские ценные бумаги. На этот ресурс можно было построить совершенно новую страну, поставить республики учёных, настоящие инновационные центры, агентства передовых разработок. Шанс не был использован. А сейчас мы оказываемся у разбитого корыта. Если так будет дальше, мы придём к второй перестройке.

А. П.: Китай — да, они законсервировались, но всё равно к ним пришло будущее. Будущее — это субстанция, от которой не увильнёшь. Можно топтаться на пороге, уйти влево или вправо, но в конце концов ты в него вклеишься, потому что будущее не может быть персонифицировано, оно не может витать только в области ноосферы. Оно придёт сюда, оно тебя возьмёт за шкуру...

М. К.: Золотые слова, Александр Андреевич, только боюсь, что придёт чужое будущее, сформированное другими, конкурентами.

Давайте вернёмся к Китаю. Знаете, в чём дело? Действительно, Российская Федерация в чём-то копирует Китай XV века, но она не имеет того предохранителя, который позволил Китаю пережить эти многовековые потрясения. Рождаемость. У китайцев она была выше и в XV, и в XVI, и в XVIII, и в XX веках. Но мы-то входим в аналог китайского застоя, самоуглубления в прошлое, обладая сверхнизкой рождаемостью. Мы не переживём таких потрясений, мы просто исчезнем физически, если ввинтимся в круг нового распада, разброда. Это первое.

Второе: у китайцев был ещё один мощнейший спасительный механизм. Китайцы были уверены, что они — единственные люди на Земле, что их культура самая развитая. Да, это иногда не выдерживало столкновения с реальностью, но они в это верили. У нынешних россиян культурный иммунитет выбит. Они даже язык-то свой теряют на глазах. Не сопротивляются чужой экспансии, навязыванию чужих образов, нет того культурного стержня, который позволял считать: мы самые крутые, мы переживём. Россияне с лёгкостью перенимают чужой язык, чужие праздники. Они подвержены комплексу национальной неполноценности, неверия в собственные силы. Боюсь, что в сочетании с низкой рождаемостью, то есть биологическим угасанием, дефицит некоего национального культурного иммунитета может привести нас к концу, и тогда будущее придёт в образе американского или великой глобалии. А они найдут механизмы отключения старения. Это только вопрос времени: ремонт организма изнутри. За доступ к бессмертию сырьевая элита любого на блюде принесёт им. У них всё есть, они купаются в деньгах, они всё попробовали, выкупались в роскоши, попробовали все виды любви. Не хватает только жизни вечной. А у хозяев в великой глобалии вечная жизнь будет — приходи, присягай. Только ты должен будешь проходить процедуры регулярно, чтобы продлевать свою жизнь. А за доступ к бессмертию — не за деньги, деньги у них самих есть — ты должен присягнуть. Представляете, какая власть над миром?

А. П.: Во-первых, каждая нация, каждый народ имеет своё отдельное будущее. Оно называется мечтой, у нас — русской меч-

той. Когда наступит будущее, проблема рождаемости исчезнет, потому что в этом будущем есть инструменты к стремительной репродукции населения.

Но я хочу вернуться к своей линии. Посмотри, действительно есть много потрясающих умов. И в сфере техносферы, и в сфере лингвистики, и в сфере социологии, которые создают новые образы, новые модели мира и новые модели России. А меня всё время удивляет, что эти люди, эти гиганты, я с некоторыми из них был знаком (Побиск Кузнецов, Спартак Никаноров), при их универсальном сознании и способности создавать сверхсложные модели не обладают инструментарием внедрения своих открытий в социум. Ведь чем были могущественны большевики? Во-первых, тем, что они имели образ будущего. Далее, тем, что они были консолидированы. Это была такая семья, ложа мощная. И третье: они обладали способностью инкрустировать свои цели, своё будущее в социум. Эта технология называлась революцией. Сегодня этого нет.

Сегодня нет (или я просто не знаю) этого концепта будущего. Есть умные тракторы и эликсиры бессмертия, а концепта будущего человека — его нет. Эти отдельно взятые ядра не консолидированы в движении. Все попытки создать партию развития кончались ничем.

Значит, этого нет, и нет инструментария внедрения своей идеологии, своей мечты в социум. Манхэттенский проект как возник? Проникли в коридоры власти — и этот проект возник. И тогда — занимайся революционной деятельностью, создавай теорию революции в середине XXI века. Ничего этого почему-то нет. Меня удивляет, почему. **М. К.:** Совершенно не удивляюсь. И Побиску Кузнецову, и Спартак Никанорову не за что качаться на Небесах. Невозможно высеять зёрна на голом стекле. Они в этом мире, в РФ — в самодовольной, напыщенной, сырьевой, обывательской, мещанской — оказались лишними. Эта среда их отторгала. Вспомните фотографии: Ленин на испытаниях электроплуга, 1920 год. Уже думали об электрификации сельского хозяйства. Представить себе нынешних наших руководителей на фоне чего-то подобного невозможно.

А. П.: Неверная аналогия, потому что надо тогда представить себе Николая II на испы-

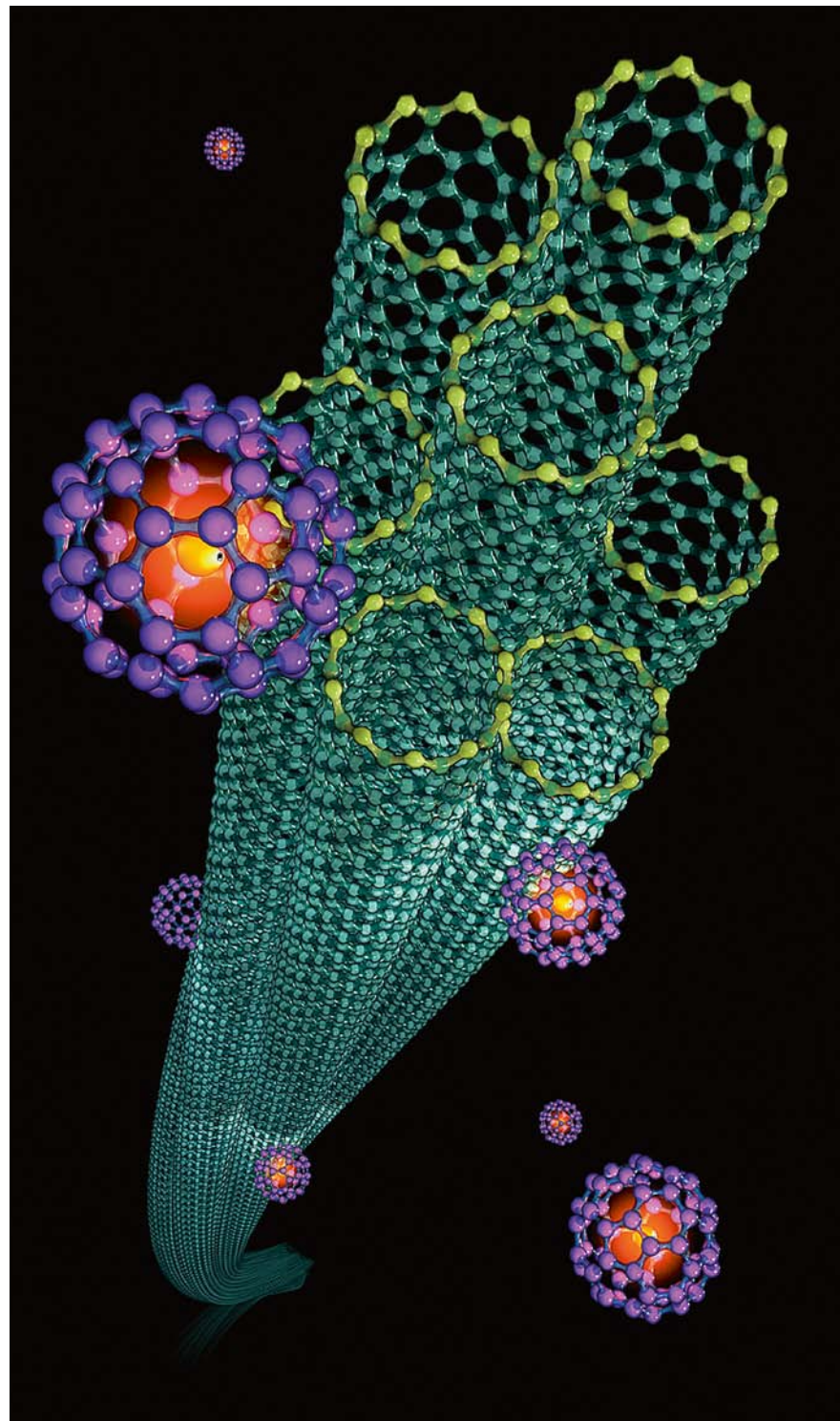
тании плуга. Этого не произошло, как и сегодня. А Ленин, который занимался испытанием плуга, в ту пору, когда необходима была модернизация, стрелял в зайцев. У него не было плуга, у него не было технократов, он занимался теорией революции — я говорю о **предреволюционном Ленине**, который уже носил в себе этот образ, он был членом огромной мощной ячейки.

М. К.: Согласен. Мы действительно сейчас имеем дело с неким коллективным аналогом Николая II. Даже ухудшенной версией. Всё-таки Николай II помогал Сикорскому с его многомоторными аэропланами. Электроплуг — это большевики уже у власти. Революционер товарищ Артём как погиб? На испытаниях аэроавгана. Представить себе советских вождей, которые, имея проблемы с недофинансированием науки, неразвитием промышленности, утратой технологий, вкладывали бы гигантские деньги в футбол, в олимпиады, в стадионы, — невозможно. Квинтэссенция нынешнего совокупного элитного обывателя (в стране, которой надо технологически развиваться, научно) — вложения в сочинскую Олимпиаду, в мундиаль футбольный. Это преступление. Но это их сущность. И наши зёрна падают на гладкое стекло. Мы не прорастаем.

И новая индустриализация воспринимается коллективным обывателем как угроза. Вы говорите: создайте теорию революции. Но революция подразумевает смену нынешней элиты, а это достаточно насильственное действие. За это полагается наказание. Вспомните дела Мухина, Барабаша, Соколова, Парфёнова. Только за попытку инициировать референдум, принятие закона об ответственности власти, законный референдум на законных основаниях — людей уже два года держат в СИЗО.

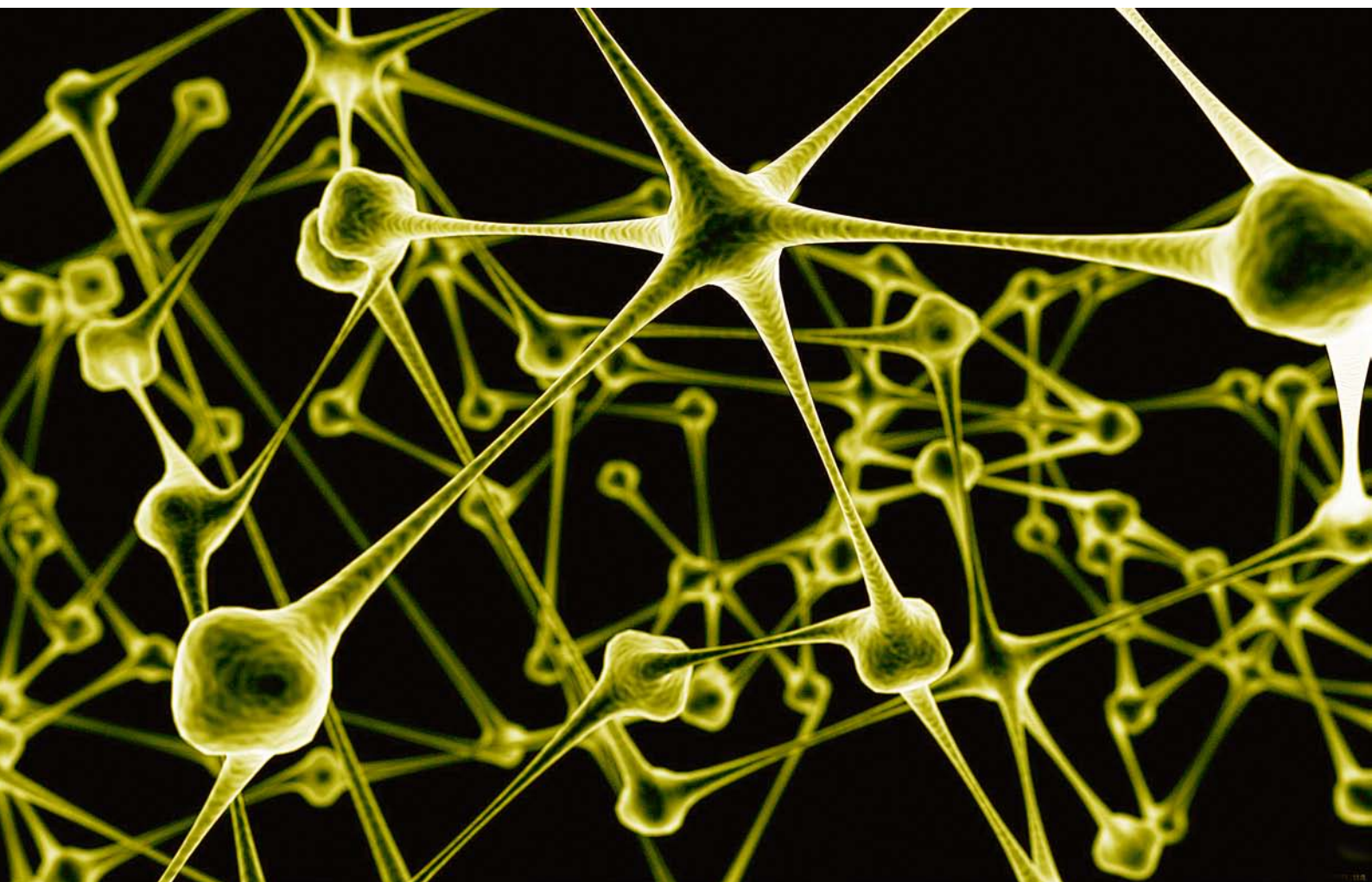
А. П.: Будущее стоит этого. Повторю: будущее — это примета веры, это Господь Бог. И Господь Бог придёт всё равно, осуществит себя. Так история развивается. Ты же очень **сильный, мощный, оптимистичный человек**, и вдруг у тебя возникает интонация **стратегической жалобы**.

М. К.: Нет, не стратегическая жалоба. Я хорошо информированный оптимист. За двадцать пять лет глубоко изучил создавшийся после 1991 года порядок и знаю, что у этой сказки не будет счастливого конца. Атаковать в лоб я не могу, и мы не можем — нас сомнут. Нас сминают, к нам приходят, арестовывают. Крупные воры ходят на свободе, а хватают патриотов

под видом экстремистов. Так зачем кидаться под паровоз, под его колёса?

А. П.: Почему кидаться? Изобрети способ. Ты изобрёл эликсир бессмертия, вторгся в геном, тебя хватило на то, чтобы сделать это супероткрытие, и тебя не хватает для того, чтобы реализовать своё открытие в этом жалком смертном социуме?

М. К.: Люди не могут подняться на определённый уровень. Но я пришёл к одному выводу. Я знаю, что впереди перестройка-2. Созданная с 1991 года система имеет свой срок жизни. Сейчас мы присутствуем при начале её финала. Теперь мы умнее и не должны проиграть следующую перестройку.

Я, видимо, встречу вторую перестройку в возрасте, в каком вы были в 1991 году. Но теперь у меня есть ваш опыт, через ваши книги переданный, свой личный опыт есть. Я не буду простачком. Здесь надо попробовать сыграть. Мы пробовали запустить некий революционный процесс. Наша совесть чиста. Мы писали наверх, писали книги об этом возможном будущем, снимали фильм, показывали этот путь. Но мы натолкнулись на сопротивление, некоторых из нас стали бросать в тюрьмы. Что ж, тогда мы сработаем по-другому — мы дадим системе умереть. Если она отвечает тюрьмой и обысками, если при ней выживают хамелены и самые бесхребетные подхалимы, люди без чести и совести, мы берём нейтралитет —

мы дадим ей умереть. Мы её не сможем спасти. Если она выбрала себе путь Китая XV века, наша задача — выиграть перестройку-2. Другого выхода не вижу.

А. П.: Ты думаешь, что на распаде возможно цветение?

М. К.: Нет. Наша задача — избежать распада.

А. П.: Я не понимаю: как ты дашь системе умереть и одновременно избежишь распада?

М. К.: Я не отождествляю систему со страной. Мы с вами уже живём в куске страны. Это не наша страна полностью — только часть её. Мы, как люди с мозгами, понимаем, что системе всё равно не выжить. Лишённая обратной связи, безответственная, она творит ошибку за ошибкой и упускает шанс за шансом. Ей конец: она начинает уже ранить себя: нет обратной связи, нервы отключены, она боли уже не чувствует. Если это происходит — мы не будем ей мешать уничтожать себя. Наша главная задача — быть наготове.

А. П.: Здесь кончается моё понимание тебя. Что значит «быть готовым»: быть готовым застрелиться, быть готовым взять власть?
М. К.: Да.

А. П.: Так нет этой готовности. У большевиков была эта готовность. У большевиков была партия. У большевиков была стратегия. А ты печалишься.

М. К.: Я не печалюсь. Но если мы начнём создавать партию, мы попадём под удары с двух сторон. Сейчас борются две силы. Это два извода либералов. Этакие великодержавные либералы. Вернее, гибриды: сталинская внешняя политика, но экономика по Кудрину, Чубайсу и прочим. Есть прозападные либералы. Вот это две силы. Мы — третья. Мы ни те, ни другие. Но мы подвергаемся удару с двух сторон. Любая попытка создать партию наталкивается: а) на дикий вой второй силы: «у, фашисты!»; б) на приход людей, так сказать, с внимательными глазами, к тебе домой. Я напомним, что большевики до Февральской революции тихо сидели за границей. Они вступили и начали бурно развиваться как раз в момент слома, когда николаевский застенок, очень коррупционный, сломался. Тогда для большевиков настал звёздный час. Думаю, нас ждёт что-то подобное. А до тех пор на нас будут ставить, с одной стороны, ярлыки русских фашистов, при этом шарлатанов, а с другой стороны — клеймо 282-й статьи. Я сам хожу под ударом. Я боюсь, что и мне уготована участь сидеть. В таких условиях, Александр Андреевич, укорять нас не стоит.

А. П.: Я не укоряю. Я хочу ответить себе на постоянно возникающий вопрос: почему такие великие умы не находят извилин, чтобы свои суперпроекты реализовать?

М. К.: Нужны ресурсы. Ни один суперпроект не может быть реализован на чистом энтузиазме.

А. П.: Почему? Значит, надо искать инструментальный, средства. Большевистский грандиозный прорыв, который будет повторён неизбежно, — ведь он схлопнулся потому, что системе не хватало новых представлений, не хватало знаний о человеке. Они не могли предположить предательства Хрущёва, не могли предположить утомления всего народа, что наступит разочарование в этой мечте. Они не знали, как предотвратить это всё. Поэтому и схлопнулись.

Если бы у них было знание не об экономике, не о техносфере, а о человеке — этого не произошло бы. Знание о человеке позволило бы им пролонгировать свой полёт. И сегодня среди футурологов, мне кажется, русская мечта не включает в себя знания о человеке. Или недостаточно включает. А если бы это знание присутствовало, то возник бы инструментальный внедрения, трансплантации идей в человечество. Путь есть, есть каналы, их просто надо нащупать.
М. К.: Красные шли первыми, и понятно, что ошибки были. Они просто вошли в совершенно новый мир. Они спасли страну, которая уже не должна была существовать. Советский Союз — это Россия, которая существовала вопреки. Она в 1917-м должна была распасться. Нынешние футурологи вынуждены работать на кухнях. Нас никто не финансирует. Мы не можем создать междисциплинарные коллективы. Это никому из нынешних не нужно. Это опасно для них.

А. П.: Не жалуйся. Николаю II тоже Ленин не был нужен.

М. К.: А мне не на что жаловаться, Александр Андреевич, 47 книг я одолел. Я сумасшедший фанатик. То, что я мог выплеснуть, — выплеснул. Я не жалуюсь, я объясняю.

А. П.: Надо искать. Надо искать каналы.

М. К.: Мы искали. Александр Андреевич, я прекратил это дело, потому что искал эти каналы без малого двадцать лет. Больше нет смысла. Нет заинтересованности наверху в будущем. Для верхов наших, для нашей элиты, если бы будущее вообще не наступило — был бы идеальный вариант. Они боятся этого будущего. Для них оно враждебно и непонятно. Что я могу сделать? Мои книги, передачи всем открыты. Я всегда буду это делать. Даже когда я пишу критические статьи, вторая часть всегда про то, «что нужно сделать».

А. П.: Если верить в будущее как в божество (а оно и есть божество, потому что время — это божественная субстанция), то вы будете востребованы. Более того, вы уже востребованы.

М. К.: Пока не очень вижу. Я вижу тех людей, которые реально создают будущее. Но они не попадают ни в какие обоймы. А туда попадают молодые люди, которые в жизни ничего не сделали, не осуществили ни одного проекта, ни одной инновации. Я не напрашива-

юсь на их место, но человек, который имеет реальный опыт осуществления инноваций, почему не он стоит, не практик? Вы сказали про Манхэттенский проект. К Рузвельту пришёл Александр Сакс, банкир, принёс письмо Эйнштейна. Рузвельт любил будущее. Поэтому он понял Сакса с атомным проектом. А нынешние стратеги, если к ним прийти со своим атомным проектом, тебя пошлют.

А. П.: А как бы ты определил категорию «русская мечта»?

М. К.: Русская мечта — это Царство Божие на Земле. Всё. Не на Небесах. Здесь мы его должны построить вопреки всем и всему. И вся наша техника должна этому служить, вся наша внешняя политика, всё наше государство — строительству Царства Божия на Земле, не меньше. И мы все разными словами об этом говорим.

А. П.: Ты в Бога веруешь?

М. К.: В привычном смысле, наверное, нет. Я знаю, что есть некая высшая сила.

А. П.: Ты будешь строить Царство Божие на Земле — значит, ты предполагаешь идеал, божественный идеал?

М. К.: Да. Мы православные атеисты. Я русский, и мой удел глубоко во мне сидит, он действительно православный, а если копнуть дальше, так это с язычества снято.

А. П.: Можешь о себе сказать, что ты — строитель Царства Божия? Ты же чувствуешь своё мессианство?

М. К.: Пусть потомки скажут. О себе говорить неудобно. А наверное, если бы не чувствовал, не писал бы книги.

А. П.: Если это так, значит, ты — строитель Царства Божия.

М. К.: В умах, во всяком случае, да. О себе говорить этого не хочу.

А. П.: Я о тебе это говорю.

М. К.: Я живу так, как будто строю Царство Божие, да. Только моё Царство Божие — с роботами, роботизированными заводами, с трассами скоростного транспорта, с людьми новой породы. Вот это моё царство будущего. То есть Царство Божие — оно же царство будущего.

А. П.: А когда ты построишь это технократическое царство, ты доведёшь до своего нейромира, когда люди будут ангелами

и не нужны уже будут эти поезда просто-напросто?

М. К.: Может быть, это только промежуточный этап, когда люди перейдут. А нейромир — это предел, это сияющая мечта. Это люди-боги. То есть люди, равные Богу, можно сказать. Пусть это звучит еретически с точки зрения классической теологии. Это новые существа совсем.

А. П.: Россия переживает сейчас мучительный период, по существу, она ещё не вышла из периода своей смерти и находится в чёрной дыре, в яме после 1991 года. И к ней сейчас претензии такого рода, которые ты предъявляешь, нельзя предъявлять, потому что она ещё на ложе смерти лежит. Но русская миссия в том, чтобы формулировать будущее. Русские были созданы на Земле для того, чтобы будущее было вместе с ними. И этот ген, эти коды будущего живут в современном русском народе, какую бы страшную пору он в своей истории ни переживал. Твоя миссия, твои книги, твои страдания даже, сам факт твоего присутствия на Земле — в том, чтобы будить коды. А эти коды рано или поздно сложатся в целую симфонию.

М. К.: Я в этом уверен. Одна из моих любимых книг — «Моби Дик» Германа Мелвилла. Есть там такой образ. Индеец Тэштиго на тонущем «Пекоде» приколачивает флаг. На последнем ударе он уже уходит под воду. Да, «Пекод» столкнулся с Моби Диком, с символом зла. Моби Дик разбил корабль, корабль уходит, но индеец Тэштиго приколачивает флаг, чтобы флаг до последнего был. Этот образ будет жить во мне всегда. До конца. Надо жить, делать своё дело. Делай что должен, и будь что будет. Ты должен драться до конца. И второй образ, который будет со мной жить. Экипаж ТБ7, который упал в 1941 году в Финляндии. Командир экипажа снял оружие с самолёта, окопался и держался до последнего. Вот это русские. По-русски. Значит, будем сражаться так. Если даже нам суждено уйти под воду, мы уйдём с флагом, не спустим свой флаг. И ещё один момент. Да, русские должны показывать будущее, но чтобы ещё к твоему голосу прислушивались, ты сам должен представлять кое-что как народ. Иначе тебя будут принимать за полоумного, за бредящего перед концом. Поэтому я остаюсь приверженцем новой индустриализации. Нам нужно подняться, чтобы с нами считались. А это не только оружие, это и другие отрасли промышленности. Так что, Александр Андреевич, я навсегда остаюсь вашим учеником.

Ваши книги на меня влияние оказали. Вы меня благословили на первую книгу, на «Сломанный меч империи».

А. П.: Да, я помню «Сломанный меч империи», как ты эту книгу вынашивал. Блестящая работа. Помню, только что прочитал я её и поехал в Белоруссию, посетить

там наши военные объекты, станции слежения: одна для слежения за подводными лодками, другая — дальнего обнаружения. Я иду через колючие проволоки, КПП, прихожу к командиру этой антенной системы и на столе вижу твою книжку.

Спасибо тебе, дорогой.

М. К.: Спасибо большое.

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

Исламская мечта, или Цивилизационный проект, которого как бы и нет, но в то же время он уже существует

Доклад Изборскому клубу

Глобальный финансово-экономический кризис 2007–2008 гг. — точка перехода к принципиально новому историческому периоду, а может быть, и к новой исторической эре. Дело даже не в самом этом событии,

ведь циклические кризисы в мировой глобальной капиталистической экономике вполне закономерны. Необычное в том, что сам этот первый в новом столетии и новом тысячелетии глобальный кризис был достаточно успешно спрогнозирован и смоделирован ещё за несколько лет

до того, как он собственно проявился. Но, во-первых, никто его не смог предотвратить. А во-вторых, прошло уже десять лет, но многие профессионалы считают, что этот кризис до сих пор не преодолен, он весьма удивительным образом развивается, и на самом деле мрак глобальной

исторической неопределённости только разрастается.

Тектонические, непредсказуемые социально-экономические, культурно-политические и геополитические сдвиги уже начались на планете Земля и будут продолжаться на протяжении как минимум пятидесяти-шестидесяти лет, в результате которых сформируется совершенно новая и необычная реальность. Этот наступающий период станет временем совершенно радикальных трансформаций практически во всех сферах: технологической, экономической, социальной, культурной, геополитической и т.д. Всё более ожесточённые, кровавые конфликты и войны будут сотрясать континенты. Вероятность глобальной и страшной конфронтации с каждым годом будет становиться всё более яственной не только для специалистов, но и для сотен миллионов обывателей.

Возможно, это странное, постоянно дрожащее время будет каким-то манером напоминать тусклый переход от погрязшей в роскоши и в чувственных извращениях одряхлевшей Римской цивилизации к сумрачной, жестокой и аскетической религиозности Средневековья... Но в любом случае уже во второй половине нынешнего столетия человечество окажется совершенно иным.

Если сформулировать сухо и без патетики, то речь идёт о грандиозном переходе к совершенно иной цивилизации. К какой — на самом деле никто по-настоящему и не знает... Но очень многие искренне убеждены, что им-то всё известно. Помните старый анекдот? По улицам Древнего Рима идёт демонстрация рабов. Впереди несут огромный транспарант: «Да здравствует феодализм — светлое будущее человечества!».

Формально именно кризис 2007–2008 годов стал зримым началом заката западного проекта — единственной в истории человечества цивилизации безусловного господства материального над религиозным. Хотя признаки

надвигающейся системной катастрофы копились с начала прошлого века. (Ещё в 1918 году впервые был опубликован «Закат Европы» Освальда Шпенглера.) В любом случае Запад, как единственная безраздельно доминирующая ныне цивилизационная модель в мире, судя по всему, уже перешёл точку невозврата.

Во-первых, по причине постепенного истощения невозобновляемых природных ресурсов (включая широкомасштабное и непрерывное ухудшение состояния воды и воздуха во всём мире), необходимых для воспроизводства социально-экономической модели массового производства и массового потребления, на которой и зиждется социум и социально-экономическая модель современного Запада. Де-факто планета Земля сегодня просто не способна обеспечивать такое воспроизводство: требуется уже 1,7 планеты, чтобы удовлетворить потребности в продовольствии и других биологических ресурсах. Иначе говоря, Запад продолжает существовать за счёт прямого грабежа земной биосферы. И это притом, что почти треть, точнее 31%, пищи в мире выбрасывается на свалки. Именно Запад стал главным фактором непрерывной деградации земной биосферы. Например, с 2011 года загрязнённость мирового океана достигла такого уровня, что природные механизмы самоочищения уже не успевают восстанавливать его природное здоровье. Западная цивилизация превратила миллиарды людей в беспощадных, прожорливых, безумных паразитов, яростно уничтожающих планету Земля.

Во-вторых, переход в шестой технологический уклад, появление принципиально новых инновационных технологий постепенно формируют необычную, парадоксальную ситуацию, когда вроде бы устоявшиеся, привычные социально-психологические, социально-культурные, политико-экономические механизмы выживания,

воспроизводства и развития общественной жизни просто перестают работать. Например, в связи с расширением промышленной роботизации неожиданно появилась и стала резко обостряться проблема «избыточного, ненужного населения» в самых развитых западных странах. Или вдруг внезапно оказывается, что традиционные механизмы социальной солидарности и взаимопомощи, базовые моральные принципы, регулировавшие сотни лет социальную жизнь, совершенно не нужны в наступающем историческом периоде.

Для внедрения же принципиально новых социальных моделей (даже если предположить, что таковые уже существуют, что весьма сомнительно) необходимы либо большой отрезок исторического времени, либо большая война.

В-третьих, классический протестантский капитализм (основа западной цивилизации) вот уже лет тридцать или сорок как исчерпал свой внутренний адаптационный к внешним изменениям потенциал, свою способность к опережающей рефлексивной самотрансформации. Сегодняшним сверхсложным глобальным социально-экономическим механизмом практически уже невозможно более или менее рационально управлять.

Возможно, в последний раз в истории такая системная самотрансформация западной цивилизации началась в тридцатые годы XX века при Франклине Рузвельте. Правда, и при Р. Рейгане была продекларирована необходимость глубоких изменений, которые, однако, оказались даже в среднесрочной перспективе настолько неадекватными, что практически сразу же привели к тяжелейшему обострению системных противоречий внутри высшего американского истеблишмента в 2000–2001 гг.

В-четвёртых, в последние пятнадцать-двадцать лет происходит стремительный рост межгосударственных

Большая часть т. н. мусульманских правящих классов, элит и кланов также практически полностью встроена в западную цивилизационную модель. Но одновременно с этим присутствуют целые ареалы социально-экономической жизни со своими многочисленными социальными группами в мусульманских странах, которые самодостаточны, минимально связаны с глобальной системой разделения труда, а иногда даже — сознательно или несознательно — изолированы от глобального экономического механизма.

и внутринациональных системных противоречий практически везде в рамках глобальной цивилизации (в США, ЕС, России, Китае) на фоне резкого обострения глобальных кризисных трендов.

В-пятых, глубинный моральный кризис науки окончательно превратился в драматический фактор деградации западной цивилизации.

Современная наука для материалистического Запада, ставшая своего рода базовым религиозным институтом, оказывает сегодня решающее и безальтернативное воздействие на мировосприятие и сознание социума и элит. Потеряв практически всю свою общественную независимость, отказавшись от важнейших моральных идеалов и реальной социальной ответственности, рационалистическая наука превратилась в важнейший компонент и стимулятор бесконечного материального воспроизводства.

В-шестых, всё более неразрешимой становится демографическая ситуация на Западе. В последние десятилетия резко ускорилось старение населения в основных западных странах одновременно со снижением рождаемости и роста абортот. Навязываемый гипертрофированный индивидуализм, а отнюдь не экономические факторы, приводит к тому, что, например, уже сорок процентов немков вообще не собираются завести детей. И в странах ОЭСР это стало уже устойчивым социальным

трендом. Одновременно однополюсные семьи гомосексуалистов и лесбиянок, которые всё более и более поднимаются на щит, в принципе не могут иметь детей. Собственно, хотя бы по этому параметру **нынешний Запад представляет собой пример суицидальной цивилизации.**

В-седьмых, для всё более атомизирующегося западного социума за последние тридцать лет одной из наиболее характерных черт становится либо резкое снижение значимости, либо прямой распад социально консолидирующих идеологий и идеологических моделей. А после окончания холодной войны, после продекларированного «конца истории» исчезло последнее представление о некоем «общем деле», которое более или менее эффективно объединяло социум западной цивилизации.

И постепенно на первый план выступает действительно трагическая, в историческом контексте, проблема западной материалистической цивилизации — проблема смысла жизни, как коллективной, так и личностной.

Во имя чего существуют личность и социальные общности в этой цивилизации? Чтобы постоянно покупать появляющиеся на рынке всё новые и всё такие же бесполезные товары? (А ведь ещё Сократ предупреждал: «Как много на свете вещей, которые мне не нужны!») Или для появления на банковском счёте новых цифр и новых нулей? А может, для роста

знания всего человечества? А что даёт это «знание» в конечном счёте? Ведь один из неартикулируемых ныне выводов квантовой механики как раз и заключается в том, что всё более масштабная аккумуляция дискретной, даже квантифицированной информации обратно пропорциональна уровню понимания усложняющейся реальности.

II.

Всё более явственная немощь западной цивилизации подсвечивается и начавшейся конкуренцией новых цивилизационных проектов.

Пекин уже сформулировал и презентовал свою стратегическую «китайскую мечту», выдвинув собственный китайский проект для всего мира. Скандальное избрание Трампа резко обострило продолжающуюся почти два десятилетия конфронтацию в американском социуме и вышшем американском истеблишменте, в том числе и по поводу судьбы «американской мечты» в XXI веке. Растущее противостояние и обостряющиеся конфликты всё больше сопровождают дискуссии по поводу европейского цивилизационного проекта. Растёт число политических и политико-интеллектуальных групп в России, которые продуцируют идеи и концепции, касающиеся «русского проекта». Однако во всех этих попытках присутствует несколько принципиальных моментов, которые сдерживают возможный оптимизм.

Во-первых, даже Китай с его «социалистической идеологией» и всё более враждебная Западу Россия на самом деле являются неотъемлемыми компонентами нынешней глобальной цивилизации, западной по своему происхождению. КНР встроена в эту цивилизационную иерархию как «мировая мастерская», а Россия — как один из мировых поставщиков энергоресурсов. Противоречия между Соединёнными Штатами, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой, — это противоречия внутри одного и того же ци-

визационного ареала, проявление борьбы за новый баланс сил внутри одной и той же западной модели.

Во-вторых, западная цивилизация предельно материалистична, и именно этот многообразный и многосторонний материализм является базой и одновременно критерием её развития. С этой точки зрения ни нынешний китайский социум, ни российское общество не уступают тем же США в соответствующих материалистических стремлениях и настроениях.

В-третьих, ни в России, ни в Китае, ни в США, ни в Европе нет ответа на ключевой вопрос: «А что дальше — после капитализма?» Нет, футурологические представления и сценарии существуют, достаточно много и разных аналитических работ. Однако отсутствует самое главное — нет теории или доктрины именно как основы нового цивилизационного проекта.

Великая Октябрьская революция как раз примечательна тем, что дала уникальный шанс реализовать альтернативной капитализму исторической теории, на основе которой

и была предпринята попытка осуществить «красный проект». Сейчас нет и таких условий, и такой принципиально новой теории.

Что же касается предельно многоукладного, полинационального Исламского мира, то здесь положение ещё более сложное и противоречивое. Большая часть т. н. мусульманских правящих классов, элит и кланов также практически полностью встроена в западную цивилизационную модель. Но одновременно с этим присутствуют целые ареалы социально-экономической жизни со своими многочисленными социальными группами в мусульманских странах, которые самодостаточны, минимально связаны с глобальной системой разделения труда, а иногда даже — сознательно или несознательно — изолированы от глобального экономического механизма. При этом для многих мусульманских социальных групп формы и направления развивающейся деградации Запада уже являются свидетельством приближения Судного дня.

Никакого собственного цивилизационного проекта у Исламского

мира нет, нет и соответствующего целостного политико-интеллектуального образа или системы интеллектуальных представлений. Прежде всего потому, что отсутствует консолидированная политико-интеллектуальная элита, которая могла бы стать ответственным субъектом такого потенциального проекта.

Тем не менее в мусульманском геополитическом пространстве циркулируют несколько протоцивилизационных проектов.

В недрах современной турецкой элиты, формированию которой существенно поспособствовал президент Реджеп Эрдоган, активно прорабатывается целый комплекс идей и предложений по возрождению «великого Османского государства», тюркского геополитического пространства. Речь идёт в настоящее время скорее о создании некоей интеллектуально-идеологической конструкции на базе универсального ислама, идей пантюркизма и турецкого национализма, что в перспективе может стать интеграционным полем для многих исламских стран и сообществ. Поскольку Турция уже

давно максимально интегрирована в глобальный западный экономический механизм, то в лучшем случае речь идёт о формировании новой модели турецкого государства, о превращении Турции в полноценную региональную супердержаву.

В какой-то степени похожий проект развивается и в Тегеране. Нельзя забывать, что великая исламская революция 1978–1979 гг. в Иране развивалась в том числе и под лозунгом консолидации «обездоленной глобальной мусульманской уммы». Однако в настоящее время достижение глобальных целей Тегерана объективно подчинено задачам закрепления геополитических и геоэкономических изменений в региональном балансе сил.

В любом случае ни иранская, ни турецкая национальные стратегии не могут реально претендовать даже в отдалённой перспективе на статус общеисламского цивилизационного проекта. И одна из причин этого — удивительное разнообразие Исламского мира, который в той или иной форме присутствует практически в каждой стране на нашей планете. ***При всём этом разнообразии есть четыре фактора, которые действительно объединяют глобальную умму — божественное Откровение, зафиксированное в Священном Коране, общие универсальные религиозные ценности и нормы, историческая память о великом исламском прошлом и растущий почти повсеместно уровень живой религиозности.***

III.

В современной парадоксальной диалектической реальности этот, казалось бы, совершенно аморфный Исламский мир гораздо ближе к выработке и реализации собственного цивилизационного проекта, чем другие мировые центры.

Практически во всех геополитических точках Исламского мира, начиная с острова Ява, где проживают почти десять процентов всех мусульман мира, и вплоть до джунглей Нигерии, во всех джамаатах Европы, США и Латинской Америки, идёт зачастую невидимое посторонним взглядом бурное, ожесточённое духовное сражение, доходящее до прямой политической конфронтации по поводу

будущего уммы, связи этого будущего с настоящим и прошлым.

Но если в других местах нашей планеты дискуссии о предпосылках, сценариях и перспективах новых цивилизаций происходят в комфортных кабинетах и уютных дискуссионных залах, то в Исламском мире они разворачиваются в мечетях, на улицах, в подполье, тюрьмах и концентрационных лагерях, на полях кровавых сражений.

Принципиально важно то, что в эту, всё более разгорающуюся борьбу за общее цивилизационное будущее вовлечены не десятки и сотни высоколобых интеллектуалов, а сотни тысяч и миллионы представителей самых различных классов и социальных групп.

Во многих точках Исламского мира вспыхнули и уже проявились особые социально-духовные тигели, где происходят магические мутации, в результате которых и формируется необходимая **критическая масса пассионариев**, способных стать двигателями и лидерами грядущей исламской цивилизации.

Почему начавшийся глобальный переходный период наиболее радикально, бескомпромиссно, в кровавых тенях и полутенях выразился и проявляется, прежде всего, в мусульманской ойкумене? Случайна ли усиливающаяся волна социально-политических кризисов, катастрофических изменений, кровопролитных войн, начавшихся распадов государств и социумов именно в Исламском мире?

Ответ верующего человека может быть только один: ничего и никогда случайного не бывает, во всём проявляется Промысл Божий. И приписывать волну т.н. «цветных революций» и самых кардинальных, непредсказуемых социально-политических трансформаций неким суперсекретным стратегиям Вашингтона, Лондона или Москвы означает только лгать и грубо лстыть соответствующим властным центрам.

С точки зрения марксистской методологии среди сложнейших ком-

бинаций системных противоречий на первое место необходимо ставить именно внутренние объективные противоречия, особо выделяя антагонистические. При этом, конечно, внешние факторы также играют существенную роль, но именно через направленное провоцирование, управляемое рефлексивное стимулирование этих самых внутренних проблем и противоречий.

Начнём с того, что именно Исламский мир является зоной наиболее острого проявления глобального системного кризиса. Здесь сложнейшим образом переплетены около семидесяти основных, всё более обостряющихся системных противоречий: межукладных, социально-классовых, экономических, идеологических, политико-конфессиональных, геополитических, культурных, межэтнических и т.д. Бескомпромиссность острейшей социально-политической конфронтации внутри Исламского мира по поводу возможного будущего мусульманского цивилизационного проекта определяется как раз особой сложностью всех этих факторов.

Новая стадия глобальной стратегической неопределённости, начавшийся объективный переход в шестой технологический уклад резко усиливают все эти противоречия. А далее оказывается, что безусловное большинство правящих коррумпированных режимов в Исламском мире в принципе оказываются не способны решать все эти появляющиеся сверхсложные комплексные проблемы. Особенно в контексте сохраняющихся базовых исламских традиций и экспектаций со стороны социума.

В исламе высшей социальной ценностью является справедливость. Пророк Мухаммад говорил: «Не создал Аллах Всевышний на земле вещи лучше, чем справедливость». Священный Коран постоянно отмечает особое, уникальное значение справедливости в жизни общества: **«О вы, которые уверовали! Будьте стойки в справедливости, свидетельствуя**

пред Аллахом, если даже свидетельство будет против вас самих, против родителей ваших или родственников. Будет ли тяжущийся богатым или бедным, рассудит его Господь наилучшим образом. Будьте беспристрастны, в противном случае отступите вы от справедливости. Если же вы уклонитесь от справедливости и отвергнете её, то ведь ведаёт Всевышний о том, что вершите вы». (Коран, 4:135). Однажды посланника Аллаха спросили, где предпочтительнее жить — в мусульманской стране, где отсутствует справедливость, или в немусульманском государстве, где следуют принципам и нормам справедливости? Пророк Мухаммад ответил: «Выбирайте справедливое государство».

В исламе традиционно правитель может претендовать на звание справедливого только в том случае, если он **лично** несёт ответственность за то, как живут его подданные, если он не перекладывает эту ответственность на своё окружение, своих чиновников и т.д.

Самым лучшим государственным устройством в исламской истории считается то, которое эффективно в социально-экономическом плане и способно одновременно обеспечить максимальную социальную справедливость для своего населения, несмотря на имущественные, конфессиональные, культурные и иные различия. Именно такое государство стабильно и устойчиво. И исламская историческая память тщательно хранит воспоминания о таких государствах.

Государственный режим, который экономически неэффективен, но придерживается принципов социальной справедливости, будет всё же в течение какого-то времени пользоваться поддержкой общества и оставаться стабильным. Гораздо менее устойчиво то государство, которое отказывается от социальной справедливости ради т.н. экономической эффективности. Наконец, наихудшие государства и режимы,

Государственный режим, который экономически неэффективен, но придерживается принципов социальной справедливости, будет всё же в течение какого-то времени пользоваться поддержкой общества и оставаться стабильным. Гораздо менее устойчиво то государство, которое отказывается от социальной справедливости ради т. н. экономической эффективности. Наконец, наихудшие государства и режимы, которые одновременно и нестабильны, и неустойчивы, это те, которые и неэффективны, и несправедливы.

которые одновременно и нестабильны, и неустойчивы, это те, которые и неэффективны, и несправедливы. Абсолютное большинство политических режимов в Исламском мире к началу XXI века относилось именно к этому четвёртому типу.

IV.

В Европе, Америке и Китае интеллектуальные и политические дискуссии о будущей цивилизационной модели связаны, прежде всего, с поиском способов преодоления нынешних острых экономических проблем, разработки формул и путей социально-экономического развития в хотя бы обозримом будущем. В Исламском мире ожесточённые споры, порой кровавые, со стрельбой и жертвами, обуславливаются, прежде всего, двумя сверхактуальными и жизненными обстоятельствами.

Во-первых, это острейшая проблема выживания как такового. Из почти полутора миллиардов мусульман на планете около 160–180 миллионов находятся в «зоне постепенного умирания» из-за отсутствия еды, чистой воды, окончательно деградировавшей экологии. То есть эти почти двести миллионов человек наверняка обречены на смерть — кто-то через год, кто-то через три, кто-то через пять. Кому как повезет. Еще 300–350 миллионов мусульман живут в «зоне беспросветной нищеты», иначе говоря, на границе между жизнью и смертью.

Но проблема гораздо масштабнее и драматичнее: речь идёт не только о физическом, но и о нравственно-духовном выживании, в котором оказалась большая часть глобальной уммы.

Запад с его культом гипертрофированного индивидуализма, лицемерной религиозности, соединённой с воинствующей секуляристской культурой, где деньги прочно заняли место Бога, с агрессивным отрицанием традиционных и семейных ценностей, со стремлением превратить мужчин и женщин в безличное, политкорректное «оно», агрессивной пропагандой гомосексуализма, лесбиянства и прочих сексуальных извращений — всё это и многое другое заставляет усиливающиеся контрэлиты в Исламском мире приходить к радикальному выводу: «Запад, западная цивилизация — это и есть воплощение шайтана, который противостоит исламу».

Всё это особенно актуализируется на фоне объявленного Западом тотального сражения с мусульманским миром. Против ислама уже несколько десятилетий развёрнута ожесточённая культурная, политико-психологическая, социально-информационная, военная гибридная война, противостоять которой большинство прозападных политических истеблишментов мусульманских стран не могут, а часто и просто не хотят.

Главная причина нынешней ожесточённой конфронтации между западной цивилизацией и глобальным

мусульманским социумом заключается в том, что именно благодаря религии ислама оказалось практически невозможным переформатировать и интегрировать в западную цивилизационную матрицу абсолютное большинство мусульманских джамаатов во всём мире. Вот один только яркий пример. Вторые и третьи поколения детей, родившихся в мусульманских семьях, живущих в Западной Европе или Америке, оказываются, как правило, гораздо более религиозны, чем их родители, и более критично настроены в отношении западных ценностей.

Сотни миллионов мусульман начинают всё более явственно ощущать тотальную экзистенциальную угрозу своим ценностям, своему прошлому и настоящему со стороны западной цивилизации. ***А это и толкает десятки и сотни тысяч, прежде всего, молодых, хорошо образованных и мыслящих мусульман в прямое вовлечение не только в ожесточённые вербальные споры о будущей перспективе для ислама, но и в бескомпромиссную борьбу за желаемый цивилизационный идеал. И именно такая совместная борьба превращается в «большое общее дело», в практическую консолидирующую политическую идеологию.***

Ещё раз хочу подчеркнуть, что острейшая проблема выбора цивилизационного будущего для десятков и сотен миллионов мусульман — это не некий абстрактный, оторванный от непосредственной реальности вопрос, а жёсткая дилемма жизни или смерти.

Во-вторых, быстрое распространение в последние десятилетия СМИ, интернета, других средств массовых коммуникаций, в том числе и различных форм дистанционного образования, привело к мощной переструктуризации общественного сознания в мусульманском мире. Началось взрывоподобное возрождение исламской исторической памяти, массовое обращение к героическому прошлому великой мусульманской цивилизации, которая в течение многих столетий

являлась духовным, экономическим, социальным, политическим авангардом всего человечества. *Причём Исламская цивилизация стала таким авангардом потому, что в ней, в отличие от нынешнего Запада, главенствующую роль играли именно религиозные и религиозно-нравственные ценности, а не экономические приоритеты и цели.*

V.

Непримиримыми оппонентами большинства властных групп мусульманских стран, встроенных в западный цивилизационный проект, всё чаще выступают самые различные по оттенкам взглядов радикальные и экстремистские группы. Причём их поддержка со стороны очень многих слоёв и страт мусульманского со-

циума непрерывно возрастает. И это ведёт к тому, что постоянно поднимается общий уровень радикализма в Исламском мире, раздираемом острыми системными противоречиями, прежде всего классовыми, и сталкивающимся с неприкрытой внешней агрессией.

Феномен резкого усиления радикализма и экстремизма на крутых поворотах человеческой истории возникает не в первый раз. Один из признанных революционных классиков в своё время сформулировал это в таком прямолинейном афоризме: «Война — это террор богатых против бедных. Террор — это война бедных против богатых». Наверняка в своё время того же Робин Гуда кто-то вполне искренне называл «террористом».

Но как же тогда Москва с её жёсткой идеологической позицией

по терроризму, вплоть до обязательного упоминания, что «ИГИЛ — террористическая организация, запрещённая в России»? А вот здесь уже вперёд выходят требования тактической политической целесообразности.

16 апреля 2015 года президент России Владимир Владимирович Путин отвечал на вопросы телезрителей со всей страны. В том числе ему задали вопрос по поводу ИГИЛ. Президент страны весьма спокойно ответил, акцентировав два пункта: «Почему ИГИЛ так эффективно воюет? Потому что она была создана бывшими кадровыми офицерами бывшей армии Саддама... Для России прямой угрозы со стороны ИГИЛ нет».

А уже через два месяца, в июне 2015 года, В. В. Путин резко поменял свою оценку, назвав ИГИЛ «абсолют-

ным злом». Что же произошло между апрелем и июнем?

12 мая 2015 года в Сочи, где находился президент России, достаточно неожиданно прибыл Джон Керри — государственный секретарь США. Сначала он встретился с С. Лавровым. Эта часовая беседа произвела на министра иностранных дел России такое яркое впечатление, что, отвечая на выходе на вопросы журналистов, Сергей Лавров использовал все самые возможные лестные эпитеты, которые только могут быть использованы дипломатом. А затем

последовала более чем четырёхчасовая беседа В. Путина с Дж. Керри. Между прочим, никогда до этого и никогда после этого президент России так долго не говорил ни с одним из американских госсекретарей. Судя по всему, Дж. Керри привёз такое привлекательное предложение из Вашингтона, что в Сочи от него сочли невозможным отказываться.

Учитывая последующее развёртывание событий на Ближнем Востоке, в принципе понятно, о чём в мае 2017 года шла речь и о чём договорились. В рамках такого возможного

взаимного согласия и появился затем странный политический образ «абсолютное зло».

Но потом что-то не срослось, а точнее, администрация Обамы после октября 2017 года отказалась от своих же предложений Путину. Но то, чего американцы добивались, они достигли. По этой причине, может быть, и понятие «абсолютное зло» перестало в дальнейшем использоваться Москвой.

Многие на Большом Ближнем Востоке считают ДАИШ террористической организацией. Но очень много и тех, кто относит эту структуру к особым формам национально-освободительного движения. ***И такая поляризация взглядов — одна из особенностей нынешней ситуации в Исламском мире, когда повышение уровня радикализма сопровождается усилением массовой религиозности.***

VI.

Главная черта такого бескомпромиссного столкновения за цивилизационное будущее Исламского мира — форсированное накопление пассионарной энергии в самых различных сегментах мировой уммы.

В конечном счёте где кроется истинное начало новой цивилизации или принципиально нового государства? Не в книгах, манифестах, статьях, семинарах и симпозиумах, пусть даже безумно талантливых и гениальных, а в накоплении до критического уровня пассионарного компонента соответствующего социума.

В своё время великий американский поэт Эзра Паунд сформулировал безжалостный, по обывательским меркам, но точный критерий, отделяющий истинного пассионария от обычного энергичного человека: «Если ты не готов пожертвовать своей жизнью за свои же идеалы, то либо твои идеалы ничего не стоят, либо ты сам ничего не стоишь»...

Зримая явственная пассионарность в Исламском мире проявилась и проявляется не на пустом месте,

соответствующие предпосылки зарождались на протяжении последних пятидесяти–шестидесяти лет.

Во-первых, резко ускорилась многоаспектная маргинализация большинства многоукладных социумов в Исламском мире. С одной стороны, существенно обостряются антагонистические классовые и межукладные противоречия, что ведёт ко всё более драматическому разрыву между узкой прослойкой сверхбогатых и усиливающейся массой бедных и сверхбедных. С другой стороны, в условиях социальной деградации и начавшегося разрушения искусственных прозападных политических структур значительно усиливается значимость племенных, родовых, клановых связей и отношений.

Во-вторых, демографический компонент: Исламский мир — это молодой социум. Более 60 процентов населения — это люди до 30 лет. А в целом ряде регионов этот показатель ещё выше. Как в свое время писал, по-моему, Бальмонт: «Когда царит пожар, // Лишь варвар юн и смел, // Не прав лишь тот, кто стар!»

В-третьих, резко увеличивается доля образованных слоёв в мусульманских сообществах, в том числе людей, за спиной которых бакалавриат и магистратура. Один только пример. Палестинский народ — народ, возможно, с наиболее трагической судьбой на планете — по числу студентов на тысячу населения входит в число лидеров во всём мире. На Ближнем Востоке по этому показателю его опережает только Израиль. Речь идёт не только о том, что в принципе быстро увеличивается интеллектуальная компонента Исламского мира, но, что более существенно, возможности внешнего манипулирования такими образованными стратами и слоями существенно уменьшаются.

В-четвёртых, быстрое, скачкообразное развитие глобальных и общерегиональных телевизионных СМИ, социальных сетей за последние двадцать–тридцать лет привело к тому, что среди этих молодых, обра-

зованных групп стало стремительно формироваться наднациональное, прежде всего, религиозное самосознание «мы» как новой мусульманской общности.

В-пятых, стало быстро возрастать значение классического арабского языка как языка международного общения на Большом Ближнем Востоке. Ситуация за последние два-три десятилетия кардинально изменилась: арабский язык во всей коммуникационной сфере этого региона вновь начал постепенно доминировать над местными диалектами и национальными языками. Иначе говоря, язык Корана стремительно возвращает себе статус основного языка всего Исламского мира.

Наконец, в-шестых, с середины 90-х годов прошлого столетия началась обвальная сокрушительная дискредитация традиционных идеологий, идеологических моделей и схем в большинстве стран Большого Ближнего Востока — либерально-прозападных и национально-либеральных, националистических и национал-социалистических, социалистических и коммунистических, патерналистских и панрегиональных и т.д. Объективно образовался огромный мировоззренческий вакуум, который дал толчок усилению влияния политического ислама.

Естественно, в этих условиях стало возрастать значение и субъективных факторов, ведущих к ускоренному накоплению пассионарной компоненты.

И ключевую роль сыграл и продолжает играть именно религиозный фактор. **Ещё с 60-х годов прошлого века началось постепенное социально-политическое и социально-культурное усиление ислама, который многие считают наиболее революционной религией в мире.** Наряду с безусловным императивом стремления к справедливости в исламе важнейшим является жёсткое и бескомпромиссное религиозное требование обязательного сопротивления угнетению. Коран прямо и однозначно говорит: «Аллаху ля

юхиббу залимин» («Бог не любит угнетателей»).

Следующим этапом в усилении пассионарной компоненты в Исламском мире стала великая революция в Иране, которая свергла шаха Реза Пехлеви — одного из самых жестоких тиранов XX века. То, как тысячи и десятки тысяч иранцев погибали во имя своих религиозных революционных идеалов, дало мощный толчок росту пассионарности во многих точках Исламского мира. И уже через несколько лет это сказалось в появлении политического джихада в Афганистане, через который прошли за десять лет несколько сотен тысяч моджахедов со всех концов Исламского мира.

Одна из глубоко сакральных, религиозных целей иранской революции и всей нынешней Исламской Республики Иран заключается в том, чтобы «подготовить весь народ к жизни после смерти». Как ни парадоксально на первый взгляд, приблизительно таких же религиозно-идеологических приоритетов придерживаются нынешние принципиальные оппоненты Исламской Республики Иран на Ближнем Востоке, например, тот же ДАИШ.

После того как Соединённые Штаты объявили тотальную войну исламу в 2001 году и вторглись затем в Афганистан и Ирак, мусульманская пассионарность вышла на новый качественный уровень. И это проявилось в том числе в начавшемся резком возрастании числа радикальных и экстремистских организаций и движений в Исламском мире, появлении первой волны новых харизматических лидеров на локальном и региональном уровнях

Между прочим, по количеству появляющихся харизматичных лидеров и пассионарных личностей Исламский мир уже на несколько порядков опередил другие культурно-цивилизационные ареалы. Это, во-первых, обуславливается готовностью сотен тысяч и миллионов мусульман пожертвовать своей жизнью за свои религиозные идеалы и ценности, осоз-

По количеству появляющихся харизматичных лидеров и пассионарных личностей Исламский мир уже на несколько порядков опередил другие культурно-цивилизационные ареалы. Отсюда и популярный лозунг многих современных радикалов: «Мы любим смерть, так же как вы любите жизнь». Ведь только через осознанную личностную смерть, а не через иллюзорную материальную жизнь, мусульманин приближается к Нему.

нанно преодолевая страх физической смерти. Отсюда и популярный лозунг многих современных радикалов: «Мы любим смерть, так же как вы любите жизнь». Ведь только через осознанную личностную смерть, а не через иллюзорную материальную жизнь, мусульманин приближается к Нему. Во-вторых, форсированное накопление численности пассионарных личностей и групп, всё большее выдвижение харизматичных лидеров на различных социальных уровнях проявляется не только в собственно джихадистском сегменте Исламского мира, но и практически во всех аспектах общественной жизни.

Ученые-мусульмане играют всё более значимую роль в физико-математических исследованиях, в самых инновационных дисциплинах и отраслях. Например, заместителем директора НАСА в США в течение многих лет являлся мусульманин, палестинец по происхождению Исам ан-Нимр.

Мусульманская пассионарность проявляется через различные формы не только собственно в самих мусульманских странах, но и в различных джамаатах по всему миру. Например, среди студенческих и профсоюзных активистов, среди наиболее активных представителей различных социальных институтов и организаций в Западной Европе и Америке постоянно растёт удельный вес молодых мусульман. Между прочим, именно они сыграли, возможно, решающую роль в избрании в прошлом году мэром Лондона Сади́ка Хана — пакистанского мусульманина.

Почему в дискурсе по поводу будущего цивилизационного проекта так важна особая роль пассионарных контрэлитных групп и харизматичных лидеров? Предпосылки новых цивилизационных проектов появляются либо на основе фундаментальных религиозных ценностей, либо на базе таких идеологий, которые либо превратились, либо способны превратиться в новую религию (именно так и произошло с «красным проектом»). Но и в том, и в другом случае **ядром цивилизационного проекта оказывается не текст и не набор текстов, а некая интеграция, консолидация группы харизматичных лидеров и пассионарных элит, объединяющих в дальнейшем вокруг цивилизационного «общего дела» всё более значимые социальные легионы. Реальным субъектом нового цивилизационного проекта как раз и становятся эти три прочно консолидированные компоненты: харизматичные лидеры, пассионарные элиты и контрэлиты, большие группы людей, воспринимающих такой проект как «свой».**

VII.

Бурлящее кипение пассионарности почти повсеместно сопровождается в Исламском мире ростом массовых предчувствий, эмоций и ожиданий приближающегося Судного дня — Яум аль-Кийяма. Ибо всё больше и больше становится сегодня самых разнообразных и неожиданных признаков надвигающегося грозного Апокалипсиса.

Особенно такие настроения характерны для радикальных и экстремистских групп. В августе 2014 года ДАИШ захватил небольшой городок Дабик, население которого составляет всего три тысячи человек, на севере Сирии, в сорока километрах от Алеппо. Само по себе это событие никакого особого военного значения не имело, тем не менее в течение последующих многих месяцев оно бурно обсуждалось на тысячах мусульманских форумов в Европе, Азии, Северной и Латинской Америке. Впоследствии под этим названием «Дабик» стал выходить теоретико-идеологический журнал ДАИШ.

Суть же всего этого феномена в том, что по изначальным исламским преданиям именно у Дабика на исходе времён и состоится финальная битва сил Добра с силами Дааджала (Антихриста).

И вот здесь на передний план выходит вроде бы явное противоречие.

С одной стороны, безусловный пассионарный всплеск — жертвенная борьба десятков и сотен тысяч мусульман в самых разных местах планеты за осуществление солидарной «исламской мечты», нескончаемый поток дискурса в различных уголках Исламского мира по поводу образа будущего, готовность миллионов и десятков миллионов мусульман пожертвовать жизнью за свои религиозно-цивилизационные идеалы.

Но одновременно с другой стороны — массовое распространение экзальтаций, ощущений, эмоций в связи с неотвратимостью приближающегося Судного дня, всё большее распространение в обыденной жизни странных и необычайных признаков Яум аль-Кийяма, о которых предупреждал посланник Аллаха.

Однако на самом деле в контексте глубинных констант исламского мироощущения, исламского восприятия сакральной и профанической реальности никакого противоречия нет.

Безусловность и неминуемость Судного дня — одно из кардинальных положений исламского имана, исламского вероучения. Истиной яв-

ляется то, что этот мир когда-то появился во времени, и истиной является то, что этот мир когда-то исчезнет. В важнейшей суре священного Корана «Аль-Фатихе» отдельный аят описывает Всевышнего как «владыку Судного дня».

Именно в этом контексте Яум аль-Кийяма является прямым указанием для истинного мусульманина на необходимость непрерывного осознания своего долга перед Ним — «здесь и сейчас». Посланник Аллаха, говоря о своей миссии последнего пророка человечества, подчёркивал: «Я только ненадолго опередил приход Яум аль-Кийяма».

Следовательно, исламское сознание формирует своё отношение к приходу Судного дня исходя из его неизбежности и одновременно соче-

тая с указанием пророка Мухаммада, что «этот Час знает только Он».

Никто, даже святые, не может знать, когда наступит Яум аль-Кийяма. Он может произойти через год или через миллион лет. Точно известно только то, что Апокалипсис случится совершенно неожиданно. Хотя некоторые мусульманские учёные считают, что Судный день следует ожидать именно в пятницу.

Отсюда и следует важнейший императив для истинного мусульманина: несмотря ни на что, ты должен каждую минуту безупречно выполнять свой долг перед Всевышним — даже если завтра наступит Судный день. И это понятие «долг» включает в себя два неотрывно взаимосвязанных компонента. Во-первых, твой долг как члена уммы — и он заклю-

чается в том, чтобы бороться против угнетения, за справедливость, за осуществление исламской мечты. Во-вторых, твой индивидуальный долг как уникальной верующей личности.

Четвёртый праведный халиф, великий хазрат Али ибн Аби Таллеб сказал: «Живи так, словно ты будешь жить вечно, и готовься к смерти, как будто ты умрёшь завтра».

И именно так — только одновременно. У тебя как истинного и неповторимого верующего есть свой особый тайный долг перед Ним. Да, на этом жизненном плане смерть тебя всё равно достигнет — возможно, через час, а может, через десять лет. Но в Судный день тебя спросят именно о твоём сокровенном долге перед Вечностью.

/ Александр ДОМРИН /

Американская мечта глазами русского

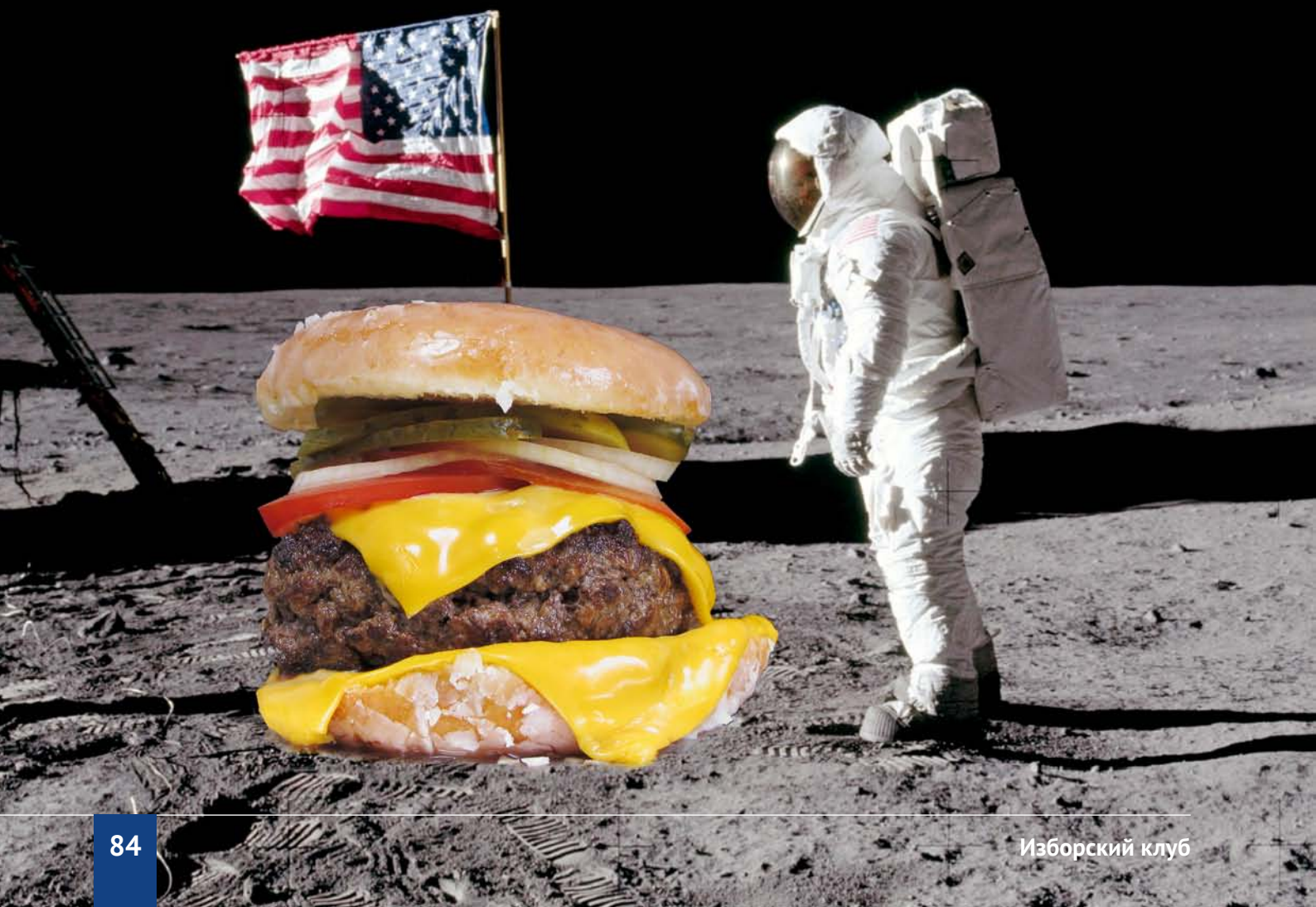
Два прилагательных слова в названии статьи одинаково важны для понимания предмета исследования. Вполне допускаю, что американская мечта (в кавычках или без них) видится совсем иной самим американцам или представителям иных этносов. Поэтому, прежде чем обратиться

к первому прилагательному: американский, начну со второго: русский.

Общим местом в размышлениях о природе России и русского характера давно уже стали понятия «противоречия», «крайности», «extremes».

«Икона и топор» — такое символическое название носило исследование

истории русской культуры директора Библиотеки конгресса США Джеймса Биллингтона, прослужившего в этом качестве 28 лет при пяти президентах: от Рональда Рейгана до Барака Обамы. (Мне посчастливилось работать под его руководством в Вашингтоне и Москве в 1990-е годы.)

«Если забредёт кто нежданный, // Поразится живности бедной, // Нашей редкой силе сердечной // Да дури нашей злой, заповедной», — пел в «Некому берёзу заломати», может быть, лучший русский поэт моего поколения Александр Башлачёв (1960–1988) ¹.

Джордж Кеннан (1845–1924), американский журналист, путешественник, писатель, автор книг о Сибири и сибирской ссылке, называл противоречия и контрасты «сутью России»: «Запад и Восток, Тихий и Атлантический океаны, Арктика и тропики, сильный холод и сильная жара, длительная праздность и неожиданные взрывы энергии... показное богатство и унылая бедность... одновременная любовь и ненависть по отношению к тем же самым объектам... Русские не отвергают эти противоречия. Они научились жить с ними и в самих себе. Для них они — соль жизни... Американский ум не воспримет Россию, пока не будет готов философски признать законность противоречий».

Парадоксально, но, говоря о «противоречиях» России, Джордж Кеннан противоречил самому себе, что весьма характерно для некоторых, якобы «объективных» американских наблюдателей в отношениях с русской реальностью, когда, с одной стороны, они призывают «американский ум» воспринимать Россию как она есть, а с другой — сделать всё, чтобы сломать нашу страну через колено. Кеннан был известен своей критикой общественно-политического строя России и поддержкой российских революционеров и террористов. Публичные разоблачения тяжёлых условий содержания политзаключённых в сибирской ссылке стали

толчком к созданию в США «Общества друзей русской свободы» (1891–1919). По сути, Кеннан стал одним из флагманов первого американского «крестового похода» против России, когда — в отличие от предыдущего столетия — американцы всё меньше считали Россию «далёким другом» и начали бороться якобы за «освобождение» русских от царизма во имя политической и религиозной свободы, а также экономической модернизации. Символично, что именем Джорджа Кеннана назван крупнейший институт российских исследований в Вашингтоне (Kennan Institute for Advanced Russian Studies).

В значительной степени контрастом таких настроений и усилий по дерусификации и американизации России «цивилизовать» нашу страну, «втянуть Россию на Запад» (pull Russia to the West), как называет этот процесс один из наиболее упёртых представителей нового «крестового похода» Майкл Макфол, представляется позиция внучатого племянника Кеннана — Джорджа Фроста Кеннана (1904–2005), посла США в СССР (1952), автора концепции «сдерживания» Советского Союза (именно сдерживания, а не агрессии) и активного оппонента расширения НАТО на Восток после распада СССР².

Между тем до начала первого «крестового похода» США против России конца XIX — первых десятилетий XX вв. отношение многих американцев к России было куда более адекватным. Оно начало формироваться ещё до формального провозглашения Северо-Американских Соединённых Штатов. Историк Юджин Энчел, автор книги «Американский образ России», приводит такой малоизвестный факт:

британский аристократ, религиозный проповедник и один из создателей североамериканских колоний Уильям Пенн в 1698 году в Англии встречался с Петром Первым и обсуждал с ним возможность создания справедливо-общественного устройства. Идеи Пенна частично были воплощены в жизнь в основанной им колонии Пенсильвания, главный город которой — Филадельфия — стал первой столицей самопровозглашённого государства САСШ. (Сам Пётр, если верить преданиям, посетив инкогнито английский парламент, где ему перевели выступления депутатов перед королём Вильгельмом III, признал: «Весело слышать то, когда сыны отчества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно»).

Не будем забывать и о том, что частично благодаря действиям России, отказавшейся предоставить войска Великобритании для подавления американской революции, США обрели независимость. А в ходе Гражданской войны 1861–1865 гг. русский царь Александр II занял правильную сторону истории и поддержал Север республиканца Авраама Линкольна против демократов-рабовладельцев Юга.

Священник Джедайдиа Морз (1761–1826) посетил Россию в начале 1790-х годов и оставил свои воспоминания: «Ныне французские и английские джентльмены могут комфортабельно жить в России так же, как и в любой части Европы. Сами русские весьма редко посещают иные государства — это объясняется их страстной любовью к родным местам. Однако русских дворян ныне можно найти при любом европейском дворе. Русские печально прославле-

¹ И тут же — словно ведя полемику с параллельной и не пересекающейся с его, Башлачёва, русской реальностью, — продолжает: «Вы всё между ложкой и ложью, // А мы всё между волком и вошью... // Наши беды вам и не снились, // Наши думы вам не икнулись, // Вы бы наверняка подавились, // Мы же ничего — облизнулись».

² Выступая 4 апреля 1989 года в Комитете по международным делам сената США на тему «Будущее американо-советских отношений», 85-летний Джордж Ф. Кеннан закончил свою речь следующими словами: СССР «следует рассматривать в качестве ещё одной великой державы, подобно другим великим державам, чьи устремления и политика, безусловно, обусловлены своим географическим расположением, историей и традициями и поэтому не идентичны нашим собственным. Но которые также не настолько серьёзно конфликтуют с нашими, что оправдывало бы любое предположение о том, что имеющиеся разногласия не могут быть скорректированы с помощью обычных средств компромисса и диалога».

ны своей жестокостью, варварством и многообразием наказаний. В то же время, если внимательно изучить этот вопрос, можно выяснить, что в результате жестокого обращения в России погибает не больше преступников, чем в иных европейских странах».

Вторая часть комментария не совсем корректна. В то время как в Англии в конце XVIII века, согласно классике английского конституционализма Уильяму Блэкстоуну, количество составов преступлений, карающихся смертной казнью, равнялось 160, а к началу XIX века достигло 223, «Воинский артикул» Петра I предполагал применение смертной казни в 123 случаях, однако реально смертная казнь применялась только за мятеж, убийство и измену (в остальных случаях практиковались телесные наказания, ссылка на каторгу и клеймление). На деле смертная казнь в России почти не применялась. Согласно наиболее полному 500-страничному исследованию С. Ушеровича 1933 года «Смертные казни в царской России» в годы царствования Александра I (1801–1825), число лиц, казнённых за уголовные и политические преступления, равнялось 24 (по 1 человеку в год), при Николае I (1825–1855) — 41 (включая декабристов), при Александре II (1855–1881) — 31 и при Александре III (1881–1894) — 33 (включая 14 террористов). Эта статистика не включала число репрессированных в ходе подавления восстания в Польше, однако в любом случае была несопоставима с аналогичной статистикой в «просвещённой» Европе и куда как менее просвещённой Америке.

Американский предприниматель Уильям Льюис (1792–1881) жил в России с 1814 по 1824 год: «Крестьяне питаются простой пищей, но имеют её в достаточном количестве и получают столько же питательных веществ, что и люди, питающиеся деликатесами. Почти все русские женщины имеют курносые носы, маленькие глаза и большие скулы, их лица невыразительны. Русские дворяне живут прекрасно, их вежливость и госте-

приимство превосходят все границы — без сомнения, это превосходные люди».

Военный журналист Джануариус Макгэхэн (1844–1878) посетил Россию в начале 1870-х годов: «Русские офицеры храбры, как львы. Однако они выполняют неразумные приказы, порой проявляя бессмысленный героизм. Офицеры чётко демонстрируют, что им нравится, а что нет. В отношении французов и американцев они демонстрируют крайнее дружелюбие. Они предпочитают говорить по-французски, любят французскую музыку и литературу и стараются имитировать французский стиль жизни. Многие из них могут считаться идеалами командира, отдающего приказы, без сомнения, лучшим солдатам мира».

Посол США в России при президентах Линкольне и Джонсоне (1863–1869) Кассиус Клэй (1810–1903) так писал о нашей стране: «Нет более щедрого и гуманного народа на земле, чем русские. В России никто не умирает от бедности, как это происходит в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Везде действуют благотворительные общества, и российские аристократы собирают колоссальные средства, чтобы помочь нуждающимся. В России все места — даже самые прекрасные парки — открыты для увеселения и прогулок всего народа. На их воротах никогда не вешают табличку «бродягам вход воспрещён», как это делается в Англии и Америке. В России аристократы крайне вежливо говорят со своими подчинёнными — в Англии и Америке даже домашних слуг оскорбляют. Улицы Санкт-Петербурга в сотни раз чище, чем улицы Ричмонда (*столица расположенного рядом с Вашингтоном штата Вирджиния*. — А. Д.). Русские — наиболее радушный и гостеприимный народ на земле. Правда, что русские разделены различными рангами, но духовность в России уничтожает все искусственные барьеры. Это причина того, почему русские никогда не эмигрируют из своей страны. Это причина невероятной храбрости русской армии,

демонстрирующей стойкость и героический патриотизм».

В 1887–1888 гг. американец Альберт Ф. Хёрд, видимо, живший в это время в России, опубликовал две примечательные статьи «Россия сегодня» и «Право и судебная система России» в популярнейшем в то время Harper's New Monthly Magazine, в которых писал о том, что Уголовный кодекс Российской империи был «одним из самых мягких в Европе». Крупнейший американский специалист по законодательству Российской империи Марк Шефтел характеризовал Устав уголовного судопроизводства 1864 года «аналогом (британского) Habeas Corpus Act».

С американскими наблюдениями XIX века солидаризируется в своей книге «Русские» профессор Сассексского университета Робин Милнер-Гулланд: «Любой, кто воображает, что курс русской предсоставленной истории был особенно варварским или кровавым, должен помнить о почти полном отсутствии по сравнению с западными землями охоты на ведьм, крестовых походов, узаконенной смертной казни (упразднённой при Елизавете в середине XVIII века). Жестокие эпизоды периода царствования Ивана Грозного и Петра Великого были травматичными, потому что они были нехарактерными».

Однако в целом современные западные оценки России, её культурного, духовного и исторического наследия отличаются такими же крайностями и «экстримами», как приведённая выше цитата Джорджа Кеннана. Если, по словам французского поэта, «даже если всё умрёт и сохранятся только останки Древней Греции и России XIX века, то ничего не будет потеряно» (Поль Валери), то американский учёный утверждает, что у России и русских полностью отсутствует «культурный капитал» (Ричард Пайпс).

«Скифский комплекс» России (как его иногда называют в Европе и Америке) — диалектическая дихотомия, с одной стороны, являться

неотъемлемой частью европейской цивилизации³, а с другой — исторически находиться в противостоянии с ней; влечение к «Западу» и отчуждение от него⁴; восторженная восприимчивость ко всем культурам, естественный и абсолютно органичный мультикультурализм («всечеловечество» по термину Достоевского) и традиционная российская подозрительность к «чужому»; двуглавый орёл как исторический символ России,

когда «один с изумлением смотрит на Запад, а другой с восторгом глядит на Восток» (Борис Гребенщиков); непрекращающийся диалог между теми, кого очень условно можно назвать «западниками» и «славянофилами», — проявляется в различных формах общественной жизни и общественных дискурсов, в том числе в нашем, русских отношении к мифу об «американской мечте», не составив корректного представ-

ления о котором невозможно понять ни российскую цивилизацию, ни современную Америку⁵.

Российский литературовед, культуролог, доктор филологических наук Георгий Гачев является создателем нового понятия: «природина». По его словам, «природа каждой страны — это не географическое понятие, не окружающая среда, *environment*, для нашей эгоистической человеческой пользы. Природа есть мистическая субстанция,

³ «Россия существенно не отличается от Европы, но Россия по сути всё же не является Европой» (*Russia does not differ essentially from Europe but Russia is not yet essentially one with Europe*), как писал Томаш Гарриг Масарик (1850-1937), чешский историк и первый президент Чехословацкой республики, в своём исследовании «Россия и Европа», вышедшем в США под названием «Дух России» (*Spirit of Russia*).

⁴ «Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». (А. С. Пушкин, из письма П. А. Вяземскому, 27 мая 1826 г.)

⁵ Сразу оговорюсь, что применительно к американской или какой-то иной «мечте» слово «миф» не несёт какого-либо негативного смысла. Мифотворчество играет особую роль в социальной и политической истории любого народа. Являясь не столько культурным, сколько психологическим феноменом, миф выступает как средство самоидентификации общества, во многом определяя национальный менталитет и поведение. Существующий на протяжении всего развития человечества как связующее звено между человеческим творчеством и природой, миф играл важнейшую роль погружения в глобальную картину мира, чем удовлетворял потребность личности в целостном воспроизведении и понимании действительности. Именно миф (и ничто другое) во все времена упорядочивал социальную жизнь индивидов, позволяя понять, определить своё место в социуме. Всё это создавало ощущение гармонии и порядка, чувство единства и солидарности всех членов общества.

«природина» — мой неологизм, природа и родина, мать-земля своему народу... Что тогда история? История — это супружеская жизнь народа и «природины». Культура — чадородие их брака. Природа — это текст, скрижаль завета, которую данный народ призван прочесть, понять и реализовать в ходе истории. В этой драме является новый актёр — труд, который является создателем культуры на этой земле. Труд работает и в соответствии с природой, и в то же время дополняет то, чего не дано стране от природы».

«Природина» России, большая часть которой располагается около или за Полярным кругом, в зоне вечной мерзлоты, имеет мало общего, кроме географических просторов, с «природой» Америки или Европы.

Даже в южных областях Сибири средняя температура в январе составляет минус 20 градусов по Цельсию. Только полярная территория Сибири в 10 раз больше территории Франции

и в 15 раз больше Германии. Северные штаты США — Монтана, Вашингтон, Северная Дакота, Мэн — находятся на той же широте, что и южные регионы России, являющиеся основными сельскохозяйственными регионами. Северные границы канадских провинций — Манитоба, Британская Колумбия, Альберта, Онтарио, Квебек — находятся на одной параллели с Петербургом и Южным Уралом. Если в Ванкувере средняя температура в январе составляет минус 2 градуса по Цельсию, то в Иркутске — минус 30. При этом север Канады абсолютно пуст. Население Аляски, самого большого штата США, — 740 тысяч человек. При этом население Анкориджа, самого крупного города штата, составляет 300 тысяч человек. (Для сравнения: в Техасе, хотя он вдвое меньше Аляски, проживают 28 млн человек.) Благодаря Гольфстриму Скандинавия также намного теплее, чем Россия: если в Норвегии средняя температура в январе составляет

плюс 2 градуса по Цельсию, то в находящемся на той же параллели Якутске — минус 45. Столица США город Вашингтон, далеко не самый южный город страны — 39-й градус северной широты, находится всего на полградуса севернее Ашхабада и Душанбе.

В целом области с благоприятными условиями для сельского хозяйства (Северный Кавказ, Центрально-Чернозёмный район, Среднее Поволжье) занимают чуть более 5% территории нашей страны, и вегетативный период для основных сельскохозяйственных культур длится всего 50—60 дней. По обеспеченности теплом и влагой Россия значительно уступает США, чей агроклиматический потенциал выше в 2,5 раза, или Франции — в 2,25 раза. Если французскому или американскому фермеру требуется 5 гектаров земли для того, чтобы накормить свою семью из четырёх человек, то русскому крестьянину — 20–30 гектаров.

О чём это говорит?

Исторически американский фермер мог работать на своей «природине» в одиночку — при наличии огнестрельного оружия (что гарантировала одна из главных — Вторая! — поправка Конституции США), чтобы отбить попытки покуситься на его надел земли. Отсюда традиционно более развитое обеспечение индивидуальных (личных и гражданских) прав жителей США. Тогда как на русской «природине» можно было жить и выживать только коллективом, общиной. Отсюда — столь же традиционно, ещё до советской власти, — более развитое обеспечение коллективных (социальных и экономических) прав русского народа.

Именно поэтому Георгий Гачев говорил не только о «самосделанных» американцах (self-made men), но и об Америке как «самосделанном мире» (self-made world), искусственной американской цивилизации, построенной переселенцами из Англии и основанной на талантливом труде и восхитительной американской природе и природных богатствах.

Что до России, есть определённое соответствие между необъятностью русской земли и русской души, между географией физической и духовной. Такая же необъятность и устремлённость в бесконечность, как в русской равнине, есть в душе русского народа. У народов Америки всё более определённо, но русский народ более обращён к бесконечности.

Россия, по Гачеву, это «горизонталь, стрелка, луч и однонаправленная бесконечность. «Русь, куда несёшься ты?» ...Есть начало и незавершёнка, есть процесс и нет конца». Другое дело Америка — «эмблема доллара неслучайна. Вот эта вертикаль, древо и змий. Змий обвивает древо жизни».

За более чем 60 поездок в США — от Вашингтона, Нью-Йорка и Гарварда до Айовы, Оклахомы и Колорадо — автор этих строк не раз задумывался над вопросом: «Какая она — «американская мечта» (American Dream)?» Само понятие часто используется для описания некоей общенациональной идеологии, объединяющей

американцев. Однако **чёткого определения «американской мечты» не существует.** Каждый житель США вкладывает в неё свои собственные представления о прекрасном будущем.

Обычно этот тезис считают одним из основ протестантской трудовой этики. Любопытно, что само это понятие появилось через полтора века после образования США. Квинтэссенцией американской мечты принято считать представление о том, что каждый человек, обладающий способностями, энергией и трудолюбием, способен честным путём преуспеть в жизни, что каждое следующее поколение будет жить лучше, чем предыдущее, что успехи человека зависят от его личных способностей и честного труда, а не от изначальной принадлежности к определённому общественному классу или группе.

По мнению многих исследователей, основой феномена американской мечты является принцип индивидуальной свободы. Некогда США представлялись европейцам уникальной страной, где нет королей и дворянства, то есть структура общества и правила поведения в нём не обусловлены сословными различиями. В США никогда не было официальной религии, что также отличало Соединённые Штаты от подавляющего большинства стран мира. Жизнь американца не сковывали сотни и тысячи формальных и неформальных законов, традиций и обычаев. Таким образом, гражданин США получал невиданную для остального мира свободу — самовыражения, творчества и предпринимательства. Именно в XIX веке США начали называть «страной свободы», причём это определение исходило отнюдь не от самих американцев.

Не случайно, что миллионы жителей Европы и Азии предпринимали серьёзные усилия, пытаясь иммигрировать в США. Журналист и писатель Дэвид Брукс, автор книги «В поисках рая», резюмирует: «Европейцы представляли американские колонии будущей утопией. Они отправлялись в Новый Свет в поисках не только мифической «золотой страны» Эльдора-

до, но и в поисках источника вечной молодости». Заслуга в формировании подобного социального устройства новой страны принадлежала первым европейским поселенцам, во многих случаях принадлежавших к гонимым в Европе религиозным общинам. Своё переселение в Новый Свет они рассматривали как избавление от мук: переселенцы считали, что североамериканские колонии должны стать «раем на Земле», поскольку в Европе власть принадлежит самодержавным деспотам. Огромное влияние на создание культуры США оказали именно эти воззрения, опиравшиеся на религиозные каноны (во многих случаях Библия выполняла роль неформального свода законов и представлений о правилах повседневной жизни).

Квинтэссенцией этого мировоззрения стала символическая фраза «Град на холме» (City upon a Hill), принадлежащая проповеднику Джону Уинтропу и навеянная Евангелием от Матфея. В 1630 году Уинтроп призывал создать мир, в котором каждый мог бы найти себе средства для пропитания, мог бы сам выбирать способы приложения своих сил, где голос каждого мог бы быть услышан, а собственность человека не могла быть отчуждена от него в результате произвола сильных и богатых. Пуритане, к которым обращался Уинтроп, должны были стать создателями нового мира, возвышающегося над миром старым, в котором грех и несправедливость торжествовали чаще, чем святость и добро. Общепризнанность идеи «Града на холме» позволила историку Сэквану Берковичу прийти к выводу, что США стали уникальным образцом страны, основанной на коллективной фантазии. Или мифе, о чём я уже говорил.

В момент образования США в 1776 году жители страны могли гордиться тем, что американское общество было обществом «относительной свободы и относительного равенства» (оценка историка Элис Джонс, автора книги «Богатство нации»). Страна была мало населена, рабочие руки были в цене, и любая

попытка использовать наёмного работника на кабальных условиях быстро пресекалась — работник бросал плохого хозяина и уходил искать счастья в иные места. Естественно, это было верно лишь в отношении людей с белым цветом кожи. США предоставляли прекрасные возможности для обретения богатства: неисследованные недра, плохо развитая экономика и т.д. В результате человек мог преуспеть благодаря случаю: например, открыв месторождение золота или реализовав оригинальную бизнес-идею.

В 1870–1900-е годы США превратились в индустриально развитую страну и стали одной из ведущих промышленных держав мира. Некоторые предприниматели — иногда их называют «баронами-разбойниками» (robber barons) — стали реальными символами «американской мечты»⁶. Однако «американская мечта» не была мечтой о миллионах долларов. Миллионеров в США было относительно немного: в XIX — начале XX вв. американские богачи, как правило, были намного бедней, к примеру, британских аристократов. Брэдфорд Делонг, профессор экономики Калифорнийского университета в Беркли, пришёл к выводу, что на протяжении большей части истории США стать миллионером было практически невозможно. Исключением были промежутки времени с 1870 по 1929 год и с 1980 года по наши дни. Число миллиардеров в США постоянно колебалось. К примеру, в 1860-е годы их было всего двое. В 1900 году — 22 (то есть миллиардеры составляли 0,00008% трудоспособных американцев), в 1957 году — 16 (соответственно, 0,00002%), в 1996 году — 132 (0,0001%).

Сама фраза «американская мечта» появилась из-под пера историка Джеймса Траслоу Адамса, который в 1931 году опубликовал книгу «Эпика Америки» (The Epic of America). В то время США переживали тяжелейший экономический кризис — Великую

депрессию. Адамс попросил издателя дать этой книге название «Американская мечта», однако тот отказался, заявив, что настоящий американец никогда не потратит три с половиной доллара на покупку «мечты». Адамс парировал: «Настоящий американец всегда готов истратить на мечту всё до последней копейки». Но издатель настоял на своём. Адамс так описал американскую мечту: «Это мечта о земле, на которой жизнь будет более богатой и более полноценной для всех. Где каждый имеет равные возможности и при желании может полностью реализоваться. Американская мечта — это не только надежда на высокие заработки, но и на общество, в котором каждый сможет добиться наивысших результатов и обрести признание».

Книга Адамса появилась в нужное время и в нужном месте. Американцы нуждались в переоценке ценностей, во вдохновении и глотке оптимизма. Фраза Адамса — точнее миф, вербализованный им, — оказалась именно тем лекарством, в котором нуждалась страна.

Дэвид Брукс резюмирует: «Американцы проживают свою жизнь, мечтая о будущем. Чтобы понять Америку, необходимо серьёзно относиться к центральному клише американской жизни — американской мечте. Несмотря на то что мы сталкиваемся со скукой и банальностью повседневности, эта мечта оживляет нас, придаёт нам силы и заставляет работать так много, переезжать так часто, изобретать так активно и меняться столь стремительно. Мы продолжаем стремиться к новому и необычному, даже несмотря на то, что это не всегда приносит нам пользу и удовольствие».

Ныне достаточно распространена точка зрения, что американская мечта — **отмирающая идея**. Многие жители США считают, что труд далеко не всегда приводит к достатку, а честность — к уважению окружающих. Впервые появились серьёзные опасе-

ния, что следующие поколения американцев будут жить хуже, чем их отцы и деды. Известный писатель Гор Видал назвал этот процесс «эрозией американской мечты».

Американскую мечту ругают за её «приземлённость» и «материалистичность», то есть за то, что счастье представляет собой определённый уровень достатка. Критики называют это пустым и поверхностным представлением о счастье, поскольку на деньги счастье не купишь. Они называют ложью представление о том, что все могут достичь успеха и материального благополучия честным трудом. По их мнению, вера в эту ложь приводит к «стигматизации» бедных. Неимущих обвиняют, что им были предоставлены все условия для успеха, однако они не захотели ими воспользоваться. Последствия этих взглядов прослеживаются и в социальной политике, которую реализует американское государство: противники расширения программ социальной помощи неимущим априори считают, что бедность является доказательством лени.

Предполагается, что отсутствие внутренних границ и «каст» в американском обществе позволяет людям менять свой социальный статус и уровень достатка. Улучшение материального положения сына по сравнению с отцом всегда являлось доказательством реальности американской мечты.

Однако есть и менее оптимистичные оценки: по данным журнала Business Week, в 1973 году 23% американских «детей» заметно улучшили свое материальное положение по сравнению с «отцами» и передвинулись в социальную группу с более высоким уровнем дохода. В 2004 году аналогичного результата удалось достичь лишь 10% «детей». В 2010-х эта тенденция ещё более усиливается.

На протяжении большей части американской истории сохранялась следующая пропорция: примерно

⁶ К примеру, промышленник Эндрю Карнеги был эмигрантом, происходил из нищей семьи, не получил практически никакого систематического образования, но благодаря собственной настойчивости, таланту, трудолюбию превратился сперва в «капитана» американской экономики, а позже в видного политического деятеля и крупнейшего филантропа.

18% национального богатства принадлежали 1% населения страны (периодически эта пропорция менялась, обычно в сторону большей концентрации богатства в руках элиты). Однако, по последним исследованиям, с 1973 по 2000 г. средний доход 90% наиболее низкооплачиваемых американских налогоплательщиков в этот период уменьшился на 7%. В то же время доход 1% наиболее богатых жителей США увеличился на 148%. **Американская элита всё более замыкается в себе**, передавая капиталы по наследству, а малоимущие получают всё меньше шансов конкурировать с ней.

Конечно, надо признать, что США многого достигли в борьбе с неравенством. Да, американки получили избирательные права позже, чем женщины в Советской России, и в значительной мере как реакция на Октябрьскую революцию. Да, чернокожие вплоть до Закона о гражданских правах 1964 года оставались американскими «унтерменшами», недочеловеками. Но ситуация коренным образом отличается от 1787 года, когда Конституция США гордо начиналась со слов «Мы, народ Соединённых Штатов... содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы» и т.д., с небольшой поправкой: «мы», «нам», «нашему» относилось исключительно к богатым белым мужчинам-протестантам. США успешно абсорбировали десятки миллионов иммигрантов со всего света, причём многие из них — включая выходцев из Российской империи и СССР — преуспели и стали новыми символами американской мечты.

В значительной степени — пусть и с большими оговорками — миф под названием «американская мечта» доказал свою внутреннюю, на территории США, жизнеспособность. Но что нам, русским, до него? «Что ему Гекуба, что он Гекубе?» Дело в том, что у американского мифа есть своя внешняя составляющая, и она имеет непосредственное отношение к России.

Я уже говорил о первом «крестовом походе» США против России. Кроме сугубо экономической составляющей —

некоторые крупные американские компании пытались открыть для себя выход на русский рынок, получить дешёвый доступ к нефтяным месторождениям и т.д., — он имел значительно более глубокий, не материальный подтекст.

Лучше всего об этом рассказано в книге «Американская миссия и «Империя зла». Крестовый поход за «Свободную Россию» с 1881 года» профессора Университета Ратгерс Дэвида Фоглсонга. По его мнению, Россия стала «особым» проектом США и в конечном итоге «тёмным двойником» (the Dark Double), «демонической противоположностью» Америке.

В конце XIX — начале XX вв. в США сформировалась идея, что, несмотря на то, что Россия и США имеют разный исторический опыт и политическое устройство, Россия на самом деле по-

хожа на США и поэтому ей суждено идти американским путём. Это убеждение американцев основывалось на нескольких факторах. Во-первых, и Россия, и США занимали большие территории на огромных континентах, что, как считалось, подразумевало общую широту характеров американского и русского народов. Считалось, что основные черты американского этноса были сформированы в результате территориальной экспансии США от атлантического побережья к тихоокеанскому, что и привело к возникновению традиций демократии, эгалитаризма и индивидуализма. Многие в США полагали, что у России, может быть, был аналогичный опыт.

Сработали ещё два фактора: раса и религия. Всё тот же Джордж Кеннан постоянно подчеркивал, что русские —

белые люди, иногда даже называя нас арийцами. Это представление способствовало возникновению мнения, что русские, намного более чем азиатские народы, годятся для того, чтобы пойти по американскому пути демократии, современной экономики и христианства.

Среди миссионеров, считавших Православную церковь «отсталым» и «крайне суеверным» видом христианской веры, в то время было популярно мнение, что русские, которые исповедуют лишь «номинальное» христианство, смогут быть обращены, как они считали, в «настоящее» христианство, поскольку тысячелетие православия подготовило русских к «полной и подлинной» христианизации.

Намерения «освободить» Россию возрождаются в США снова и снова.

Каждая кампания по «преобразованию» и «реформированию» России заканчивалась большим разочарованием, однако со временем чувство восторга и надежды снова проявляется в США.

Эйфория началась в 1917 году, когда крах царской автократии в феврале 1917 года в США был воспринят с восторгом — его посчитали внезапным началом «демократизации России». Тогда считалось, что Февральская революция в России являлась воплощением американских принципов 1776 года. Это впечатление было обусловлено контактами, которые существовали между американскими либералами и русскими кадетами и эсерами⁷.

В третий раз некоторая эйфория возникла в период Второй мировой

войны. В то время когда США и СССР были союзниками в борьбе против нацистской Германии, появилась идея, что американское влияние на сталинскую Россию может привести к появлению «новой России». Опять-таки есть три причины этого. Экономическая: в рамках программы «ленд-лиза» США передали СССР оружия, товаров и сырья на 11 млрд долларов. Бытовало мнение, что Советский Союз станет хорошим рынком для американских товаров, и, более того, американские товары окажут влияние не только на экономическую модернизацию СССР, но и на преобразование всей страны. Были и религиозные факторы, потому что во время войны Сталин прекратил преследование Православной церкви, и это было истолковано в США как знак

⁷ Однажды в штате Мэн мне пришлось разговаривать с пожилым корреспондентом газеты Portland Press Herald, который с восторгом рассказывал о том, что ему когда-то довелось брать интервью у Александра Керенского, и был очень удивлен моему более чем скептическому отношению к этому историческому персонажу.

того, что Россия вернётся в лоно христианской цивилизации.

Следующая история такого рода произошла только в конце 1980-х и в начале 1990-х годов, когда многие поверили в возможность быстрой реорганизации России.

«Что является обескураживающим, — пишет Дэвид Фоглсонг, — это привычка американских политических и журналистских кругов очернять тех россиян, которых они считают ответственными за то, что Россия не становится более похожей на США. Американские журналисты предполагают, на основе американского опыта, что Россия должна быть именно такой, а если она другая, то это просто патология. Однако русский исторический опыт очень отличается от американского... **Американские журналисты и политики склонны всё упрощать и оценивать события в России на основе американских стандартов**, которые могут быть не совсем подходящими... Слишком часто Россией пытаются играть в политический футбол, слишком часто её уподобляют капризному ребёнку и делают козлом отпущения».

Книга Дэвида Фоглсонга поднимает ещё более важную проблему. Продолжающееся полтора века — то есть более половины истории современной Америки — стремление «освободить» Россию сделало нашу страну «тёмным двойником» или «воображаемым близнецом» Соединённых Штатов и привело к тому, что Россия играет всё более важную роль в самоидентификации самой Америки, а мы, русские, — стали своего рода зеркалом американцев. По словам автора, Россия сыграла роль постоянной потребности Америки в самоуверенности. «Россия, как мальчик для битья и потенциальный бенефициар американской филантропии, во многом способствовала тому, что многие американцы убедились в уникальных благословениях (unique blessings) своей страны и в том, что Америка играет свою особую роль в мире».

Конечно, в значительной степени процесс был двусторонним, о чём,

Миф под названием «американская мечта» доказал свою внутреннюю, на территории США, жизнеспособность. Но что нам, русским, до него? Дело в том, что у американского мифа есть своя внешняя составляющая, и она имеет непосредственное отношение к России. Намерения «освободить» Россию возрождаются в США снова и снова. Каждая кампания по «преобразованию» и «реформированию» России заканчивалась большим разочарованием, однако со временем чувство восторга и надежды снова проявляется в США.

в частности, говорится в книге Э. Я. Баталова «Русская идея и американская мечта».

Сравнение двух обществ (российского и американского), интеллектуальное «выяснение отношений» с Америкой на протяжении десятилетий в диапазоне «любовь — ненависть» — явление вполне естественное. Противоречивость восприятия россиянами Америки характерна для всей истории российско-американских отношений. Вспомним имена таких российских интеллектуалов досоветской истории, как А. Пушкин, В. Белинский, Д. Менделеев, славянофилы, которые видели в Америке воплощение голого материального расчета и бездуховности. Но были и такие — к примеру, некоторые из декабристов, — кто восхищался общественно-политическим устройством Соединённых Штатов и предлагал брать его за образец.

Для СССР и советского руководства в отношении США была характерна особая амбивалентность. Осуждая «реакционный» общественно-политический строй США, оно признавало вместе с тем передовой характер американской техники, достижения которой вполне могли быть позаимствованы самым прогрессивным в мире советским общественно-политическим строем. Эта двойственность в восприятии американских реалий порождала анекдотические суждения о США. Одно из них — знаменитый риторический вопрос советского политического обозревателя и американиста

В. С. Зорина: «Хороши американские дороги, но куда они ведут?»

Ещё более известно противоречивое отношение к США Н. С. Хрущёва. С одной стороны, он поставил исторической сверхзадачей «похоронить Америку», а с другой — выдвинул в качестве основополагающей цели своего правления «догнать и перегнать Америку». Указать взрывоопасному вождю на очевидное противоречие открыто в СССР никто не осмеливался, но авторы анекдотов армянского радио на это решились: «Если Америка катится в пропасть, зачем мы её догоняем?»

Одно несомненно: лозунг «Догнать и перегнать Америку» экономически стал во второй половине XX века своего рода «Великой советской мечтой».

Теперь понятно, почему в последние годы — особенно в ходе недавней президентской кампании в Америке и после победы Трампа — именно Россия как «тёмный двойник», «воображаемый близнец», «гарсон номер два» играет столь важную, если не сказать ключевую, роль во внутренней политике США.

И неудивительно, что протестующие против сноса памятника генералу-конфедерату Роберту Эдварду Ли (1807–1870) в городке Шарлоттсвилль (штат Вирджиния) скандировали: «Россия наш друг!»

Словом, хотим мы того в России и Америке или нет, но, как пелось в известном шлягере 1970-х: «Нам не жить друг без друга!»

/ Юрий ТАВРОВСКИЙ /

Китайская мечта: итоги первой пятилетки

年年有余
节俭

中国梦
CHINA DREAM

Успех или неудача ведущих государств мира в конечном итоге зависит от наличия долгосрочной стратегии развития, её адекватности конкретным условиям и эффективности правящей элиты в реализации намеченного. Только имеющие ясную перспективу страны смогут оставаться субъектами постоянно меняющегося мирового порядка, а не превращаться в объект воздействия конкурентов. Среди мировых держав пока только Китай смог сформулировать долгосрочный план развития. Он называется «китайская мечта», включает в себя идеологическую составляющую, экономические и управленческие стратегии, имеет два контрольных временных рубежа и должен быть выполнен к 2049 году.

Долгосрочное планирование началось в Китае только в 2012 году и связано с именем нынешнего руководителя страны Си Цзиньпина. Его приход к верховной партийной и государственной власти стал началом качественно нового этапа в развитии страны. Ключевой характеристикой этого этапа стал переход от внедрённого ещё в 50-е годы краткосрочного (пятилетки) к долгосрочному стратегическому планированию на целые десятилетия.

Выступив 29 ноября 2012 года, всего через две недели после завершения XVIII съезда КПК в Национальном музее, Си Цзиньпин заявил: *«Нескончаемая борьба, продолжающаяся со времён Опиумных войн вот уже 170 лет, открыла блистательные перспективы великого возрождения китайской нации. В настоящее время мы, как ни в один исторический период ранее, близки к осуществлению нашей цели — великому возрождению китайской нации, и, как никогда раньше, мы уверены в нашей способности достигнуть этой цели».*

Си Цзиньпин сразу определил этапы достижения поставленной цели: *«Я твёрдо убеждён, что к столетней годовщине основания компартии Китая (2021) неизбежно будет осуществлена задача создания “сяокан”, общества средней зажиточности. Ко времени столетия создания КНР (2049), несомненно, будет выполнена задача по созданию богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства».*

В этом первом публичном выступлении перед своим народом и всем миром в качестве нового руководителя Си Цзиньпин продемонстрировал стратегическую глубину своего видения текущего отрезка истории Поднебесной — 170 лет назад, от начала первой Опиумной войны (1840) и 37 лет вперёд, до столетия образования КНР (2049). Итого — два с лишним столетия. Своё десятилетнее правление — два раза по пять лет в соответствии с установленным Дэн Сяопином

порядком ротации высшего руководителя — он начал с постановки перед китайской нацией долговременной стратегической задачи почти на четыре десятилетия. Такого до Си Цзиньпина не делал ни один правитель Китая.

СЕРДЦЕВИНА «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ» — ПАТРИОТИЗМ

План Си Цзиньпина был изложен уже после завершения съезда правящей партии. Но он быстро был обсуждён и одобрен на всех уровнях партийных организаций, стал партийным документом. На состоявшихся вскоре сессиях китайского парламента (ВСНП) и консультативного собрания (ВК НКПСК) произошло не только утверждение генерального секретаря ЦК КПК на пост председателя КНР (президента Китая), но также одобрение плана «Китайской мечты». Поблагодарив народных избранников за доверие, Си Цзиньпин начал развивать концепцию «китайской мечты», назвав **три главных условия её осуществления**.

1. Обязательно идти по китайскому пути, то есть по пути социализма с китайской спецификой. Китайская нация — это нация незаурядной креативности. Раз мы сумели создать великую китайскую цивилизацию, то тем более сможем продолжать и расширять путь развития, соответствующий китайским реалиям.

2. Необходимо возвышать китайский дух, сердцевина которого — патриотизм, а также дух эпохи, сердцевина которого — реформы и новаторство.

3. Необходимо объединять силы нации, которые рождаются великой сплочённостью 56 национальностей и населения, насчитывающего 1,3 млрд человек. Китайская мечта — это мечта всей нации и каждого китайца в отдельности.

НОВОЕ ВИНО В СТАРОЙ БУТЫЛИ

Великие религии и учения часто разделяют судьбу великих держав — переживают периоды бурного становления, расцвета и распространения, начинают клониться к упадку из-за неверия умнеющей паствы, греховности священнослужителей. Оживить же веру можно разными путями, главный из которых — разбавить затвердевшие постулаты современным содержанием. Как говорят в Китае — «налить новое вино в старую бутыл».

На наших глазах происходит упадок христианства в Европе. Переживший в Средние века период расцвета ислам в XVIII—XX веках зачах и привёл мусульманские страны к отсталости, но в XXI веке обновился за счёт новых течений и вновь становится важным явлением мирового

масштаба. Китайцы испокон веков были веротерпимы, готовы поклоняться своим и пришлым богам. Они создали собственные философские школы конфуцианства, даосизма, легизма, моизма, но не возражали и против новых идей. По Великому шёлковому пути к ним в начале I тысячелетия пришёл буддизм, затем ислам, иудаизм, варианты христианской веры — манихейство и несторианство. Морским шёлковым путем из Средиземноморья, Аравии, Индии, Южных морей в торговые города побережья прибыли посланцы пророка Мухаммеда и католические епископы. Монахи Русской духовной миссии в XVIII веке обосновались в Пекине, а миссионеры католических орденов обращали местных жителей в Южном Китае. Постепенно исконно китайские и пришлые учения перемешались, и возникла так называемая синкретическая, народная религия, где индийский Будда стоял в алтаре храмов рядом с китайскими Лао-цзы и Гуань-ди.

Потянувшись в конце XIX века к реформам, китайцы заинтересовались общественно-политическими учениями Запада. Они восприняли пришедшие преимущественно из России марксизм и ленинизм, но постепенно превратили их сначала в «учение Мао Цзэдуна», а при Дэн Сяопине — в «социализм с китайской спецификой». По существу, был повторён путь китаизации пришлых религий, создано синкретическое «красное» народное учение.

Получив мощную идеологическую, финансовую и военную помощь от Советского Союза, Гунчаньдан, компартия Китая во главе с Мао Цзэдуном, победила в гражданской войне партию Гоминьдан во главе с Чан Кайши. Пассионарное движение Мао Цзэдуна победило безыдейный и коррумпированный режим. Однако поэт и каллиграф Мао Цзэдун, став правителем Китая, начал ставить эксперименты над китайским народом. Надуманные им «большой скачок», «великая пролетарская культурная революция» не только стоили десятков миллионов человеческих жизней и очередного ослабления Поднебесной, но и привели к падению престижа коммунистической идеологии. Неизвестно, какова была бы её судьба, если бы ветераны-коммунисты во главе с Дэн Сяопином после смерти Мао Цзэдуна не взяли власть в свои руки. Найденная ими политика «реформ и открытости» позволила Китаю отползти от края пропасти, а затем начать удивившее весь мир развитие сельского хозяйства, промышленности, науки. Компартия доказала, что она не утратила «мандат Неба» и имеет право править Поднебесной.

Засучив рукава, партийные кадры взялись за развитие экономики. Многие из них восприняли призыв Дэн Сяопина к народу «Обогащайтесь!» как руководство и к своим собственным действиям. Партию поразила коррупция, против этого стали открыто протестовать широкие массы, в первую очередь студенчество. Несколько крупных манифестаций получили свое развитие в событиях на площади Тяньаньмэнь весной 1989 года. В последние годы настроения недоверия к правящей элите и партийным организациям разного уровня нашли своё выражение в возрождении популярности Мао Цзэдуна и классической «красной идеологии». Вызванный нехваткой справедливости в обществе и разочарованием в официальной идеологии «духовный вакуум» попытались заполнить активисты необуддийской секты «Фалуныгун», проповедники католических и протестантских верований, поклонники западных молодёжных моделей поведения.

Выход из сложного для компартии положения нашел Си Цзиньпин, предложивший инновационную концепцию «китайской мечты о великом возрождении китайской нации». В ней практичным китайцам были предложены две понятные так называемые «столетние цели»: к 100-летию образования компартии в 2021 году обеспечить каждой семье средний достаток; к 100-летию образования КНР в 2049 году поставить Китай по основным параметрам в ряд великих держав мира. Но в той же формуле были и такие определения будущего китайского общества: «демократическое», «цивилизованное», «гармоничное».

Духовные ценности всегда были исключительно важны для китайцев. Миллионы доведённых до отчаяния крестьян вставали под знамёна вожаков восстаний только тогда, когда на этих знамёнах появлялись духоподъёмные лозунги всеобщего равенства, небесной справедливости. Революционеры Сунь Ятсена свергли маньчжурскую династию Цин во имя «трёх народных принципов» — национализма, народовластия и народного благосостояния. Победу в гражданской войне коммунисты выиграли не в последнюю очередь благодаря тому, что выразили стремление миллионов китайцев к бескомпромиссному восстановлению справедливости и поправленного национального достоинства. Студенты и интеллигенция на протяжении многих десятилетий выходили на площадь Тяньаньмэнь с требованиями демократии, свободы, национального возрождения. Симбиозом этих вековых мечтаний и требований как раз и стала «китайская мечта о великом возрождении китайской нации».

МЕЧТА СТАНОВИТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

Выдвинув долгосрочный план «Китайская мечта», Си Цзиньпин не стал тратить время попусту и сразу взялся за его реализацию. За минувшие почти пять лет его руководства страной стали очевидны приоритеты, сформулированные в трёх крупных стратегиях.

Пожалуй, главная из них — это экономическая реформа «синьчантай», или «новая нормальность». Ещё осенью 2013 года председатель Си, словами Мао Цзэдуна, «ухватился за главное звено, чтобы вытащить всю цепь». Посвятив вопросам экономики III пленум ЦК КПК, он дал нелицеприятный диагноз. «В процессе развития наша страна сталкивается со значительными противоречиями и вызовами, на её пути встречаются немалые трудности и проблемы. Например, по-прежнему остро стоит вопрос неравномерного, негармоничного и неустойчивого развития. Китай недостаточно силён в области научно-технических инноваций, отраслевая структура характеризуется нерациональностью, во многих сферах до сих пор используется экстенсивная модель развития, разница между уровнями развития города и деревни, как и между уровнями доходов разных слоёв населения, продолжает увеличиваться. Значительно обострились социальные противоречия, накопилось множество вопросов, тесно связанных

с первоочередными интересами населения, в сферах просвещения, трудоустройства, социального обеспечения, медицины, жилья, экологии, безопасности продуктов питания и лекарственных препаратов, безопасности на производстве, общественного спокойствия, исполнения законов и т. п. Малозащищённая часть населения испытывает большие жизненные трудности. Также налицо проявления формализма, бюрократизма, гедонизма и расточительства. В некоторых наиболее уязвимых областях то и дело обнаруживаются случаи коррупции и другие негативные явления, ситуация с антикоррупционной борьбой по-прежнему остаётся весьма острой. Для урегулирования всех этих вопросов необходимо углубление реформ».

Соппротивление консервативных сил в партии не позволило без помех получить полное одобрение новой экономической стратегии — смены центра тяжести развития Китая с приоритета внешних рынков на рынки внутренние. Пленум одобрил некоторые, но не все и не самые главные предложения генсека. Недовольство проявили влиятельные представители ориентированных на западные рынки приморских провинций, а также дающих около половины ВВП Китая «естественных монополий». Эти структуры, в частности, не хотели быть уравниваемыми в правах с частным бизнесом в доступе к «длинным деньгам», налоговым льготам и иным ресурсам.

Ответом стало создание Центральной руководящей группы по руководству углублением реформ во главе с самим Си Цзиньпином. Она фактически встала над правительством и важнейшими структурными подразделениями ЦК КПК. В её состав вошли учёные и управленцы, разделяющие цели «Китайской мечты» и одобряющие инновационную концепцию Си Цзиньпина под названием «Новая норма». Впервые он использовал этот термин в мае 2014 года. Смысл «Новой нормы» выглядит примерно так.

Заканчивается период гонки за высокими темпами развития, во имя которых допускалось непропорциональное развитие экономики, приносились в жертву интересы населения, окружающая среда. Начинается время высокого качества экономической структуры, сбалансированности между отраслями и регионами, повышения эффективности

капиталовложений и уменьшения энергоёмкости, сокращения выбросов вредных веществ.

Заканчивается период ставки на внешние рынки и привлечения иностранных инвестиций любой ценой. Начинается время удовлетворения запросов внутреннего рынка, качественного улучшения и сближения условий жизни населения городов и деревень.

Заканчивается период встраивания Китая в мировые производственные цепочки в качестве поставщика дешевой рабочей силы, вложения заработанных денег в контролируемые США финансовые институты. Начинается время производства основанных на достижениях отечественной науки высококачественных и конкурентоспособных товаров, создания самостоятельной финансовой системы и обеспечения глобальных торговых интересов Китая.

ВОЙНА «ТИГРАМ» И «МУХАМ»

Ещё одним ответом на скрытое сопротивление стал переход к системной борьбе с коррупцией. Всего через неделю после завершения XVIII съезда сотрудникам госбанков и военнослужащим запретили приобретать автомобили класса «люкс» и использовать средства компаний «для оплаты покупок личной жилой недвижимости, ремонта жилья или оплаты его аренды». Сотрудникам госкомпаний велели снизить затраты на приобретение предметов роскоши и банкеты. Для всех кадровых работников было введено правило «один суп, три блюда», ограничивающее банкетное меню. Резко упали продажи предметов роскоши — бутылка водки «Маотай», служащая символом высокого положения пьющих, за год подешевела вдвое, упал импорт швейцарских часов и т.д.

Встретившись в начале 2014 года с руководством «партийной контрразведки», Центральной комиссии по проверке партийной дисциплины (ЦКПД), главный коммунист Китая потребовал «совершенствовать порядок привлечения к ответственности» и предостерёг, чтобы эти порядки «не превратились в бумажного тигра или соломенную куклу». В том, что борьба с коррупцией всё меньше походит на «бумажного тигра», скоро убедились не только тысячи мелких взяточников, прозванных «мухами», но и свирепые «тигры», высокопоставленные партийные и военные функционеры.

В октябре 2014 года прошёл IV пленум ЦК КПК, который утвердил стратегический план «*ифа чжиго*», — «управлять государством при помощи закона». Именно тогда борьба с коррупцией приняла системный и общенациональный характер. Вместо единичных показательных расстрелов на стадионах, которые были введены Дэн Сяопином в 1985 году на фоне антикоррупционных демонстраций студентов, стали сотнями выносить «смертные приговоры с отсрочкой на 2 года». На деле такой приговор означает пожизненное заключение. Расследованием коррупционных дел партийцев занялась «партийная контрразведка», получившая дополнительные полномочия, многочисленный следственный аппарат, собственные «места содержания для выяснения обстоятельств». ЦКПД возглавляет один из 7 членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, земляк и личный друг главного коммуниста — Ван Цишань.

За минувшие годы «партийная контрразведка» побывала во всех министерствах и госкомпаниях, в воинских частях и органах госбезопасности, в аппаратах парткомов на местах и даже в отделах ЦК КПК. По сообщению агентства «Синьхуа» от 4 июля 2017 года, к дисциплинарной ответственности

Создана Центральная руководящая группа по руководству углублением реформ во главе с самим Си Цзиньпином. Она фактически встала над правительством и важнейшими структурными подразделениями ЦК КПК. В её состав вошли учёные и управленцы, разделяющие цели «Китайской мечты» и одобряющие инновационную концепцию Си Цзиньпина.

за последние пять лет привлечены 1,2 млн человек, включая 240 чиновников уровня замминистра и выше. Из-за рубежа были возвращены 2900 крупных беглых коррупционеров. Уже никого не удивляет, когда из своих кабинетов в места не столь отдалённые отправляются «небожители» — министры, руководители государственных монополий, мэры городов-миллионников и даже члены Политбюро. Так, в начале июля 2017 года своего поста лишился Сунь Чжэнцай, член Политбюро, секретарь парткома города центрального подчинения Чунцин (30 млн жителей). В середине месяца после партийного расследования Верховная прокуратура Китая по подозрению в получении взяток арестовала и начала собственное расследование в отношении губернатора провинции Фуцзянь Су Шулиня, зампреда парламента провинции Хэбэй Ян Чунъюна, генерального директора Народной страховой корпорации Китая Ван Инъэна, вице-губернатора провинции Аньхуэй Чжоу Чунъюя, генерального директора Китайской корпорации химической промышленности Цай Сию.

Системная борьба с коррупцией пользуется поддержкой подавляющего большинства китайского народа. В то же время она встречает скрытое сопротивление довольно широкого слоя чиновников и связанных с ними предпринимателей, что отражается на эффективности работы государственного аппарата, скорости и адекватности принятия управленческих решений.

ПОЯС И ПУТЬ — МАРШРУТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Осенью 2013 года в двух выступлениях Си Цзиньпина была сформулирована ещё одна ключевая стратегия «Китайской мечты» — «один пояс и один путь». Она объединила проекты «Экономический пояс Великого шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь для XXI века». Выглядевшая первоначально как программа создания надёжного

Государству, обеспечившему в 2016 году 16,5% глобального ВВП и около 40% мирового роста, становится тесно в прокрустовом ложе существующей системы глобального финансового, экономического и политического управления. Исходя из достигнутых успехов и придерживаясь долгосрочного плана «Китайская мечта» председатель Си Цзиньпин оповестил мир о намерении своей страны играть новую, ключевую роль в глобальном управлении.

наземного транспортного коридора для китайского экспорта в Европу, эта стратегия довольно быстро превратилась в несущую конструкцию всей геополитики и геоэкономики КНР на материке Евразия, в канал продвижения китайских капиталов, товаров и услуг, а также политического влияния в десятки стран, прилегающих к весьма условному маршруту Нового шёлкового пути. За 4 минувших года она приобрела специальную организационную структуру в составе правительства КНР, солидную финансовую базу в форме фонда «Шёлковый путь» (40 млрд долл.) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (100 млрд долл.). Призванная решить сразу несколько внешнеэкономических и внутриэкономических проблем самого Китая, стратегия «Пояс и путь» может стать объединяющей осью для нескольких других интеграционных форматов, включая ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, зону свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ЗСТ АТР) и даже Европейский союз.

Стратегия «Пояс и путь» нацелена не только на внешний мир, но и на саму Поднебесную, по территории которой прокладывается китайская часть Нового шёлкового пути. В течение 2016 года мне удалось проехать по всему китайскому отрезку трансконтинентального маршрута — от порта Ляньюньган на берегу Жёлтого моря до КПП Алашанькоу в пограничном с Казахстаном Синьцзяне. Неторопливое путешествие показало, что китайцы действительно создают не просто инфраструктурный коридор из железных и шоссейных дорог, газо- и нефтепроводов, оптоволоконных линий и систем передачи электроэнергии. Всего за 4 года рекордными темпами уже построены и продолжают строиться новые города, технопарки, логистические центры, зоны свободной торговли, исследовательские учреждения, университеты, госпитали и музеи.

За пределами Китая стратегия «Пояс и путь» продвигается далеко не такими впечатляющими темпами. Сказываются традиционные анти-китайские настроения в сопредельных странах, довольно жёсткие условия китайского кредитования совместных проектов, отсутствие опыта взаимодействия, языковой барьер и иные трудности. Дать ускорение стратегическому проекту был призван проведённый в мае 2017 года форум «Пояс и путь» в Пекине.

По существу, это была первая крупная веха в реализации важнейшего международного проекта нынешнего китайского лидера. Во встрече участвовали лидеры 39 и представители более 100 государств. Число стран, подписавших различные документы об участии в «Поясе и пути» по итогам пекинской встречи достигло 68. С трибуны форума было объявлено, что в дополнение к уже осуществляемым проектам Китай выделит 480 млрд юаней (70 млрд долл.). Кроме того, 60 млрд юаней (8,5 млрд долл.) будет предоставлено в течение 5 лет международным организациям вдоль «Пояса и пути» в качестве помощи. За это же время Пекин обещал инвестировать за рубеж до 800 млрд долл., причём значительная часть пойдёт в страны-участницы интеграционной инициативы. Очевидно, что огромные суммы будут вложены в инфраструктурные проекты — продолжится создание и расширение «караванных троп» для китайского экспорта. Впрочем, современные наземные и морские маршруты помогут нарастить и встречный поток товаров. Китай импортирует за предстоящие 5 лет товаров на 8 трлн долл., привлечёт инвестиций на 600 млрд долл. и создаст 700 млн поездок за рубеж.

Почётным гостем, фактически сопредседателем форума стал наш президент В. В. Путин. Значение России для успеха «Пояса и пути» очевидно — достаточно взглянуть на карту Евразии. К сожалению, нашей стране в использовании новых возможностей пока похвастаться особенно нечем. Проект скоростной железной дороги Москва–Казань вот уже несколько лет не может сдвинуться с места. Кредиты в проекты «Ямал–СПГ» и СИБУР, конечно, важны, но они лежат в стороне от инфраструктурной основы Шёлкового пути. Российские и китайские чиновники никак не могут найти такие проекты, которые одновременно отвечали бы национальным интересам сразу двух стран.

Хочется верить, что затянувшаяся подготовительная работа в рамках «Пояса и пути» завершится реализацией сразу нескольких масштабных и успешных российско-китайских проектов. Ведь Новый шёлковый путь, как и исторический Великий шёлковый путь, — это не прямая линия.

Торговые маршруты могут менять направление, обходить препятствия и устремляться в зоны благоприятствования. Инициатива «Пояс и путь» набрала скорость и инерцию, приняла уже не только евразийское, но и глобальное измерение.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ — ВЕТЕР С ВОСТОКА

Несомненный успех пятилетнего движения Китая по пути реализации плана «Китайская мечта» открыл перед Китаем новые горизонты. Государству, обеспечившему в 2016 году 16,5% глобального ВВП и около 40% мирового роста, становится тесно в прокрустовом ложе существующей системы глобального финансового, экономического и политического управления. Исходя из достигнутых успехов и придерживаясь долгосрочного плана «Китайская мечта» председатель Си Цзиньпин оповестил мир о намерении своей страны играть новую, ключевую роль в глобальном управлении. Это произошло в сентябре 2016 года в городе

Ханчжоу во время очередного саммита «Большой двадцатки». Более расширенно Си Цзиньпин говорил о назревших переменах в мировом управлении и готовности Китая сыграть достойную роль в создании «глобального сообщества общей судьбы» на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 года.

Каждая из стратегий Си Цзиньпина — «Новая норма», «Один пояс и один путь», «Управление государством при помощи закона» — сами по себе могли бы стать содержанием десятилетнего срока правления нынешнего генсека КПК и председателя КНР. Но они являются частями ещё более масштабного и долгосрочного стратегического плана «Китайская мечта». Нет сомнения в том, что этот план будет дополняться новыми концепциями и стратегиями. Нет сомнения и в том, что благодаря «Китайской мечте» Поднебесная сможет уверенно двигаться вперёд, избегая шараханий и хождения по замкнутому кругу. Она подаёт пример своим партнёрам, и её опыт заслуживает как минимум изучения.

/ Владимир ЕЛИСТРАТОВ /

Россия как планетарное МЧС

Одним из рефренов философии (философию я здесь понимаю максимально расширительно, по сути — как любое свободное мыслительство) последних двух-трёх десятилетий XX века является идея о том, что современный мир, человечество в целом и отдельно взятый человек в частности стремительно утрачивают какие бы то ни было стратегии существования и переходят к чистым локальным тактикам. При этом на рубеже XX — XXI вв. и особенно сейчас эти тактики предельно редуцируются, сворачиваясь фактически до нуля.

В наши дни, например, возникает множество определений современной культуры и современного человека, которые иллюстрируют эту тенденцию. Скажем, есть такое англизированное понятие — «инстант-культура». То есть культура «здесь и сейчас», культура «сиюминутности».

Подразумевается, что человек общества «постиндустриально-постмодерного интернет-потребления» ничего не планирует даже, условно говоря, на минуту вперёд. Он моментально приобретает некий продукт, товар (будь то пепси-кола или информация на сайте) — и «получает удовольствие», иначе говоря, удовлетворяет свои потребности. А дальше — это будет дальше...

То же самое, если говорить об экономике, можно сказать и о «философии» прибыли. Урвал — а там «после нас хоть потоп».

В общем-то подобным образом мыслит ребёнок, подросток. Об инфантилизме современного человека не говорит сейчас только ленивый.

Есть такое расхожее словосочетание: «**глобальный подросток**». Надо понять, что и современная геополитика делается по преимуществу такими же вот «глобальными подростками». И это никакое не преувеличение. Никто в конечном счёте не думает о «перспективах», «возможных последствиях» и т.п., хотя все эти слова формально и входят в лексикон современных воротил геополитики. Последние события в США, в ЕЭС при мало-мальски внимательном рассмотрении могут показаться каким-то кошмаром легкомыслия. «Лёгкость в мыслях необыкновенная». Чистейшая **геохле-стаковщина** (яркий пример — миграционная политика последних десятилетий).

Это мне очень напоминает один из старых фильмов «Ералаша». Там, как, может быть, вы помните, мальчишки со двора зовут героя играть в хоккей. Он отвечает им из окна:

«Сейчас, только переоденусь!» — и начинает переодеваться, попутно то стреляя из игрушечного пистолета, то играя в юлу. В конце концов, когда он выходит на улицу в зимне-хоккейной форме, оказывается, что на дворе уже лето и мальчишки зовут играть в футбол. Он отвечает: «Сейчас, только переоденусь!..» Герой-мальчик мыслит абсолютно и предельно дискретно («инстант-культура»), «здесь и сейчас». Типологически совершенно так же поступают какие-нибудь Меркель с Макроном, не говоря уже об украинских «глобальных подростках». Жаль, что они не смотрели «Ералаш».

Есть такая русская фольклорная шутка. Крестьянина спрашивают: что бы ты сделал, если бы тебя тайно пустили к барину в кабинет? Тот отвечает: «Сто рублей украл бы, на соломе спал бы, сало с салом жрал бы, а потом сбежал бы...» Это всё о том же.

Я ежегодно имею дело с сотнями студентов самых разных вузов и могу констатировать, что, говоря языком наших «партнёров», «тренд» в образовании — тот же. Конечно, есть и популяция вполне вменяемых детей, но тенденция всё же налицо.

В связи с образованием нужно добавить и ещё одно, казалось бы, простое, но очень важное и часто забываемое соображение. Стратегичность мышления напрямую связана с памятью. Чем объёмней память, тем больше она способна формировать стратегию. Здесь, так сказать, «масштабность прошлого» (память) прямо пропорциональна «масштабности будущего» (стратегия). Иначе говоря: чем больше ты помнишь, тем легче ты планируешь, чем дальше и больше ты видишь прошлое, тем больше и дальше ты видишь будущее. И наоборот: чем короче и редуцированнее твоя память, тем меньше ты способен к стратегическому мышлению. И тем больше ты «вязнешь» в бесконечных мелких тактиках существования. Мы говорим: «стратегический запас». Это значит, что мы много-много накопили, чтобы идти дальше и дальше. Вот и наша память — это наш «стратегический запас».

Советское образование апеллировало в первую очередь к фундаментальному, энциклопедическому знанию. Т.е. к стратегической памяти. Эпиграфом к нему (советскому образованию) может служить название киножурнала «Хочу всё знать». Ту же роль может сыграть и лозунг «Знание — сила!».

Затем всё чаще стала звучать мысль, что в общем-то много знать — даже вредно. Надо — думать». Думать, конечно, нужно,

но думать ведь надо «о чём-то», «на материале чего-то». В современном гуманитарном западном образовании очень моден жанр «обсуждения», «дискуссии».

Я сам неоднократно лицезрел и «ушезрел» эту прекрасную процедуру. К примеру, американским студентам читается курс по русской литературе. Как это делается? Сначала — одна (sic!) вводная лекция. Что есть, дескать, такая страна Россия, а в этой стране была русская литература: Tolstoy, Dostoyevsky, Chekhov.

И — достаточно. Потом студентам раздаётся по страничке из «Анны Карениной», разумеется по-английски, и обстоятельно объясняется, что Анна Каренина бросилась под поезд от несчастной любви, а ещё более — по причине измены мужу. На следующий день бурная дискуссия на тему: «Правильно ли поступила Анна Каренина?». Вывод — неправильно.

Это всё. Ни о каких «знаниях» даже близко речь не идёт.

Но «дискуссии ни о чём» — всё-таки факультативный образовательный элемент. Общая же установка такова: «надо не знать, а уметь». Хорошо, я согласен, уметь нужно. Но почему не нужно знать? Всё просто. Потому что есть Википедия. Современный «глобальный под-росток» из всех видов памяти обладает только оперативной («памятью одного пальца»). Остальные ему просто ни к чему. Если же его «по старинке» заставляют что-то запоминать, то, поскольку он не способен ни классифицировать, ни систематизировать, неизбежно информация в его памяти чудовищно аберрируется. «Мцыри» для него — это некое угрожающее множественное число, что-то типа племени орков. А «Божественную комедию» для такого человека написал Дантес (случаи реальные, из практики). Чистый постпостмодернизм (трансмодерн), где викинги одномоментны с покемонами, а черепашки ниндзя «инстантно» соседствуют со средневековыми рыцарями. Будущего здесь не существует, прошлого — тоже. Они нейтрализуются в «здесь и сейчас».

О чём всё это говорит?

История показывает, что подобный режим «тактического рвачества» и «кастрации памяти», режим «безпрошлости» и «безбудущности», не в таких, конечно, масштабах, какие представляет нам современная цифровая эпоха, тем не менее этот режим был свойствен эпохам, предшествовавшим глобальным потрясениям, огромным геополитическим катаклизмам.

В Европе это был, к примеру, конец XV — начала XVI вв., эпоха полного отсутствия раз-

умной стратегии и тотальной коммерциализации, когда «рвали» все, включая католическую церковь, торговавшую, как хорошо известно, индульгенциями. Результат — реформация и кровавые религиозные войны. Далее — какая-никакая стратегия религиозного мира, сформулированная Ришелье так: мы не протестанты и не католики, мы — французы.

Конец XVIII века — совершенно подростково-хунвэйбиновская т. н. Великая французская революция, которой предшествовало опять же т. н. Просвещение, решившее порвать с религиозным обскурантизмом прошлого («раздавите гадину»).

Далее — наполеоновские войны, которые в общем-то были, если хорошо разобраться, настоящей мировой войной. Заметим, что в новой истории это первый случай, когда Россия, по существу, спасла Европу. Впервые Россия выступает в роли «МЧС». Далее — хоть какая-то стратегия мира в Европе («Священный союз»).

Вспомним, какие настроения царили в России накануне Октября. Речь идёт, конечно, не о настроении народа в целом, а о настроениях той страты общества («малого народа»), которая соответствует современному «интернет-сообществу». Эпиграфом к этой эпохе можно считать цитату из Константина Бальмонта: «Ловите миги, ловите миги».

Презрение к «кровавому режиму» и — «омут наслаждений». Предельно жадный гедонизм. Стратегическое мышительство, вроде русской религиозной философии, космизма и т. п., надо честно сознаться, находилось на самой отдалённой периферии тогдашнего «общественного мнения» (аналога современного интернета).

Дальше — великая русская «замятня» и рождение в крови и муках «советской стратегии», позволившей, какой бы она ни была, создать мировую державу, победить фашизм и избежать планетарной ядерной вакханалии, которую вне всяких сомнений устроил бы англосаксонский мир.

В течение почти всего XX века Россия (СССР) бессменно работала планетарным «МЧС». Пусть эта метафора покажется несколько сниженной, но она, на мой взгляд, достаточно полно и точно отражает суть вещей.

Когда мы говорим о «русской национальной идее», о «русской мечте», мы часто попадаем в некую неизбежную смысловую (семантическую, риторическую) ловушку. С одной стороны, идея или мечта подразумевает нечто

глобальное, в высшей степени стратегическое, масштабное и т.д. С другой — это нечто должно быть всё же как-то конкретно, т.е. словами сформулировано. Слова же (если это термины) — всегда многозначны, и эту многозначность в европейской традиции принято тщательным образом толковать. И здесь мы, русские, как это ни печально, становимся жертвами европейской филологической традиции.

Основатель этой традиции — Сократ. Любой диалог Платона, где участвует Сократ, есть попытка определения с помощью метода майевтики-родовспоможения значения слова, его толкования. Завершение диалога — компромиссная дефиниция. Всё это чудесно. Но такая «мания» дотошно толковать слова подразумевает скептическое отношение к словам вообще: ничто в словах и их значениях нельзя принимать на веру, любые слова нужно «левополушарно» анализировать. Безгрешных слов не существует.

Для сравнения: иероглифические «право-полушарные» китайцы никогда поиском дефиниций и словесной аналитикой не грешили. Если спросить древнего китайца: «А что такое «мечта»?» Он скажет: «Представь себе ситуацию...» И дальше идёт описание мечты через ситуацию. Европейцы бы сразу зашуршали словарями и стали бы раскладывать «мечту» по семантическим полочкам.

Мы, русские, конечно, в большой степени сократики-платоники. И это хорошо и плохо. У нас получается примерно так:

- Что такое «русская мечта»?
- Это справедливость.
- А что такое «справедливость»?
- Так, смотрим словарь... «Справедливость — это справедливое отношение к кому-л., беспристрастие, действие, соответствующее истине».
- Угу..., а что такое «беспристрастие» и «истина»?

— Так, смотрим словарь... «Беспристрастие — это отсутствие пристрастия, справедливость»... Ой, кажется, это уже было... Так... «Истина — это адекватное отношение в сознании воспринимающего того, что существует объективно; правда; утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом».

— Угу... А что такое «адекватный», «сознание», «объективно», «правда», «утверждение», «суждение», «практика» и «опыт»?

И так до бесконечности.

Почему так относительно долго и эффективно работала «советская стратегия», «советская мечта»? В частности, ещё и потому, что сама идеологическая система подразумевала **«запрет на сократизм»** по отношению к ряду ключевых идеологем («ленинизм», «социализм» и т.д.). В учебниках давались «научные» определения, которые не подлежали обсуждению. Кроме того, существовали лозунги-образы, слоганы, достаточно удачные для восприятия и запоминания («ленинизм — это молодость мира», «любовь, комсомол и весна», «Ленин, партия, комсомол»). Начиная примерно с 70-х гг. во всю эту сферу начал вкрадываться, скажем так, «ироничный сокра-

тизм», в конце концов расшатавший советскую мечту. В принципе, СССР был разрушен в первую очередь лингвистически, филологически.

Почему этого не произошло в Китае? Помимо всего прочего, потому что такого «сократического поддона» в Китае не было и нет. И не может быть. Здесь нет и не было филологических предпосылок развала «мечты». Они мыслят не «словами», а «конкретными ситуациями».

Мы, конечно, не Китай. Но мы и не Запад.

Мы любим повторять, что для появления русской мечты-идеи нам необходима экстремальная ситуация, а если вокруг скучные будни — «карету мне, карету!». Нам необходимо напряжение всех сил и проч. А когда происходит такое напряжение? Когда нам и всем окружающим плохо.

Значит, получается, что **русская идея есть идея преодоления трудности, горя, трагедии, идея спасения. Себя и остальных. Есть конкретная ситуация беды — и всё как-то формулируется само по себе.**

Первая русская идея («Москва — Третий Рим») была идеей наследственного, потомственного спасения православия, истинной

веры от вер «неистинных». Типологически она никак не отличалась от спасения мира от «корсиканского чудовища», «коричневой чумы» или ядерного апокалипсиса. Всё то же планетарное «МЧС». «Москва — Третий Рим» — это конкретное «задание» для русского «МЧС» XVI века.

Таких «спасений» Россия осуществляла и осуществляет множество, даже не всегда осознавая, что постоянно работает в режиме МЧС. На мой взгляд, одно из таких ключевых «спасений» — евразийская миссия: миссия сохранения единства российской (советской) Евразии со всем богатством её ресурсов («стратегический запас») и национальным культурным разнообразием (не менее важный «стратегический запас»). Если бы не существовало Российской евразийской империи, ни ресурсов, ни народов давно уже не было бы. Её бы порвали глобальные потребители-подростки. Они бы уже давно выпили Байкал, остатки якутов и бурятов в лучшем случае загнали в резервации, а в худшем — обескальпили.

«Русская идея-мечта» — это не найденная один раз и навсегда формулировка, это не «счастливая остановка жизни», как говорил Андрей Платонов. «Русская мечта», повторяю, не формулировка, а перманентный процесс формулирования в бесконечной анфиладе геополитических экстренных, чрезвычайных ситуаций, когда просто нельзя не формулировать. Когда горит дом, который тебе поджжёт сосед, надо кричать «вода там-то!», «выноси это в первую очередь!», «туши сначала это!» и т.д. Это и есть «стратегии тушения дома». А потом при необходимости надо «мочить соседа в сортире», чтобы он снова не поджжёт тебя и других. И всё это ни мало, ни много — «национальные идеи». А потом надо дом снова отстраивать. И тут опять — бесконечный процесс формулирования стратегий строительства. И так — веками, тысячелетиями «и присно и вовеки веков».

Так уж сложилось, что любая историческая чрезвычайная ситуация планетарного масштаба в течение последних веков напрямую и непосредственно затрагивает Россию. Потому что, как это ни банально звучит, Россия-Евразия — планетарная ось, что признают все, от славянофилов до Збигнева Бжезинского. Спая себя, мы спасём мир. И наоборот. Это, к счастью или сожалению, наша планетарная, геополитическая «карма». А спасать себя и мир надо уметь, надо делать это грамотно, а гра-

Если бы не существовало Российской евразийской империи, ни ресурсов, ни народов давно уже не было бы.

Её бы порвали глобальные потребители-подростки. Они бы уже давно выпили Байкал, остатки якутов и бурятов в лучшем случае загнали в резервации, а в худшем — обескальпили.

мотно — значит, чётко формулируя задачи. С точки зрения всемирной истории — это сиюминутные задачи, задачи «исторического момента». С точки зрения «исторического момента» — это стратегии (идеи-мечты) на долгие десятилетия, иногда — века.

Что мы видим сейчас?

Налицо все признаки очередного «планетарного рецидива» «беспамятства-безбудущности», ситуации, когда Россия, согласно своей внутренней логике, т.е. своей пока ещё очень смутно ею самой понимаемой идее-мечте, необходимо волей-неволей вновь засучивать рукава и искать нужные формулировки насущных задач-стратегий-идей.

И не надо думать, что Русская мечта — это нечто эфемерно-абстрактное и красиво-бесформенное. **Русская мечта всегда очень практична. Это не беспочвенно-теоретизирующая свиштианская Лапута, а совершенно конкретная лесковская подкованная блоха. Русское «МЧС» призвано решить практические задачи.**

Александр Сумароков, переводя шекспировского «Гамлета» (переводом, конечно, в современном понимании этого термина, «Гамлет» Сумарокова назвать трудно, но тем не менее...), итак, Сумароков, как известно, знаменитое, но от этого не менее туманное «To be or not to be?» перевёл следующим образом: «Что делать мне теперь? Не знаю, что начать».

Тысячу раз осмеянные русские мемы «Что делать?» и «С чего начать?» — если вдуматься, очень конструктивные вопросы. Стопроцентно эмчезовские.

Сумароковский принц датский, замученный рефлексией, не знал, «что делать» и «с чего начать». А мы, несмотря на нашу традиционную национальную рефлексию, обязаны знать. Иначе не выживем. И мир погибнет.

А с третьим расхожим русским мемом «Кто виноват?» — разберёмся во вторую очередь.

/ Алексей ВАЙЦ /

Время собираться

*Очерк принципов будущего общественного
Движения Русской мечты*

ТОЧКА ОПОРЫ

Для того чтобы нам понять, как должна развиваться страна, нам необходимо задать один простой вопрос и ответить на него: «Будь у нас самая совершенная система государственного управления, но наполненная людьми нечистоплотными в нравственном плане, будет ли она работать?» Отвечаем: работать она не будет! Но скажет кто, что-де самая совершенная система подразумевает прозрачность и контроль... А здравый смысл говорит нам: если к вору приставить человека с ружьем, то будет два вора — причём один из них вооружённый. Значит, дело тут не в системах и концепциях, не в политических решениях и экономических моделях, так рьяно нам предлагаемых со всех сторон в канун выборов. А дело в человеке, о котором, как известно, забыли.

СРЕДИННЫЙ ПУТЬ

Нам необходимо уйти от всевозможных сложных конструкций, удивляющих ум и не имеющих пользы, не несущих никаких решений в реальности. Необходимо взглянуть на всё через призму природных и органических процессов. «Берите образцы из жизни», — рекомендовал нам Михаил Семёнович Щепкин, один из основоположников русского театра. Так и нам необходимо внимательно рассмотреть те процессы, которые происходят в природе, ибо в ней всё мудро устроено и развивается органично, просто, красиво.

Если мы рассмотрим жизнь организма, то обнаружим, что сокращению мышц предшествуют импульсы из мозга, в мозгу же формируется цельное решение, которое и приводит в движение тело. Тело всегда живёт и действует для чего-то. У него есть потребности. Но есть разница жизни организма животного и организма человеческого. И связано это с тем, что есть нечто иное, живущее в человеке, которое может любить, страдать, отличать доброе от худого, мечтать, в конце концов. Мечта необходима человеку, как парусу корабля необходим ветер. Без мечты, без внутреннего устремления человек влачит жалкое существование, и притом что внешне продолжает жить, становится мёртвым внутри.

Необходимо понимать, что если дело в человеке, то мы должны рассматривать две его природы как живущие вместе, нераздельно, но которые, не сливаясь, постоянно спорят между собой. Исходя из этого утверждения мы

и должны проектировать путь развития как человека, так и общества и государства. Назовём этот путь — Духовно-светский путь развития.

МЕЧТА

Мечта есть нечто интуитивно угадываемое, устремление к тому, что составляет смысл жизни и что в дальнейшем даст человеку покой и независимость. Мечта есть у человека, мечта есть и у народов. У каждого народа своя мечта. Например, из крайностей: у немцев это семья, профессионализм и ответственность, у цыган же — воля вольная, дорога и простор. Чтобы найти то, на чём зиждется мечта народов нашего многонационального единства, вскормленных веротерпимой русской культурой и исторически связавших свою судьбу с Россией, необходимо нащупать то основное, единое и простое, на чём, как на игле, балансирует стрелка компаса, угадывается в очертаниях путь нашей уникальной Цивилизации.

Мечта же русского сознания — это **правда, красота и сострадание**. Правда, отличная от европейского права, которое всегда плоско и опирается на собственность, диктуя принцип «правильно-неправильно». Об этом принципе у нас всегда вспоминают с отсылкой к дышлу, которое легко повернуть в любую сторону. Правда же всегда вертикальна и сообщает человеку, что есть праведно, а что неправедно. Красота — это способность нашего народа созерцать божественные смыслы, получать через то откровения, откуда он и черпает свои открытия. Одним из таких открытий была «Троица» Андрея Рублёва — вершина мирового изобразительного искусства, вершина выраженной красоты! Сострадание — это действенное равнодушие, которое позволило русскому народу освоить эти огромные пространства, служа всем народам и сохраняя их культурную, национальную и религиозную идентичность. Именно это качество русского характера рождает жертвенность в служении.

Вся эта троица национальной мечты имеет источник — совесть, которая открывается нам в том загадочном русском духе, о котором говорят все — от кесаря до слесаря, — но который мало кто знает. Хотя именно дух нации способствовал возможности собраться нашему многонациональному единству, выстоять в самых жестоких сражениях и восстанавливаться от них в кратчайшие сроки. Именно этот дух является той животворящей силой, благодаря

**Первично — человек, профессия вторична.
Научить можно, был бы человек хороший.
Да и к тому же известна старая
истина, что плохой человек хорошим
профессионалом быть не может.**

которой наш народ имеет такую выживаемость и такое дерзновение к самостоятельному пути, несмотря на внешние и внутренние вызовы.

ИДЕЯ

В последнее время всё острее поднимается вопрос о национальной идее. Собираются конференции, проводятся форумы, заседают экспертные советы... Следует отметить, что идея не есть цель, а есть некий маточный питательный раствор, в котором созревают и пестуются национальные стратегии и цель. Поскольку вся русская культура пронизана православием, то можно с уверенностью сказать, что русская национальная идея была написана две тысячи лет назад на Голгофе. Иной просто и быть не может. Для меня было неожиданным, когда от президента страны Владимира Путина в 2014 году на заседании Русского географического общества я услышал простые, но ёмкие слова: «Высший смысл жизни есть Любовь».

Но как такое ёмкое понятие можно применить к гражданскому обществу, как любовь можно применить к общественно-политической жизни? Любовь применительно к гражданскому обществу есть служение. Какое? Жертвенное! И пока Россия служила миру, развивалась в парадигме «я для мира», пока русские собирали вокруг себя народы, сохраняли их, приумножали их культуру, до тех пор страна прирастала землями, народами и культурами, образуя, по меткому определению Константина Леонтьева, «цветущую сложность». Но как только разделилась в себе, как только приняли в себя парадигму «мир для меня», который точно был выражен в рекламном слогане «Бери от жизни всё!» — так мы и стали рассыпаться на островки да кочки.

ЦЕЛЬ

Если мечта формирует в человеке и обществе устремление, собирает в общность, то цель превращает население в народ и запускает центростремительный импульс собирания на-

ции. Но к формулированию цели есть особые требования. Цель должна заключать в себе предметность, быть понятной и измеримой, должна устраивать всех, иметь потенциал многоуровневого развития. Она должна устраивать как наши традиционные духовные институты, так и государственные органы власти и управления. Она должна быть привлекательной как для отдельно взятого человека, так и для нашего многонационального общества. Она должна содержать в себе потенциал, — подобно тому, как зерно содержит в себе всю мощь и ветвистость древа, так и цель должна иметь в себе мощный заряд развития в экономическом, политическом, социальном, культурно-научном, идеологическом, мировоззренческом и духовном аспекте. Она должна быть простой. Удивительно, но Михайло Васильевич Ломоносов, потом Дмитрий Иванович Менделеев, затем Солженицын, а в последних трёх Посланиях президента Федеральному собранию и Владимир Путин в той или иной форме произносят эту цель: народосбережение. То есть по сути дела мы имеем и национальную идею — служение и национальную цель — народосбережение, причём подтверждённую самим президентом страны. И одно без другого быть не может, ибо служение — это основополагающий принцип Русского мира. При этом и сам Русский мир следует понимать как творческое пространство русского народа, которому самой судьбой положено наивысшее право — послужить другим народам.

ЗАДАЧИ

Для того чтобы утвердить принцип народосбережения целью, нам необходимо осуществить четыре главные задачи:

- 1) Утвердить институт семьи как центральный объект государственной политики и стратегии.
- 2) Осуществить вклад в человека, преимущественно в детей, — воспитанием, образованием и безопасностью, в т.ч. — личной, информационной, духовной.
- 3) Заняться благоустройством пространства и преобразованием среды.
- 4) Утвердить место России в мировом обществе как Миротворца в евангельском смысле этого слова.

Семья есть основа государства, а также институт воспитания человека, посему без развития института семьи невозможно ни развитие общества, ни развитие государства. При этом

мы должны создать наилучшие условия для воспитания личности и образования молодёжи, исследовав и выбрав всё то лучшее и полезное, что было в этом направлении сделано за весь XX век. Если мы продолжим стягиваться в города, то на землю без народа придут народы без земли — это закон. Посему нам необходимо разработать программу по деурбанизации страны и развить концепцию малоэтажного строительства. Это ещё и мощнейший маховик экономики, поскольку построить 50 миллионов дворов — задача интересная для экономики во всех смыслах.

Для осуществления всего вышеприведённого нам необходима высокоэффективная армия, отвечающая современным задачам. Мы видим уже сегодня, как волею судьбы мы вынуждены упреждать действия наших недругов на отдалённых подступах к нашей стране. Войдя в эти процессы, нам нужно занять позицию миротворца, где целью нашей будет способствование наведению мира, вплоть до принуждения.

ЧЕЛОВЕК

Для решения этих задач нужны люди духовно-нравственного целеполагания — совестливые профессионалы. Мы видим, что в большей части совершаемых преступлений участвуют люди прекрасных манер, импозантные, с хорошими стрижками и даже благородными лицами. Но это ничего не значит. Мы не знаем, что творится у человека внутри. Для того чтобы мы могли быть уверены, что перед нами совестливый профессионал, мы должны понять, как человек относится:

- к вере;
- к семье;
- к Родине (большой и малой);
- к языку (родному и русскому);
- к труду (как к обязанности);
- к служению (как к призванию);
- к исторической памяти.

Проанализировав эти семь маркеров, мы можем судить о целостности природы человека. Ну а далее — это уже вопросы профессиональных компетенций. То есть первично — человек, профессия вторична. Научить можно, был бы человек хороший. Да и к тому же известна старая истина, что плохой человек хорошим профессионалом быть не может.

Таким образом, отбирая людей для общего дела, необходимо создать механизм выдвижения их в точки формирования, принятия

и исполнения решений. Эти социальные лифты должны подкрепляться личным поручительством старших наставников. Сегодня же люди продвигаются вверх по другому принципу — «сговора и кумовства». А наставничество нам родней и ближе, поскольку исконная наша деловая культура — артельная, а не клановая.

ПРИНЦИП ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

Для чего всё это предлагается? Представим себе огромный зал какого-нибудь самого большого аэропорта в мире, где собрались на известный международный фестиваль классической музыки оркестры со всего мира. И тут всем

становится известно, что у самого известного и уважаемого дирижёра сегодня юбилей. Милый голос из динамиков предлагает собраться музыкантам всех стран в середине зала, расчехлить свои инструменты, чтобы сыграть для маэстро поздравительную открытку. Смогут? Смогут! Почему? Потому что у них есть ноты! Так и нам необходимо договориться о том, что у нас есть партитура, понятная всем и устраивающая всех, основанная на принципе народосбережения. И что любое решение в стране должно приниматься исходя из триединого принципа:

- целесообразности;
- своевременности;

— полезности (в сочетании с эффективностью, но польза на первом плане, ибо не всё полезно, что эффективно!).

Таким образом, в стране возможно запустить целесоподчинённый процесс, имя которому — собирание нации через народосбережение.

МЕХАНИЗМ

Но как, спросите вы, нам запустить этот целесоподчинённый процесс?! Дело в том, что сегодня мы все находимся в системе директивного управления. Эти признаки мы видим в управлении бизнес-процессами, в государственном секторе и даже в общественных организациях. Такой подход убивает на корню инициативу и приводит человека к апатии, проще говоря — к безразличию. В народе говорят: «Всё, что сверху, — то падает, а что снизу — растёт».

Предлагаемая призма целеполагания, выраженная в очень простой и доступной форме, позволяет нам запустить процессы снизу, методом самоорганизации. Необходимо создать условия, при которых вокруг приходов Русской православной церкви собрались бы верующие профессионалы, поскольку они являются той закваской, которая может быть сегодня затребована государственной системой управления. Эти люди ближе всего к категории «совестливых профессионалов».

Второй уровень — это так называемая «Школа смыслов», которая может быть организована в летних лагерях в виде постоянно действующих смен форума, а также на площадках вузов, где госслужащие и предприниматели могли бы получать в развёрнутом виде концепцию народосбережения и конкретно разбирать принципы принимаемых решений в ракурсе целесообразности, своевременности и полезности. И третий уровень — это «Школа окружающей среды», где изучаются история, культура, традиции малой и большой родины. Такой формат необходим — он рассматривается нами как питательная среда, в которой будут созревать инициативы, выраженные в самоорганизации отдельных групп граждан, преимущественно общественного поля деятельности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все вышеприведенные тезисы — это не теоретические изыски. Здесь в простой и доступной форме кратко изложен многолетний труд целого коллектива, основанный на исследова-

ниях, экспертных заключениях и проверенный опытным путём. Уже запущены пилотные инициативы на Северном Кавказе, в Москве, в Приуралье, на Урале и в Сибири. Причём взяты регионы достаточно депрессивные. Взаимодействие выстроено следующим образом: с духовенством Русской православной церкви, на уровне приходов, создаются общины, где прихожанами изучается Евангелие. На уровне местных университетов проводятся лекции, конференции и форумы, в летнее время — лагеря, где разбирается необходимость целеполагания для страны и для отдельно взятого человека. На уровне бизнес-сообщества также проводится работа на тему личной эффективности через призму цели. Начинается работа с сектором государственных служащих. По всей стране, по всем уровням работают энтузиасты, осуществляющие обратную связь. Эти инициативы развиваются органическим способом, как разрастается сад под присмотром доброго хозяина. Мы стремимся подтолкнуть процессы самоорганизации, которые давно уже созревали в обществе. Нам остаётся только наблюдать, купируя худое и развивая доброе. Процесс собирания — процесс долгий, но уже неотвратимый.

Нам необходимо более заботиться о причинах, исследовать их, менять сами условия, чем пытаться исправлять ситуацию уже в последствиях, пытаясь «выскочить на сцену» и встроиться в уже идущее действие кем-то заданной игры, правила которой нам неведомы. Дух творит себе формы. Имея богатство духовного святоотеческого предания, мы способны и должны адаптировать этот бесценный труд к сегодняшним реалиям. Мы прекрасно можем сочетать в себе и жизнь внешнюю, и жизнь внутреннюю, нам легко и приятно говорить правду, под которую уже давно создана глобальная информационная система, мы можем удивляться и удивлять глубинами красоты, выражаемой в простых и понятных формах, мы готовы прийти на помощь даже Гондурасу, попроси он нас о том... И в этом всё есть признаки того, что мы живы, а главное, что жив в нас тот дух, о котором так много ведётся разговоров, но о котором мы как-то стесняемся заговорить и открыть его для себя и для мира.

Обращение к внутренней, сокровенной жизни нашего сердца — это должно стать для нас главной задачей в устремлении нашем собраться. Только это способно изменить нас, и через то изменить мир.

Сергей ГЛАЗЬЕВ. Битва за лидерство в XXI веке. Россия–США–Китай. Семь вариантов обозримого будущего. — М.: Книжный мир, 2017. — 352 с. (Серия «Коллекция Изборского клуба»)

В том, что мир вступил в эпоху перемен, не сомневается уже никто. Весь вопрос в том, куда заведут эти перемены человечество? Ответа на этот вопрос требует не только естественное человеческое любопытство, но и национальная безопасность России.

В новой книге академика Сергея Глазьева, в основу которой легли его научные разработки, доклады и гипотезы, читатель найдёт анализ современного политиче-

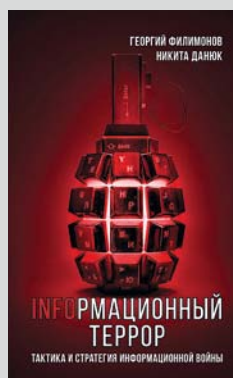
ского и экономического состояния ведущих держав мира — КНР, России и США, возможные варианты развития их взаимоотношений и прогноз геополитической ситуации на ближайшее десятилетие.

Но главный вопрос, которому посвящена книга: что надо делать России и её элитам для того, чтобы наша страна не выпала окончательно из обоймы великих держав и не превратилась в протекторат своих более успешных

«партнёров» по международному диалогу.

Возможно ли избежать новой мировой войны? Как восстановить финансово-экономическую самостоятельность России? Какие варианты будущего могут ожидать нас в ближайшие годы? Об этом и о многом другом книга известного российского политика, экономиста, учёного Сергея Юрьевича Глазьева. Читайте и будьте в курсе будущего.

Георгий ФИЛИМОНОВ, Никита ДАНИЮК. Информационный террор. Тактика и стратегия информационной войны. — М.: Книжный мир, 2017. — 256 с. (Серия «Антимайдан»)

Информация — это оружие. Каждый, кто смотрит телевизор, осознаёт сей факт в полной мере. Привычные для боевых действий фронты переместились на страницы книг, журналов, экраны телевизоров, гаджетов и мониторов. Блоги, порталы и социальные сети стали инструментами информационного террора в руках западных политтехнологов.

Социальная инженерия, подмена культурных кодов, ювенальные технологии, разрушительные «образовательные» эксперименты над нашей молодёжью, масскульт, пропаганда ложных ценностей,

разрушение института семьи — всё это инструменты форматирования общественного сознания и конструирования параллельной реальности в рамках ведущейся против России масштабной психоисторической войны.

На наших глазах разворачивается глобальный эксперимент, полигоном для которого после украинской прелюдии должна стать Россия, как считают зарубежные стратеги. Оруэлловские сюжеты, открывающие в наших домах «форточки» Овертона, разыгрываются здесь и сейчас. Это война в режиме онлайн. Выживание в ней зависит

от нашей коллективной способности сохранить наследие предков, противостоя молекулярной агрессии в культурное ядро всё ещё суверенной России.

Эта книга содержит подробный анализ инструментов форматирования общественного сознания, а также информационных технологий, с помощью которых на наше государство оказывают массированное психологическое воздействие. Посвящается всем нам — тем, кто не мыслит себя жертвой, кто хочет жить в великой державе и быть уверенным в будущем своих детей.

Александр ПРОХАНОВ, Михаил ДЕЛЯГИН, Сергей КАРА-МУРЗА, Сергей КУРГИНЯН, Александр НАГОРНЫЙ и др. Ленин — скорость света. — М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2017. — 352 с. (Серия «Коллекция Изборского клуба»)

Как отмечается в аннотации к данной книге, куда вошли материалы из двух номеров журнала «Изборский клуб», «столетие Великой Октябрьской революции, которая определила не только лицо XX века, ставшего веком войн и революций, но и всю дальнейшую историю человечества, вызвало новый всплеск интереса к её идеологии и вождю — Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину). Общество, которое он

стремился построить в нашей стране и во всём мире, — справедливое общество развития свободных людей — благодаря Ленину перестало существовать только в форме утопического идеала и абстрактной теории — оно, следом за советским «красным проектом», вызвало к жизни десятки и сотни вариантов реализации на практике, многие из которых с честью прошли испытание временем».

Авторы книги рассматривают феномен Ленина многомерно, с различных сторон: идеологической, политической, экономической, культурной — и, что, наверное, самое главное и неожиданное, исходя из традиционных ценностей Русского мира, по сути открывшего благодаря Ленину новое измерение для всей человеческой цивилизации.

Виталий АВЕРЬЯНОВ: «Сей мир боится наших грёз...»

В июле 2017 года вышла из печати книга Виталия Аверьянова, в которой представлена внушительная подборка его поэтических произведений, написанных более чем за четверть века. Ранее вышел МРЗ-диск «25 песен», в котором многие из этих же произведений представлены в жанре «герметичного шансона» (так значится на обложке). Виталий Аверьянов сам является автором песен, музыки и сам их исполняет.

«Стихи, обретшие мелодию, — пишет в своём очерке в газете «Завтра» Галина Иванкина, — звучат ещё острее. Проблема и затык, тупик авторской песни — принципиальная повторяемость мотива. Но Виталий и здесь идёт своим путём — ждёшь банально-выученной (и вымученной)

музыкальной темы, но получаешь оригинальный мотив. <...> Виталий Аверьянов — доверителен и открыт. Он вещает о времени и о себе с позиции человека, одинаково считающего и прошлое, и будущее. Русский археофутуризм — устремление в Прекрасное Далёко. Либо в загадочное Вчера, либо в сияющее Послезавтра? Но нет — в оба направления одновременно».

Александр Проханов написал к книге предисловие, в котором говорит:

«Читаешь стихи Виталия Аверьянова, и кажется, что опускаешь ведро в глубокий колодец, водишь ведром в этих сумрачных студёных глубинах, а потом вычерпываешь со дна словеса, от которых отвык наш слух. И пока наполненное литой тяжестью ведро

медленно течёт из колодца к солнцу, слышишь шум падающих капель. И каждая капля рождает загадочный поэтический звук, музыку той давнишней речи, которая, казалось, исчезла и слилась с русской народной песней, с заонежским сказом или просторечьем уже не существующих деревенских старух.

Извлекаешь это ведро, полное восхитительной словесности, на поверхность — и выплёскиваешь его на горячую землю. И донная вода начинает блестеть, шипеть, искриться, сливаясь с другими, лежащими на поверхности словами, теми, что звучат в московской толпе, на радио «Шансон», в телевизионных политических схватках.

Эта задача — выведение из тьмы, выведение из сумерек исчезнувших

красот языка, а вместе с ними исчезнувших, столь свойственных русской старине переживаний и эмоций, — есть огромная поэтическая задача.

Кто он, Виталий Аверьянов, создающий свои стихи, эпос и песни? То ли скоморох, приплясывающий с кистенём. То ли поп-расстрига, бредущий по дорогам, присматривающий, кого бы садануть палашом. То ли разгульный кабацкий весельчак, который после первой чарки рвёт

на себе рубаху. То ли шаман, живущий под корягами и глядящий в сумерках на прохожих своим рубиновым колдовским оком.

Стихи Аверьянова, положенные на музыку, звучат как баллады. Эти баллады одной своей стихией уходят в традицию русских древних баллад. А другой — сливаются с тем, что мы слышим в песнях Высоцкого, надрывных, иногда блатных, часто политизированных, хохочущих, печальных.

Эти песни хорошо было бы петь на баррикадах Дома советов в 1993 году. Но их хорошо петь и в узкой компании под водку, когда дух захватывает от этих хоровых песен.

Конечно, поэт Аверьянов — это русский ведун. Такие время от времени рождаются в нашей словесности. К их числу можно отнести и Хлебникова, и Клюева, а теперь и Виталия Аверьянова».

ПРО МОИ ТАЛАНТЫ

Я с эпохой моей на ноге короткой,
С дерзновеньем, панибратски обращаюсь с ней.
Не уехал, не сломался, не упился водкой.
Якоря мои — таланты, ждали лучших дней.

В 20 лет я был лихой, пел повсюду песни.
Мы с ребятами мечтали сколотить рок-бэнд.
Но все дилетанты, пить с такими интереснее.
Много было выпито, а группы нет как нет.

Глас народа — глас юрода, скрытый, междустрочный...
Поколение отцов раскатали в хлам.
Мы за ними — словно взвесь. Наша жизнь отсрочена.
Ну а что грядёт за нами? белый шум да спам?

Всё распалось, расплылось, стало несерьёзным.
Там, где бабки план давали, внучки курят план.
А в поэзии верлибры подлецов скабрёзных
Либо на погибель нашу плачи ярославн...

А эпоха-то идёт — как партнёрша в вальсе.
Я ж ей в пику сальтареллы бешеный волчок.
В 35 ни проженился, ни проспиритовался,
Как огурчик — по портрету дашь четвертачок...

Я с талантами своими будто жид пархатый:
То в тайник их отнесу, то зарою так.
Ни покоя днём, ни ночью, не лежат, проклятые,
Норовят всем показаться, точно я маньяк!..

Повернусь на левый бок — снится мне идея.
Повернусь на правый бок — струна во мне дрожит.
На душе взрывоопасно, чисто у злодея,
Груз в тротил-эквиваленте — хорошо лежит!

Ведь я с ним не ко двору, ведь я с ним не к месту,
Как шашлык замаринован чуждою средой.
«Не из нашего он слеплен, понимаешь, теста», —
Говорил поэт поэту, ржему седой.

Нé дал Бог: не разменял я дар свой на подарки,
Рисовал валюту в стол, богател в столе.
А пустил бы в ход — глядишь, и вышел в олигархи,
Вылетал в офшоры бы на собственной метле.

Но пригрело наш бугор, и оттаял мамонт,
Пробудился, прочихался, хобот прочесал.
Кто хотел всех обмануть — сам собой обманут.
И в утиль идёт эпоха тех, кто нас списал...

Всё-то Русь пережила, прожужет и это,
Чрез инфаркты сбросив кожу, вздымит птичий свист.
Потому как *тайная* свобода здесь воспета.
А свобода на потребу — просто чистый лист.

2016

* * *

Сверкают Франции мгновенья,
Её смотрю я на просвет:
Через закат — на удивленье,
Через восход — печальный бред.

Увидев башню, я не сдрейфил.
Великий символ, говоришь?
Ну что же, филигранный Эйфель
Упёрся лапами в Париж;

Раздвинув взором эти лапы,
Бреду задумчиво меж них...
Да, ракурс снизу, русский лапоть,
Где б ты нашел, в какой из книг?

Но даже Францию деревней
Любил я прежде всех дворцов,
Где посетители в передней
Ждут государственных отцов.

В соборах строгих и холодных,
В порталах Страшного Суда
Уже давно объявлен отдых
И от любви, и от стыда.

Они там *чуждые*, как тени,
Как психи тихие, торчат.
Кругом — людей, машин и денег —
Водоворот и водопад.

И, говоря о перспективах,
Их мир блистает к склону дня,
Но блеск поверхностей.
В мотивах
Их душ не слышал я огня.

Сверкают Франции мгновенья,
Её смотрю я на просвет:
Через закат — на удивленье,
Через восход — печальный бред.

1991

НАЧАЛЬНИК

Эй, начальник струга!
Где ж твои ветра?
Заметает вьюга
Море для багра.
Эй, начальник струга,
Надо чалить к лесу.
Ты ж глядишь на друга,
На морского беса.

Ты, я чую, правишь
Прямоком на дно.
Вместо пива ставишь
Солоно-вино.
Не пивать нам хлебный квас,
Ни родной сторонки.
Берега бегут от нас,
Ширятся воронки.

Эй, глава корабля,
Что же ты такая бя?
Не следишь ты за звездой,
Всё якшаешься с бедою...

Ах ты окаянный,
Предвкушаешь званный
Пир Левиафана
В недрах окяна.
Эх, начальник судна,
Это безрассудно.
Есть ведь Бог над нами,
Суд над временами.

Эй, начальник струга!
Дрябнут паруса.
С неземного круга
Грянут голоса!

1992

* * *

— Я не мир принёс, ребятушки.
А принёс я острый ножичек...
Иль вы думали, любовь, она
Пострелячи игры в ладушки?

Нет, любовь, она зубастая.
Она хочет только кровушки.

1995

* * *

Эх, Москва моя в Покрове,
Вновь Сибирь тебя свекровит!
Ленинбург на это ропщет? —
Колыма его притещит.

Эх, да что там, дело было:
Волга Одер присушила.
Я и сам кровями мешен
И немножко примечен.

Говорят, из тех пропорций —
Патри-отцы да юродцы...

Без присадок русскость наша
Растекается как каша.
Чистокровная исконность,
Размагнитивши свой компас,
В злых попойках да в шалманах
Растворяется в стаканах.

Вот у юных — скорый выбор.
Каждый третий в списках выбыл
В поколеньи чёрных принцев,
Причастившихся из шприцев...

1996

МИФ О ЗЕЛЁНОМ КУНДАЛИНИ

Капля водки
разбудила ужа.
Ночью он поднялся, над сердцем кружа.
Давно у иконы

молитвы мои
не слишком-то к радости склонны.
Так помолимся Богу Алкоголю,
приподнявшему крытую кровлю!

Ну а тело летело,
в постели лежало.
Тело будто сдувало,
из-под кровли сквозило тоже.
Гад встретился с гадиной,
И они уползали очень мило,
мне оставив ужонка
где-то между копчиком
и мошонкой.

Кровля хвостов им не защемила.

Водка нынче не та,
в ней прямая для жизни опасность.
В голове моей после выпитых
восьмиста —
полная ясность.
Ночью на ясном фоне приходит верная мысль,
И душа приподымается в благочестивую высь.

1996

Фрагмент из эпоса «СВОИ КОЛОКОЛЬНИ»

С камушки на камушку перепрыгивая,
Пошаживает Страж Севера
по-над речкой студёной.
Крылатым громом гудит в его колоколах,
Огонь-око
гневает в небесах его.

Железными стяжками простёганы,
Железными плитами опличены,
Текут прямолинейные урочища,
Идут его путины рукотворные.

Полноводит от того Москва-река,
Каменеет твёрже прежнего
свет-Москва.
Сходится под неё мать-сыра-земля.
Тяжело земле под Первопрестолом.

Ведь держит он пол-мира в одной руке.
Держит он пол-бездны на языке.

<...>

Если есть ещё у русачка душа,
Хоть бы самая распоследняя,
Распропитая и растленная,
То он помнит тугой памятью
О каких-то смутных преданиях,
О каких-то поведьях старорусских.

Помнит жизнь старых-старых дедов и баб,
Помнит, что была наяву Святая Русь,
Знает, что трещала силой лесная Русь
И, как в детской мечте, видит тёмную глушь
И дивится родному и знакомому,
Красоте речной и озёрной,
Развалинам монастырским.
Не иссякнуть красоте и памяти.

И который век всякий знает у нас,
Что пришли недедовы, другие времена,
Времена отцовы, новорусские —
Всё, что мог сатана, всё выделявал,
Чтобы перервать нежное предание,
Чтобы растянуть жилы белые,
Распустить наши жилы чулые...
Но не гибнет почему-то Русская Земля.

1996

АПОФАТИЧЕСКАЯ РУСЬ

Когда кругом ты уязвлён,
В одной с чертями ступе едешь —
Прерваться может страшный сон.
И ты узнаешь и узрешь,
Как в бесконечной высоте
Христос венчает нашу бездну.
Он протянул свой взор к тебе. —
Упал на землю пот небесный.

Я ошибиться не боюсь:
Стоит живая между нами
Апофатическая Русь,
Как бы невидимое зная.

Как за соломинку,
Держусь за Родину,
Держусь из гордости,
Своей упёртости,
За немохнатую,
За небогатую —
За блажь молитв её,
Юродство битв её,
За грязь снегов её,
За газ стихов её,
За нефть былин её,
За яд друзей её!

Но чем ты можешь быть велик
В нужде на водку да лекарства?
Ты — неотмирный фронтовик,
В тебе свернулось наше царство.
И знаешь ты, что отзвенит
Сей век как балаган дешёвый.
Но мир, который злом залит,
Роднится с красотой суровой.
Горит священная хоругвь.
Мы чёрным пламенем палимы,
Апофатическая Русь
В кромешной тьме слепого мира.

И день придёт, он недалёк —
Займётся всюду наша песня.
И на короткий малый срок
Мир содрогнётся и воскреснет.

Сей мир боится наших грёз,
Трепещет перед нами, бранный,
Когда в раскатах чёрных гроз
Катится мир иной, безбрежный.
Свобода чёрная звеня
Играет в смиренной нашей воле
В объятьях белого огня,
В пресветлом света ореоле.

Как за соломину,
Держусь за Родину,
Держусь из прихоти,
Из *чистой похоти* —
За титьку бед её,
Тщету побед её,
За блажь молитв её,
Юродство битв её,
За скверну язв её,
За тлен мощей её,
Позор икон её,
Да блеф святынь её!

2001

✻ ✻ ✻

Осень. Мудрость, вескость слова.
Хоровод вокруг Покрѡва.
К Покрову уж всё готово,
Всё смирилось перед Ним.
Осень — и сыта, и пьяна,
Отдых с праздником крестьянам,
Промысловым северянам
И обходчикам лесным...

Воздух чист, вода хрустальная,
Лес богат необычайно.
Лишь земля, раскрыв все тайны,
Небу буйство отдаёт...
Небо бьётся, небо плачет,
Гнет верхи шестов и мачт,
Дань страстям земным заплатит –
Звёздным хором запоёт.

Ты этап в моих этапах,
Осень, прокрути назад их!..
Умолкает всякий запах
Матери-сырой-земли,
Скважин, пор, подземных тропок,
Всех её букашек ропот,
Чей осенний труд был кроток:
Всё законопатили.

Всё в тебе явилось цельным,
Крепким, зрелым, драгоценным.
И горят огнём прицельным
Грани лика твоего.
Станем чёрною золою,
Станем светлою смолою,
Станем пёстрою листвою —
Станем памятью живой.

Встреть же, осень, превращенье,
Судеб перевоплощенье
Как вселенское Прощенье,
От обиды откажись...
И в упор не видя таинств,
Век живём мы, в них купаясь,
Каждый миг преображаясь
В кровь ли, в плоть, в иную жизнь!

И стихии ищут Матерь,
Ищут общий знаменатель
И находят, что Создатель
Их привёл в осенний суд.
Как ни странно, все спокойны
И ведут себя достойно.
Слёзы высохли. И стройно
Подсудимые идут:

«Наша печь самодержавна
И полна народным жаром,
Пламя ровно, православно,
Ну а мы... а мы дрова!
Станем чёрною золою,
Станем облачною мглою,
Станем памятью живою,
Ясной плотью Покровá!»

Осень. Мудрость, вескость слова.
Хоровод вокруг Покрова.
Помирать земля готова.
Смерть пройдёт —
 земля жива...

2003

ПРОРОК В XX ВЕКЕ

Пророк с печатью у плеча
Призвал народы к кровной мести
Учением Рока и Меча
С болезненной жаждой чести.
А наши кроткие пророки,
Что кровью харкают на снег,
Печально стали на пороге:
Ой, где ж ты, божий человек?!

Нет, не в скитах — в психиатричках
В двадцатом веке зимовал,
На санитарях, медсестричках
Свой дар бесстрастья закалял.
И инсулиновые шоки,
И даже галоперидол
Огнём смирения высоким
Он от души своей отвёл.

Главврач сидел как Пантократор
И как Антихрист в алтаре.
А старый, тёртый психиатр
Юрода прятал во дворе.
И здесь нашлись друзья пророку.
Он одержимых исцелял,
И для шизоидов дорогу
К Врачу всей твари направлял.

От мира, наглого и злого,
Он получает по зубам.
Но вновь отыскивает слово.
И вот уж больно, больно нам!
Он насмехается над нами!
Он превозносит свой позор.
Не предъявляя явных знамений,
Пророком смотрит чертов взор!..

— Факиры «праведного гнева»,
Вы, разжигатели хулы!
Провидцы прибыли и чрева
И заклинатели молвы!
Вожди богатых духом, дерзких!
Купцы обманов и клевет!
Безбожием времён советских
Не оправдаться вам вовек!

О, если б явное знаменье
Пришло к вам в славный, грозный час,
То, вместе с ложью и сомненьем
Сам дух бы вышибло из вас!
И полетели б на пол шприцы,
И разлетелся б в хлам дурдом,
И те, кто сделал из больницы
Палату пыток и Содом...

Свобода чёрная, звеня,
Играет в угнетённой воле,
В объятьях белого огня,
В пресветлом света ореоле.

И вот уже с юрода беды
Как воды с гуся потекли.
Он вновь идёт с венцом победы.
Он Ванька-встанька, соль земли.

Не покидая мир сей блазный,
Следит, как зреет в нём гроза.
А на реснице блеск алмазный,
За мир неложная слеза.
Мне положи все царства света,
Их роскошь, их прекрасных дам,
За даровую щедрость эту
Слезы юродства не отдам.

2006

Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Со своих колоколен.
Стихи. Песни. Эпос —
М.: Книжный мир,
2017. — 184 с.

Виталий АВЕРЬЯНОВ.
25 песен.
MP3-диск (студия
"Music For Sale", 2016).

С диском и книгой можно ознакомиться на персональном сайте автора
<http://averianov.net>

